

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 3 (59)

Научный журнал / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

доктор педагогических наук, доцент,
член-корреспондент РАО, почетный работник общего
образования Российской Федерации, ректор МГПУ,
Москва, Россия

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
первый проректор МГПУ, Россия, Москва

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

доктор социологических наук, доцент, проректор
по учебной работе МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Кириллов В. В.

главный редактор

кандидат исторических наук, директор, профессор
Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия

Омельянчук И. В.

заместитель
главного редактора

доктор исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Андреев И. Л.

кандидат исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Брэдли Дж.

доктор философии по истории (PhD), заслуженный
профессор Университета Талса, Александрия,
Вирджиния, США

Васильев Д. В.

доктор исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Вишняков Я. В.

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва,
Россия

Гагкуев Р. Г.

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Россия, Москва

Гайда Ф. А.

доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории России XIX – начала XX века МГУ
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Демин В. А.

доктор исторических наук, доцент, профессор департамента
истории МГПУ, Москва, Россия

Жангуттин Б. О.

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова
КазНПУ им. Абая, Алматы, Казахстан

Иванов А. А.

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
новейшей истории России Института истории СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия

Козловская Г. Е.

доктор исторических наук, профессор, директор
Самарского филиала МГПУ, Самара, Россия

Копелев Д. Н.

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Малышева О. Г.	доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Матвеев Г. Ф.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Михайловский Ф. А.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Москва, Россия
Николаев А. Б.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
Орлов С. В.	кандидат экономических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Пазин Р. В.	кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Москва, Россия
Рокки Э. К.	магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
Ртищева Г. А.	кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Селезнев Ф. А.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
Сорокин А. А.	кандидат педагогических наук, доцент, начальник департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Токарева Е. А.	кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Черникова Т. В.	доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия

**Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук.**

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Малов А. В.</i> Атаман Ерема Саламыков и его станица в 1613–1630-е гг.	6
<i>Коротун С. Н.</i> Симон Питерсен: петровское кораблестроение конца XVII в. сквозь призму биографии одного мастера	26
<i>Мазаев Н. А.</i> Мургабское государево имение как место применения и трансляции прогрессивного сельскохозяйственного опыта	40
<i>Айрапетов О. Р.</i> 1902 год. Канун революции	55
<i>Мироненко М. П.</i> К истории финансирования исторического журнала «Русский архив» (1863–1912)	74
<i>Стогов Д. И.</i> Церковно-государственные отношения эпохи Николая II в современной отечественной историографии.....	88

Новейшая история России

<i>Синин Е. Ю.</i> Григорий Яковлевич Беленький: от революционного подполья до сталинской тюрьмы.....	102
<i>Бессолицын А. А.</i> Советское торговладение в Тяньцзине о кинопромышленности Китая в 1920-х гг. (по архивным документам).....	117
<i>Малхозова Ф. В.</i> Новоселье в Доме советов: будни народных депутатов на Краснопресненской набережной	130

Всеобщая история

<i>Мирзоев Е. Б.</i> Поражение галатов под Дельфами в 279 г. до н. э.: обстоятельства и причины.....	139
<i>Петров М. Д., Исаков В. А.</i> Социально-политические взгляды Роберта Деверё, второго графа Эссекса	154
<i>Медоваров М. В.</i> Уильям Гладстон как политик и человек в освещении «Русского обозрения»	169

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки»,

2025, № 3 (59)	184
-----------------------------	-----

Требования к оформлению статей.....	188
-------------------------------------	-----

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Malov A. V.</i> Ataman Yerema Salamykov and his Cossack troop in 1613–1630s	6
<i>Korotun S. N.</i> Simon Pitersen: Peter the Great's shipbuilding of the late 17 th century through the prism of the biography of one master	26
<i>Mazaev N. A.</i> Murghab Sovereign's Estate as a place of application and translation of progressive agricultural experience.....	40
<i>Airapetov O. R.</i> The year 1902. The eve of the Revolution.....	55
<i>Mironenko M. P.</i> On the history of financing the historical journal "Russian Archive" (1863–1912)	74
<i>Stogov D. I.</i> Church-state relations of the Nicholas II era in modern Russian historiography.....	88

Modern History of Russia

<i>Sinin E. Yu.</i> Grigory Yakovlevich Belenky: from the revolutionary underground to Stalin's prison	102
<i>Bessolitsyn A. A.</i> Soviet trade mission in Tianjin on China's film industry in the 1920s (based on archival documents)	117
<i>Malkhozova F. V.</i> Housewarming in the House of Soviets: the everyday life of people's deputies on Krasnopresnenskaya Embankment	130

General History

<i>Mirzoev Ev. B.</i> Defeat of the Galatians at Delphi in 279 BC: circumstances and causes	139
<i>Petrov M. D., Isakov V. A.</i> The socio-political views of Robert Devereux, 2 nd Earl of Essex.....	154
<i>Medovarov M. V.</i> William Gladstone as a politician and a person in the coverage of the "Russkoe obozrenie" journal.....	169

Authors of the MCU Journal of Historical Studies,

2025, № 3 (59)	184
-----------------------------	-----

Requirements for the Style of Articles.....	188
---	-----

История России:
с древнейших времен
до 1917 года | History of Russia:
from Ancient Times
to 1917

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-6-25

Малов Александр Витальевич

кандидат исторических наук

Институт российской истории РАН

Москва, Россия,

supilluliuma@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5150-2671

**АТАМАН ЕРЕМА САЛАМЫКОВ
И ЕГО СТАНИЦА в 1613–1630-е гг.**

Аннотация. Статья посвящена атаману Еремею Саламыкову как выборному военному вождю, а также его казачьему отряду (станице) как военной микрокорпорации, которые стали формой самоорганизации русского общества в ответ на ослабление государства и недоверие рядовых воинов к верховной власти, администрации и своему высшему командованию. Сохранившиеся документы приказного делопроизводства таких приказов, как Разрядный и Казенный, позволили реконструировать по крайней мере часть боевого пути казачьей дружины и проследить процесс интеграции военной дружины вольных казаков и ее лидера в военно-сословную структуру служилого Московского государства.

Ключевые слова: Россия начала XVII в., казачество вольное и служилое, сословно-служилые страты Московского царства, казачьи атаманы и станицы, Смута, Смоленская война 1632–1634 гг., Невель, Великие Луки, атаман Ерема Саламыков.

Для цитирования: Малов А. В. Атаман Ерема Саламыков и его станица в 1613–1630-е гг. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 6–25.
<https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-6-25>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-6-25

Malov Alexander V.

Candidate of Historical Sciences

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

supilluluma@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5150-2671

ATAMAN YEREMA SALAMYKOV AND HIS COSSACK TROOP in 1613–1630s

Abstract. The article is devoted to Ataman Yeremey Salamykov, as an elected military leader, as well as his Cossack detachment (stanitsa) as a military micro-corporation, which became a form of self-organization of Russian society in response to the weakening of the state and the distrust of ordinary soldiers to the supreme power, administration and their high command. The surviving documents of the order management of such orders as Discharge and State orders made it possible to reconstruct at least part of the military path of the Cossack squad and trace the process of integration of the military squad of the free Cossacks and its leader into the military estate structure of the Moscow state.

Keywords: Russia at the beginning of the 17th century, free and serving Cossacks, estate and service groups of the Moscow Empire, Cossack atamans and their troops, Smuta, the Smolensk War of 1632–1634, Nevel, Velikie Luki, ataman Erema Salamykov.

For citation: Malov A. V. Ataman Yerema Salamykov and his Cossack troop in 1613–1630s // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 6–25. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-6-25>

Введение. С одной стороны, Смутное время рубежа XX–XXI вв. спровоцировало бурный интерес и профессиональных историков, и российского общества в целом к истории первой русской Смуты начала XVII столетия, который не снижается до сих пор. С другой стороны, за последние три десятилетия внимание как отечественной, так и зарубежной русистики к истории военно-сословных групп служилого Московского государства и его военной организации четко обозначило актуальность этих направлений научных исследований не только для профессиональной корпорации, но и для более широкой общественности, интересующейся историей Отечества и военной историей. Начав с изучения государева двора и московских чинов, а следом и провинциальных служилых «по отечеству», в объектив исследований быстро попали и низшие категории служилых людей, как то: казаки, стрельцы, пушкари etc., — в отношении которых наработанные предшествующей историографией генеалогические методы научных исследований оказались малоэффективны. В этой ситуации на помощь историку приходят просопографические методы, которые часто оказываются единственно

возможными при исследовании периода, когда приказная система государственного управления России только возрождалась из пепла, а вольно-служилое казачество яростно сопротивлялось любому учету, любым попыткам разборов и смотров, которые только и могли бы дать объективную картину состава и численности вольного казачества. В рамках более широкого просопографического исследования подготовлена и настоящая работа как микробиография одного из характерных харизматичных военных вождей эпохи Смуты, невысокий социальный статус которого не позволяет провести полноценное биографическое исследование, а также история его боевой дружины.

Изучение казачества эпохи Смуты, начатое фундаментальными исследованиями Н. П. Долинина (1906–1968)¹, И. С. Шепелева (1906–1989)² и А. Л. Станиславского (1939–1990)³, было продолжено И. О. Тюменцевым и рядом других историков. Докторская диссертация А. Л. Станиславского и в точности соответствующая ей монография, увидевшая свет в 1990 г., вскоре после смерти автора⁴ задала высокую планку для всех последующих историков и до сих пор остается самым фундаментальным исследованием казачества Смутного времени. Фундированное исследование Тюменцевым движения Лжедмитрия II⁵, а также обращение историка к земскому движению 1611–1613 гг.⁶ отмечают огромную роль казачества в политических событиях эпохи. Тюменцеву же

¹ Долинин Н. П. Подмосковные полки (казачьи таборы) в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958.; *Его же. Разрядный список 1618–1619 гг. поместных казаков Рязани* // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 397–407.

² Шепелев И. С. Донское и волжско-терское казачество в классовой и национально-освободительной борьбе в Русском государстве периода Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (первая четверть XVII в.) // Шепелев И. С. Труды по истории России в начале XVII столетия: в 2 т. Т. 1: Национально-освободительная и классовая борьба в Русском государстве в начале XVII столетия: научные статьи. Волгоград, 2012. С. 261–314; *Его же. Труды по истории России в начале XVII столетия: в 2 т. Т. 2: Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг.: монография*. Волгоград, 2012.

³ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Об одном «частном» письме XVII в. // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 366–370; Станиславский А. Л. Законочательство о верстанном казачестве XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сб. ст. М., 1985. С. 164–176; *Его же. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории*. М., 1990.

⁴ Среди историков гуляет легенда о том, что диссертация куда полнее и богаче, чем монография, абсолютно не соответствующая действительности. Возможно, в силу того что в период подготовки рукописи к печати историк тяжело болел и книга увидела свет уже после его смерти, он не смог или не успел дополнить или изменить текст диссертации: Станиславский А. Л. Русское казачество в первой четверти XVII века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985; *Его же. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории*. М., 1990.

⁵ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

⁶ Тюменцев И. О. Казаки в движении земских ополчений в России 1611–1612 годов // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 9–16; *Его же. Кто был инициатором избрания Михаила Романова на царство* // Вестник МГУТУ. Серия общественных наук: история, журналистика, педагогика. 2024. № 3. С. 3–19.

принадлежит ряд очень важных для нашей темы наблюдений, в частности о том, что многочисленные казачьи полки образовались в рамках движения Лжедмитрия II в 1606–1610 гг. под Троице-Сергиевым монастырем и в Тушино. Получившая распространение в историографии гипотеза о существовании в Тушино ведавшего казаками особого Казацкого (Казачьего) приказа под руководством казачьего атамана и тушинского боярина Ивана Мартыновича Заруцкого⁷ по меньшей мере обоснованно поставлена под сомнение Д. В. Лисейцевым⁸ и требует дополнительного исследования. С бегством Самозванца из Тушинского лагеря в Калугу (в ночь на 28 декабря 1609 г.) Заруцкий потерял доверие значительной части казаков из-за своих метаний между королем и Самозванцем. Однако вплоть до формирования Первого земского ополчения казаки были организованы в крупные полки во главе с такими видными политическими лидерами, как И. М. Заруцкий и братья Александр и Иван Просовецкие, командовавшие своими полками посредством назначенных ими казачьих голов и сотников. Но кризис земского движения, связанный с падением доверия казаков к своим командирам, летом 1611 г. привел к распаду полков на многочисленные станицы с выборными военными вождями — атаманами и их помощниками-есаулами, по образцу вольного российского казачества. По тем же образцам станицы в подмосковных таборах почти сразу стали объединяться в казачьи войска, где высшим органом власти стал казачий круг. Последний не позволил подрастерявшим свой авторитет старым казачьим лидерам создать какой-либо внешний орган управления казачьими войсками, которые признавали власть лишь возрожденного Разрядного приказа, ведавшего всей действующей армией⁹. Тюменцев отмечает, что формирование вольного казачества внутри страны происходило на базе распавшихся служилых казачьих полков Лжедмитрия II и сопровождалось массовым показачиванием русских людей. Эти процессы привели к формированию в 1611 г. казачьего войска с войсковым казачьим кругом как высшим органом власти этого нового вольного казачества по образцу Войска Донского.

Ход и результаты исследования. Книга А. Л. Станиславского ввела в научный оборот самое значительное на сегодняшний день количество имен вольных и служилых казаков той эпохи, включая 295 атаманов, до полусотни казачьих

⁷ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 27; Тюменцев И. О. Смутное время... С. 368, 580; Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М., 2011. С. 204–205, 504.

⁸ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 351, 355–356; Его же. «Воровские» приказы в Тушино и Калуге в 1609–1610 гг. // Европейский путь России: Ордин-Нащокинские чтения. Вып. 1: Псков и Псковская земля — форпост российской государственности и культуры. А. Л. Ордин-Нащокин и его время: сб. научных трудов. Псков, 2009. С. 54–64; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 79.

⁹ Тюменцев И. О. Казаки в движении земских ополчений... С. 9–12.

есаулов, сотников, дьячков, пятидесятников и десятников и до полутора сотен «черкасской» (запорожской) старшины. Героями настоящего исследования являются казачий атаман Еремей (Ерема) Никитин (Микитин) сын Саламыков (Соломыков, Саломыков, Соламыков) и его казачья станица как сословно-служилая микрокорпорация. В книге А. Л. Станиславского атаман Еремей Саламыков со своей станицей упоминается лишь единожды в связи с переводом их, по условиям Деулинского перемирия (01.12.1618), из Невеля в Луки Великие и верстанием его поместным окладом в 1619 г., со ссылкой на две десятни и разрядный столбец Новгородского стола¹⁰. Данное исследование стало возможным главным образом благодаря неплохой сохранности документов Разрядного приказа по управлению Великими Луками, Невелем и их служилыми корпорациями, к которым присоединилась станица Еремы Саламыкова.

При прежнем воеводе Григории Леонтьеве сыне Валуеве в росписях его «полка» казаки ни разу не упоминаются, и можно было бы предполагать, что казаки со своими атаманами пришли в Невель со сменившим Валуева кн. Семеном Никитичем Гагарыным¹¹. Однако, когда в конце 1613 – начале 1614 г. Г. Л. Валуев послал в набег на литовский город Освей голов Ивана Федорова сына Широновсова и Романа Дмитриева сына Карамышева с ратными людьми, которые вместе с «язычником» сыном боярским Д. Ф. Алексеевым получили на Казенном дворе жалованье «за Невской (Невелской. — A. M.) сеунч [донесение о военной победе] и за язычной привод» 25 и 27 января 1614 г.¹², в тот же день 27 января жалованье на Казенном дворе — по портищу (по шесть аршин) сукна лягчины червчатой — получили двое невельских казаков — Федор (Федька) Дмитриев и Степан (Степанка) Кулук¹³. Строго говоря, Освей представлял собой «място» — не имевший укреплений волостной административный центр, поскольку стоял на берегу большого одноименного озера, посередине которого располагался внушительного размера остров, на котором население Освея и находило укрытие в случае военной опасности, но не в середине зимы, когда озеро сковано льдом, и невельская «посылка»

¹⁰ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 214.

¹¹ Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Київ, 2009. Т. I. С. 67–88; *Его же. Невельське «сидение» 1613–1619 гг.* // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: збірник наукових праць: Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Вип. 25. Рівне, 2014. С. 210–220; *Его же. Полк воеводы Григория Леонтьевича Валуева на Невеле в 122 (1613/14) году: Список и верстание* // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: збірник наукових праць: Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Вип. 26. Рівне, 2015. С. 260–267; Рабинович Я. Н. Братья Семен и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015. С. 34–39.

¹² РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 66. Л. 110–110 об.; Кн. 199. Л. 264–264 об. — Опубл.: Приходо-расходные книги Казенного приказа / по инициативе и на средства сотр. АК кн. Г. Д. Хилкова // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 9. А / отв. за том член АК А. И. Тимофеев. СПб., 1884. (далее — РИБ. Т. 9). С. 76, 229.

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 199. Л. 268–268 об. — Опубл.: РИБ. Т. 9. С. 230.

не только выжгла незащищенный посад и прибрежные селения, но и ограбила, и «высекла» не успевшее убежать население. А 31 января 1614 г. портище (четыре арш. без чети) лазоревого сукна настрафиля (1 рубль 22 алтына 2 деньги) получил на Казенном дворе «за язычной привод» невельский атаман Иван Савельев¹⁴.

Таким образом, мы должны констатировать присутствие в Невеле каких-то казаков еще при воеводстве Г. Л. Валуева. Однако, поскольку атаман Иван Савельев, ни в Невеле, ни в Великих Луках в дальнейшем не упоминается, можно предположить, что он либо в скорости сложил свою голову в боях, либо ушел из Невеля с Г. Л. Валуевым при смене воевод. К марта 1614 г. Валуева отзывали из Невеля в столицу для похода (выступили в сентябре) с боярином кн. Борисом Михайловичем Лыковым во главе экспедиционного отряда из дворян и детей боярских разных городов и иноземцев — «охотников... которые назывались в походе»¹⁵. Возможно, в поход с Валуевым пошли и некоторые из его сослуживцев, включая казаков атамана Савельева, а князь Гагарин пришел в Невель сразу с успешного воеводства в Белеве, минуя Москву, не исключено, что также с какими-то казаками, с которыми только что отстоял Белев и успешно сражался с «литвой»¹⁶.

Первое упоминание о Ереме Саламыкове, которое нам удалось найти в сохранившихся документах, датируется началом 1615 г., когда в Москву приехала проезжая станица от нового невельского воеводы кн. С. Н. Гагарина со взятыми литовскими языками. В числе «язычников» невельской проездной станицы расходная книга Казенного двора зарегистрировала двух невельских, двух луцких и одного пусторжевского сына боярского, стрелецких сотника, пятидесятника и рядового стрельца, казачьего есаула станицы Никиты Путимца и нашего героя, атамана Ерему «Соломыкова», получивших 24 февраля жалованье «за язычной привод»¹⁷. Атаман получил за своего языка портище (4 аршина без чети) сукна настрафиля лазоревого или зеленого (цена 2 рубля 8 алтын 2 деньги)¹⁸.

Можно уверенно предполагать, что станица Е. Саламыкова уже была в Невеле, когда после 18 марта 1614 г. недавно принявший у Валуева город князь Гагарин получил вести о подготовке в Речи Посполитой большого похода под Смоленск и Москву и отвлекающего удара силами частной армии канцлера Великого княжества Литовского Льва Ивановича Сапеги по западным форпостам

¹⁴ Цена портища — рубль 22 алт. 2 ден.: Расходная книга товарам и вещам (1613, сентябрь – 1614, июль) // Приходо-расходные книги Казенного приказа... С. 234.

¹⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 28: Приходо-расходные книги московских приказов / [составитель: С. Б. Веселовский; под редакцией С. Ф. Платонова]. Кн. 1. М., 1912 (далее — РИБ. Т. 28). Стб. 296.

¹⁶ Рабинович Я. Н. Указ. соч. С. 29–35.

¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 277. Л. 196–196 об.

¹⁸ О пожалованиях на Казенном дворе за взятых пленников подробнее см.: Малов А. В. «А пожаловал Государь их за службу»: Тканное жалованье ратным людям в 1613–1621 годах (номенклатура и цены) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г. Нижний Новгород, 2018. С. 34–52.

России — Невелю, Опочке и Себежу¹⁹. В авангарде же этого наступления Лев Сапега планировал опустошительный рейд полка знаменитого авантюриста Александра Лисовского, который должен был попытаться, используя эффект неожиданности, захватить пограничные замки, но независимо от результата, не задерживаясь под ними, вторгнуться вглубь страны — «Московское государство воевать и крестьян побивать до (со)сущих младенцев».

Получив эти вести, правительство 15 апреля 1614 г. указало полковым воеводам — кн. Д. М. Черкасскому с товарищами нанести упреждающий удар по землям Великого княжества Литовского. Возможно, в контексте того же указа в мае кн. С. Н. Гагарин послал голов с сотнями и атаманов с казаками под литовский город Озерища. Озерищенский дерево-земляной замок стоял над одноименным озером на косе, которая в период половодья превращалась в остров, а тянувшиеся по побережью селения не имели укреплений. Из позднейших документов известно, что с князем Гагариным в Невеле служили две станицы — Богдана Порываева и Еремы Саламыкова, а также, что в конные посылки под литовские города казаки ходили в полном составе. Таким образом, хотя у нас нет прямых подтверждений участия в этом набеге станицы Еремы Саламыкова, вряд ли стоит сомневаться в ее участии в этой акции, когда в Озерищах невельские ратные люди разорили посад и «литовских людей побили». Остальная «литва», надо полагать, отсиделась в острожке. Любопытно, что 20 мая за сеунч пожалован был лишь пусторжевский сын боярский Н. И. Сумароков²⁰, а вместе с двумя другими членами проезжей станицы — атаманом Богданом Порываевым и казаков его станицы Григорием Сухоруком все трое получили на Казенном дворе 24 мая жалованные сукна «за выход»²¹. Последнее дает основание предполагать ожесточенный бой при Озерищах с попаданием посланных в Москву с сеунчем и за жалованием троих бойцов в плен с их последующим освобождением (были отбиты?)²².

В ответ 10 июля паны Александр Безсекерский и Ян Якубовский, неожиданно атаковав Невель, овладели невельским посадом, но в крепости невляне отсиделись. А после отхода нападавших князь Гагарин послал в погоню всех невельских служилых людей (включая казаков), кто мог выступить, во главе с невлянином И. Н. Сорочневым. Не ожидавшие скорой погони литовские командиры были застигнуты врасплох и не смогли организовать сопротивления:

¹⁹ Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1574–1634. СПб., 1894. № 72. С. 108–109.

²⁰ Книга сеунчей 1613–1614 гг. / подгот. к печати А. Л. Станиславский, С. П. Мордовина // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.; Варшава: Археографический центр, 1995. С. 26.

²¹ Малов А. В. «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613–1619): определение терминологических границ (по данным расходных книг Казенного приказа) // Смутное время: итоги и уроки: сб. материалов Второй Всероссийской научной конференции. Иваново – Кохма – Шуя, 20–22 апреля 2012 г. / отв. ред. А. Ю. Кабанов. Иваново, 2012. С. 157–195.

²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 199. Л. 466 об.–467. — Опубл.: РИБ. Т. 9. С. 294.

с уцелевшими людьми бежали пешими в лес, а победителям достался весь обоз, знамена, литавры и литовские пленники²³.

Не смирившись с поражением, 19 июля 1614 г. литвины вновь осадили Невель более крупными силами во главе с коронным поручиком Андреем Корсаком и ротмистром литовских татар Муравским Соболевичем. 24 июля «литва» пошла на решающий штурм, а князь Гагарин, пока пушкари и затинщики с посадскими людьми и укрывшимися в городе окрестными крестьянами обороняли стены и башни, выслал на вылазку своего сына Ивана и пусторожевца Ивана Широносова едва ли не со всеми ратными людьми своего гарнизона. Столь сильная вылазка ударила с тыла на не ожидавших такого поворота литвинов и, посеяв в них панику, обратила в бегство. Конная погоня невлян рубила бежавшую «литву» до самых Озерищ²⁴.

Но самая масштабная и тяжелая осада «литвой» Невеля началась в ноябре 1614 г., когда, вероятно, стало замерзать Невельское озеро²⁵. Генеральный штурм Невеля войсками полковника Кордацкого, включавшими польские и литовские войска и немецких наемников, пришелся на 27 декабря, но оказался безуспешным и весьма кровавым для нападавшей стороны. Осада Невеля продолжалась до января 1615 г., когда после ухода из-под города наемников деморализованное неудачами и болезненными потерями польско-литовское войско, по сути, развалилось и разошлось по своим поветам. Жалованье в Москве невельские сеунщики получили 28 января, когда смогли добраться до столицы²⁶. Князь Гагарин был пожалован после сдачи летом своего воеводства в Москве 18 июля 1615 г. у царского стола за свои ратные труды, но особенно за оборону Невеля в ноябре 1614 – январе 1615 гг.: «в приход к Невлю литовских людей в осаде сидел и на приступе и на вылосках литовских людей побивал»²⁷. По всей видимости, именно с событиями этой осады следует связать появление в документах невельского атамана Еремы Саламыкова, доставившего в Москву своего литовского языка.

В июле 1615 г. кн. С. Н. Гагарина на невельском воеводстве сменили Василий Васильев сын Волынский и Гаврила Иванов сын Писемский²⁸, но уже в феврале 1616 г. на их место были присланы новые воеводы Семен Яковлев сын Молванинов и Крик Степанов сын Ефимьев. К февралю 1616 г. под их началом

²³ См. об этом подробнее: Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты; *Его же*. Невельское «сидение» 1613–1619 гг.

²⁴ Подробнее см.: Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты; *Его же*. Невельское «сидение» 1613–1619 гг.

²⁵ С учетом пика так называемого малого ледникового периода в Европе 1560–1850-х гг., пришедшегося на 1590–1630 гг.

²⁶ Подробнее см.: Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты; *Его же*. Невельское «сидение» 1613–1619 гг.

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 112. Л. 176–177, 199–200, 357; № 163. Л. 17–18; Книга сеунчей 1613–1614 гг. С. 38.

²⁸ Книги разрядные, по официальным оных спискам изданныя с Высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. СПб., 1853 (далее — КР-1). Стб. 175–176.

в Невеле служило ратных людей 773 чел.: 192 чел. дворян и детей боярских лучан, пусторжевцев и невельян, невельский стрелецкий приказ головы Петра Лукомского в составе трех сотников и 300 стрельцов, 30 пушкарей и затинщиков и 20 воротников, а также две станицы вольных казаков во главе со своими атаманами общей численностью 220 всадников²⁹. Под невельскими атаманами разрядная запись учла Богдана Порываева и Ерему Саламыкова. На службе в Невеле Крик Ефимьев умер, а на место Семена Молвянинова в 125 (1616/17) г. прислали Бориса Иванова сына Кокорева³⁰.

Либо по отписке воеводы Кокорева в Москву, либо в соответствии с оперативными планами самого Разрядного приказа, в «разряд» 125 (1616/17) г. записали в Невеле 200 казаков во главе с атаманом Богданом Порываевым³¹. Атаман же Е. Саламыков, как, вероятно, и его 20 невельских казаков, к июлю 1617 г. оказались в Москве, где 6 июля атаман Еремей «Саломыков» получил для грядущей службы на Казенном дворе на знамя своей станицы червчатый кинджак (цена — 28 алтын 2 деньги)³². К какой же полковой службе готовили станицу Е. Саламыкова?

27 марта (6 апреля) 1617 г. *car obrany moskiewski* Владислав Жигимонтович — королевич Владислав-Зыгмунт Ваза выступил из Варшавы в поход на Москву добывать обещанный ему российский трон³³. 26 апреля (6 мая) королевич остановился в Луцке, где был определен сбор его армии³⁴. А 6 мая 1617 г. армия М. М. Бутурлина была вынуждена оставить свои укрепленные лагери под Смоленском и под угрозой блокады войсками А. К. Гонсевского отступить к Москве. Все лето московские воеводы пытались копировать активные наступательные действия Гонсевского, полковника Чапиньского с «лисовчиками» и прорвавшихся вновь в северные уезды запорожских черкас (украинцев). К концу июля (в начале августа по григорианскому календарю) армия королевича всталла лагерем под Брестом. Отсюда «нареченный царь» Владислав разослал свой универсал от 31 июля (10 августа) ко всем московским казакам с призывом перейти на его сторону и присоединиться к его походу на Москву с напоминанием о жестоком подавлении московским правительством казачьего мятежа во главе с атаманом Баловнем в 1614–1615 гг.³⁵

17 (27) сентября армия королевича подошла к Смоленску³⁶, а 24 сентября (4 октября) королевич выступил на Дорогобуж, уже блокированный войсками

²⁹ КР-1. Стб. 176.

³⁰ КР-1. Стб. 387–388.

³¹ КР-1. Стб. 388.

³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 279. Л. 382.

³³ Маевский А. А. Последний поход на Москву: Экспедиция королевича Владислава в 1617–1618 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-польской научной конференции (Москва, 24–26 октября 2012 г.) / отв. ред. А. В. Юрасов; ред. А. В. Малов; пер. с пол. яз. А. Б. Плотников. М., 2016. С. 246; Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2016. S. 97–99.

³⁴ Маевский А. А. Указ. соч. С. 246; Majewski A. A. Op. cit. S. 99–100.

³⁵ Majewski A. A. Op. cit. S. 115–116.

³⁶ Маевский А. А. Указ. соч. С. 248; Majewski A. A. Op. cit. S. 106–107.

Ходкевича³⁷. «Шатость», главным образом казаков, составлявших основную часть гарнизонов Дорогобужа и Вязьмы, привела к сдаче первой крепости (1 (11) октября)³⁸ и оставлению ратными людьми второй, занятой польско-литовскими войсками без боя 19 (29) октября³⁹. Триумфальное шествие польско-литовских войск московские воеводы смогли остановить лишь на линии Калуга – Можайск – Торопец – Тверь.

С октября основные ожесточенные бои развернулись под Можайском, но польско-литовское командование испытывало на прочность и оба фланга русской обороны. В декабре 1617 г. Разряд расписал поход на помощь Белой, по отписке бельских воевод кн. Бориса Андреева сына Хилкова и Никиты Воробина об осаде города «литовскими людми» и русскими «ворами», полка воеводы кн. Ивана Афанасьевича Мещерского с наказом от 9 декабря⁴⁰. Сбор войска князя Ивана назначался в Торопце, откуда ему надлежало идти на выручку Белой. Основу войска должны были составить контингенты, присланные воеводами Пскова, Новгорода и Невеля⁴¹. В условиях разворачивавшегося похода королевича Владислава на Москву план Разряда был не только авантюрен изначально, но оказался в принципе невыполним: людей катастрофически не хватало и никто из наряженных в поход дворян и детей боярских и казаков из состава воинских контингентов западных крепостей в Торопец не приехал. В довершение и князь Мещерский в Торопце разболелся и слег (или симулировал болезнь перед лицом невыполнимой задачи). Поход был отменен, Ивана Афанасьевича вернули в Москву, но в разрядной росписи его полка мы встречаем и невельского атамана Ерему Саламыкова с его станицей численностью в 20 казаков⁴². Участия в обороне Москвы в 1618 г. станица Е. Саламыкова не принимала, вероятно, вернувшись с новым знаменем обратно в Невель.

После подписания Деулинского перемирия и обмена в феврале 1619 г. территориями⁴³, согласно его условиям⁴⁴, Невель отошел к Великому княжеству Литовскому, где вошел в состав Смоленского воеводства (до 1638 г.), сформированного

³⁷ Маевский А. А. Указ. соч. С. 248; Majewski A. A. Op. cit. S. 109.

³⁸ Маевский А. А. Указ. соч. С. 249; Majewski A. A. Op. cit. S. 109–110.

³⁹ Majewski A. A. Op. cit. S. 114.

⁴⁰ КР-1. Стб. 444–446.

⁴¹ КР-1. Стб. 445.

⁴² КР-1. Стб. 445, 446.

⁴³ Об отдаче московских городов, включая Невель, по условиям Деулинского перемирия см.: Bohun T., Małow A., Smirnowa A. Misja rosyjskich gońców do przebywającego w polskiej niewoli ojca cara Michaiła Romanowa wielkiego posła Filareta Nikitycza, metropolity rostowskiego i jarosławskiego, 3–6 czerwca (24–27 maja) 1619 roku // Historia to (nie) fraszka. Studia ofiarowane Profesorowi Krzysztofowi Mikulskiemu z okazji 60 rocznicy urodzin / red. M. Targowski, A. Zielińska. Toruń, 2020. S. 183–223.

⁴⁴ Małow A. W. Dokumenty rosyjsko-polskiego rozejmu zawartego na 14,5 roku przez rosyjskich i polsko-litewskich posłów 11 (1) grudnia 1618 r. we wsi Dywilinie, w poselskich księgach litewskiego powyższa poselskiego przykazu // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2020. T. XVII. № 2. S. 7–100.

из отторгнутых от Московского государства земель. Невельский гарнизон эвакуировали в Торопец — ближайший жилой русский город⁴⁵. Сюда в июле 1619 г. Фока Дуров привез 300 руб. на жалованье 120 невельским казакам за прошлый, 126 (1617/18)⁴⁶ г., и торопецкий воевода Василий Васильевич Волынский раздал, «которые козаки были на государеве службе на Невле, а ныне по государеву указу — в Торопце», денежное жалованье по 2,5 руб. В десятне денежной раздачи за многих казаков своей станицы расписался в получении денег атаман Е. Саламыков. Согласно десятне, станица Саламыкова на тот момент насчитывала 49 казаков, из которых 27 уже были поверстаны поместными окладами, а 22 казака числились в кормовых⁴⁷. Из 123 невельских казаков 84 были поверстаны еще в Невеле невельскими воеводами.

Присланный в Торопец брат невельского воеводы Григорий Иванович Кокорев принял невельский полк своего брата Бориса и повел его восстанавливать Великие Луки. Казаков на луцкое пепелище с ним пришло 204 чел., включая атаманов и есаулов⁴⁸. Григорий Кокорев воеводствовал в Луках до весны 1620 г., когда где-то к апрелю его сменил стольник Григорий Андреев сын Плещеев, прослуживший в Луках вместе с Иваном Борисовым сыном Доможировым и в следующих, 129 (1620/21) и 130 (1621/22) гг.⁴⁹ Во время большого верстания 1619 г. казаков в Москве верстали боярин Василий Петрович Морозов и судья Казачьего приказа окольничий кн. Г. К. Волконский с дьяками Г. Мартемьяновым и П. Внуковым, а в Луках Великих — луцкий воевода Григорий Кокорев. Казаков разделили на три статьи: по 250 чети, 6 руб.; по 200 чети, 5 руб.; по 150 чети, 5 руб.⁵⁰ Хлеб для выдачи луцким казакам кормового жалованья был закуплен в 128 (1619/20) г. в Великом Новгороде, Ладоге и Порхове⁵¹.

Позднейшее члобитье казаков подробным образом перечисляет и описывает выполнявшиеся луцкими казаками службы: «велено нам быти на твоей государеве службе на пустом городе на Луках Великих. И мы, будучи на твоей службе на Луках, всякую службу служим, на городе караулы караулим беспрестани день и ночь в съезжей избе и на гостинном дворе стоим, и в посылки ездим, и на заставах стоим беспрестани и литовских выходцов провожаем от Лук и до Торопца, и до Ржовы, и до Москвы, и твои Государевы всякие городовые поделки делаем и житницы ставим, и съезжую избу и гостиной двор делали»⁵².

⁴⁵ Малов А. В. Ратные люди Великих Лук после Смуты и разбор служилых «городов» 1621/22 г. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 90–126.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 106. Л. 25.

⁴⁷ Там же. Л. 26–39.

⁴⁸ КР-1. Стб. 643.

⁴⁹ КР-1. Стб. 717, 762, 784.

⁵⁰ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 205–206.

⁵¹ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С. Б. Веселовский, подгот. к печати Л. Г. Дубинская и А. Л. Станиславский. М., 1983. С. 15.

⁵² Члобитная о кормовом жалованьи на вторую половину 134-го (1625/26) г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 14. Л. 113.

Следом за повстанием Поместный приказ должен был организовывать и контролировать испомещение верстанных служилых людей. При строительстве Великих Лук и, по сути, возрождении великолуцкой корпорации в раздачу казакам в 128 (1619/20) г. на основании государевой грамоты пошли, в частности, подгородные земли: «по государеву указу воевода Григорей Кокорев дал на Луках ис подгородных станов луцким казакам 33-м человеком в указные статьи, что велено дать по 20 чети человеку без дозору и без меры 35 пустошей, а по кольку чети человеку дано — того не росписано»⁵³. Раздавали также казакам «пустоши в порожих землях и не отданы никому»⁵⁴. Первая после окончания Русско-польской войны отказная книга велась до весны 1624 г., когда 20 марта была прислана в столицу в Поместный приказ с лучанином Петром Низовцевым⁵⁵.

12 октября 1621 г. Михаил Федорович и его отец-патриарх созвали Собор, который должен был решить вопрос о возобновлении войны с Речью Посполитой⁵⁶. По итогам работы Собора государи царь и патриарх указали служилым людям: «...в городех бы дворяне и дети боярские и всякие служилые люди на государеву службу были готовы, лошади кормили и запас пасли». Для тех же целей был проведен первый после Смуты полномасштабный разбор служилых «городов» по стране⁵⁷. Лучан и невлян должны были разбирать в Луках Великих в октябре – ноябре 1621 г. воеводы стольник Григорий Андреев сын Плещеев и Иван Доможиров⁵⁸. Разборная великолуцкая десятня 130 (1621/22) г., спасенная во время пожара 1626 г.⁵⁹ и хранившаяся в Разрядном приказе еще в 1668 г.⁶⁰, пока не найдена⁶¹.

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 14. Л. 140.

⁵⁴ Там же. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2. Отказные книги. Луки Великие. Кн. 8367. Л. 13–14.

⁵⁵ Там же. Кн. 8367. Л. 24.

⁵⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). Ч. 3. М., 1822. С. 228; КР-1. Стб. 774, 777, 778, 791, 814. Тема пограничных конфликтов, ставших одной из причин расторжения перемирия и возобновления войны с Речью Посполитой в 1632 г., является темой отдельного самостоятельного исследования, каковое в настоящий момент готовится к печати.

⁵⁷ Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Мавродинские чтения. Материалы к докладам 10–12 октября 1994 г. Санкт-Петербург. Межвузовская научная программа «Исторический опыт русского народа и современность». СПб., 1994. С. 82–91; Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018. С. 118–126.

⁵⁸ СГГД. Ч. 3. С. 233; КР-1. Стб. 784.

⁵⁹ «Десятня луцкая разборная разбору на Луках Великих стольника и воевод Григорья Плещеева да Ивана Доможирова 130-го году»: Опись 1626 г. // Описи Архива Разрядного приказа XVII в. / подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 53.

⁶⁰ «Десятня 130-го году лучан дворян и детей боярских разборная разбору стольника и воевод Григорья Андреева сына Плещеева да Ивана Борисова сына Доможирова»: Опись 1668 г. // Описи Архива Разрядного приказа XVII в. С. 386.

⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 198.

Общую численность в Луках служилых людей показала составленная позже по итогам разбора 1621 г. луцкая раздаточная десятня 1623 г.⁶², в которой в числе 215 луцких казаков расписана и станица Еремы Никитина сына Саламыкова: атаман, есаул Василий Иванов сын Овечкин и 77 рядовых казаков — 38 верстанных и 39 неверстанных. Тогда для повышения боеготовности воеводы кн. Афанасий Григорьевич Козловский и Грязной Иванович Бартенев раздали всем служилым людям денежное жалованье по их окладам, а тем дворянам и детям боярским, чьи оклады превышали 10 руб., дали по 10 руб.

Беспоместные великолуцкие казаки Еремы Саламыкова и Богдана Порываева получали денежное кормовое жалованье из таможенных и кабацких доходов Великих Лук, для чего Разрядный приказ должен был регулярно посыпать память в Устюжскую четью, которая ведала эти доходы. Так, за 7135 (1626/27) г. (вероятно, за вторую половину года), по памяти из Разряда от 5–9 августа 1627 г., Четверть распорядилась выплатить беспоместным казакам кормовые деньги из таможенных доходов таможенному голове Федору Дорофееву⁶³. А за первую половину 1628 г. Четверть, по разрядной памяти от 15–16 января 1628 г., направила распоряжение выплатить кормовые деньги великому воеводе Федору Андреевичу Елецкому⁶⁴. Следует обратить внимание, что в финансовых ведомостях о выдаче кормовых денег казаков делили не на верстанных и неверстанных, а на поместных и беспоместных и в иерархическом московском обществе никого не смущало, что верстанные и неверстанные казаки получают кормовые деньги по одному кормовому списку.

Разбор 139 (1630/31) г. в Луках Великих служилых «городов» стольником воеводой Федором Васильевичем Бутурлиным и дьяком Потапом Внуко- вым дает полную картину «конности и оружности» станицы Е. Саламыкова, причем вся станица: атаман, есаул и 33 рядовых казака (включая сына атамана Григория и брата есаула Давыда) — верстана поместными окладами от 150 до 250 четей и денежными окладами по 5 и 6 руб., не считая атамана и есаула В. И. Овечкина с окладами в 400 и 350 четей и 15 и 12 руб. соответственно. «Ружье» каждого казака его станицы состояло из пищали и сабли. 25 казаков из 35 чел., начиная с атамана, были записаны в 1-ю статью и выезжали на службу на 12 конях и 13 меринах; 7 казаков 2-й статьи — на коне и 6 мери- нах; 3 казака 3-й статьи — на коне и 2 меринах⁶⁵.

⁶² РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 198.

⁶³ Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – нач. XVII вв.: (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 3 / под ред. Н. Ф. Демидовой. М., 1999. С. 137–138.

⁶⁴ Там же. С. 138–139.

⁶⁵ Малов А. В. Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.: от разбора служилых «городов» 139-го (1630/31) г. до начала военных действий в октябре 1632 г. // Архив русской истории. 2007. Вып. 8. С. 98–156.

При разборе в луцкой съезжей избе «сыскали… государеву указанную прежнюю грамоту» прошлого, 127 (1618/19) г. о поверстании 93 луцких неверстанных казаков, которые переведены с Невеля в Луки Великие⁶⁶. Про них казачьи окладчики заявили, что те «невельские переведенцы» — неверстанные казаки «служат они с ними государевы многие службы под Смоленском и во Пскове и на Невле и в Рамышеве острожке сиживали и после того, как с Невля переведены… …служат они с ними верстыными козаки всякие государевы службы конные и пешие и на заставах в Пожоском острожке и по рубежу по многим по розным заставам и в ыных посылках и на Луках Великих на городе кораулы короулят; а в воровстве ни в каком нигде не бывали». Слова казачьих окладчиков подтвердили и окладчики из луцких дворян: «те неверстанные козаки на государевых на многих службах с ними бывали и в осадех сиживали». Однако верстанные по разбору 1631 г. не были испомещены и на протяжении ближайших нескольких лет продолжали служить с государева денежного и кормового жалованья вместе с неверстанными казаками по единому списку беспоместных казаков, насчитывавшему в 1631–1633 гг. 186 чел. во главе с есаулом Нечаем Афанасьевым⁶⁷. Таким образом, беспоместные казаки к началу войны с Речью Посполитой состояли пополам из учтенных разборной десятней 1631 г. верстанных и не учтенных данной десятней неверстанных казаков.

С возобновлением военных действий Русско-польской войны осенью 1632 г. станица Еремы Саламыкова участвовала во взятии Невеля 10–15 ноября 1632 г. Не успев вернуться в Великие Луки, 19 ноября атаман с его станицей и с головой Алексеем Дубровиным выступил в Окольский пригубок на заставу отражать набег пана Грибовского. 5 декабря воевода вновь включил станицу Еремея Никитича в отряд, который ходил под Усвят в отместку за разорение «литвой» дворцовых Плавеецкой и Жижецкой волостей. 6 декабря им удалось выжечь и высечь усвятский посад⁶⁸.

Наиболее ярким и героическим эпизодом боевого пути атамана Саламыкова стал бой 15 декабря 1632 г. на Колпинском озере. Тогда, преследуя возвращавшихся из набега на русские земли полоцких ротмистров Яна Вронского и Кухарского, луцкая погоня головы С. Мякинина настигла отяженевший санный поезд стервятников за 90 верст от Лук уже в Полоцком повете в Колпинской волости на одноименном озере, по которому проходил зимник. В ертауле шли казаки во главе с казачьим головой Григорием Хомутовым⁶⁹ и атаманом Еремой Саламыковым, который с ходу атаковал литовский отряд. Но, судя по описаниям боестолкновения и ранениям,

⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 30. Л. 167–172; Кн. 297. Л. 111–121.

⁶⁷ Там же. Кн. 297. Л. 122–132.

⁶⁸ Подробнее см. об этом: Малов А. В. Начальный период Смоленской войны на направлении Луки Великие – Невель – Полоцк до разгрома Полоцка 3 июня 1633 г. // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 124–172.

⁶⁹ Малов А. В. Казачий голова: границы термина и понятия. 2-я половина XVI–XVII вв. // Вестник МГУТУ. Серия общественных наук: история, журналистика, педагогика. 2024. № 2. С. 3–23.

враг оказался готов к бою и Г. Хомутова свалил залп литовской пехоты, после чего литовская конница контратаковала луцких казаков и закрутила сабельную карусель, стремясь разбить их до подхода дворянских сотен. Атаман успел зарубить двоих литвинов, пока пехота не подстрелила его коня и трижды порубленный он не оказался в руках врага. Раны различной степени тяжести получили еще девять луцких казаков, пытавшихся не отстать от своего атамана. Положение спасли подошедшие свежие дворянские сотни, которые наголову разгромили уже потрепанный казаками литовский отряд, взяв 37 языков⁷⁰. Последние оказались наиболее ценной добычей победителей⁷¹.

После трех сабельных ран в голову атаман Саламыков на какое-то время исчезает из оперативной переписки князя Репнина с Разрядом, но, возможно, он принял участие в набеге на Полоцк на рубеже мая – июня 1633 г., и он точно упоминается со своей станицей воеводой Репниным в набеге на Витебский и Усвятский поветы 28 декабря 1633 – 1 января 1634 гг.⁷² А с 5 по 8 февраля те же головы по торопецким вестям силами того же луцкого отряда произвели разведку боем под Усвятами⁷³.

Заключение. Луцкий атаман Еремей Никитин сын Саламыков нес службу и после Поляновского вечного мира 1634/35 г.⁷⁴, а его станица сохраняла имя своего легендарного атамана периода казачьей вольницы и после его смерти уже под командой луцких казачьих голов. Боевые качества луцких казаков высоко оценивались иноземцами даже в следующую Русско-польскую войну — 1654–1667 гг., в ходе которой они были переведены в рейтарский строй, в котором приняли участие во многих походах и сражениях как этой⁷⁵, так и последующих войн. Поверстанные поместными окладами уже в 1-й половине XVII в., в следующем столетии все луцкие казаки пополнили ряды местного дворянства. История же атамана Еремы Саламыкова и его станицы, их перевод из вольных казаков в городовую служилую корпорацию показывает один из путей выхода русского общества из Смутного времени, которое, в свою очередь, показало острый социальный запрос на военную самоорганизацию русских людей в условиях ослабления государства, неэффективности или даже паралича его защитных функций.

⁷⁰ Малов А. В. Начальный период... С. 124–172.

⁷¹ Малов А. В. Потерянное войско: отряды полоцкого воеводы Януша Кишки в 1633 г. // Край Смоленский: научно-популярный журнал. 2013. № 10. С. 21–25; Małow A. Zapomniany dowódca i jego armia: wojewoda połocki Janusz Kiszka i jego wojska w czasie wojny smoleńskiej // Editorstwo źródeł — ograniczenia i perspektywy / pod red. A. Perłakowskiego. Kraków, 2015. S. 113–124. (Studia edytorskie. T. 2).

⁷² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 91. Л. 216; № 163. Л. 72–74.

⁷³ Там же. № 91. Л. 218–219; № 163. Л. 76–77.

⁷⁴ История России. Т. 5. Книга первая. Московское государство в первой половине XVII в. (1598–1645 гг.) / под ред. Д. В. Лисеццева. М., 2024. Раздел IV. Глава II. § 2. С. 656–682.

⁷⁵ Курбатов О. А. Казаки служилые и вольные: казачьи подразделения в войнах 1650-х – 1660-х гг. М., 2025.

Литература

1. Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Мавродинские чтения. Материалы к докладам 10–12 октября 1994 г. Санкт-Петербург. Межвузовская научная программа «Исторический опыт русского народа и современность». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. С. 82–91.
2. Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – нач. XVII вв.: (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 3 / под ред. Н. Ф. Демидовой. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 328 с.
3. Долинин Н. П. Подмосковные полки (казачьи тaborы) в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков: Харьковский ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А. М. Горького, 1958. 130 с.
4. Долинин Н. П. Разрядный список 1618–1619 гг. поместных казаков Рязани // Археографический ежегодник за 1963 г. М.: Наука, 1964. С. 397–407.
5. История России. Т. 5. Книга первая. Московское государство в первой половине XVII в. (1598–1645 гг.) / под ред. Д. В. Лисейцева. М.: Наука, 2024. 770 с.
6. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018. 544 с.
7. Курбатов О. А. Казаки служилые и вольные: казачьи подразделения в войнах 1650-х – 1660-х гг.: монография / науч. ред. А. В. Малов. М.: Снежный Ком, 2025. 296 с.
8. Лисейцев Д. В. «Воровские» приказы в Тушино и Калуге в 1609–1610 гг. // Европейский путь России: Ордин-Нащокинские чтения. Вып. 1. Псков: ПГПУ, 2009. С. 54–64.
9. Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 792 с.
10. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
11. Маевский А. А. Последний поход на Москву: экспедиция королевича Владислава в 1617–1618 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой. М.: Древлехранилище, 2016. С. 245–269.
12. Малов А. В. «А пожаловал Государь их за службу»: тканное жалованье ратным людям в 1613–1621 годах // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Нижний Новгород: ИП Якушов Ю. И., 2018. С. 34–52.
13. Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты // Україна Lithuanica. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. Т. 1. С. 67–88.
14. Малов А. В. «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613–1619): определение терминологических границ // Смутное время: итоги и уроки. Иваново: Изд-во «Иванова», 2012. С. 157–195.
15. Малов А. В. Начальный период Смоленской войны на направлении Луки Великие – Невель – Полоцк до разгрома Полоцка 3 июня 1633 г. // Памяти Лукичева. М.: Древлехранилище, 2006. С. 124–172.
16. Малов А. В. Невельское «сидение» 1613–1619 гг. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Вип. 25. Рівне: РДГУ, 2014. С. 210–220.
17. Малов А. В. Полк воеводы Григория Леонтьевича Валуева на Невеле в 122 (1613/14) году: список и верстание // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Вип. 26. Рівне: РДГУ, 2015. С. 260–267.

18. Малов А. В. Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны 1632–1634 гг. (от разбора служилых «городов» 1630 г. до начала военных действий в октябре 1632 г.) // Архив русской истории. 2007. Вып. 8. С. 98–156.
19. Малов А. В. Ратные люди Великих Лук после Смуты и разбор служилых «городов» 1621/22 г. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М.: ИД ЯСК, 2008. С. 90–126.
20. Рабинович Я. Н. Братья Семен и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640). Саратов: ИЦ «Наука», 2015. 168 с.
21. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М.: Квадрига, 2011. 656 с.
22. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.: Наука, 1990. 272 с.
23. Станиславский А. Л. Законодательство о верстанном казачестве XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР. М.: Ин-т истории СССР, 1985. С. 164–176.
24. Станиславский А. Л. Русское казачество в первой четверти XVII века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985. 421 л.
25. Тюменцев И. О. Казаки в движении земских ополчений в России 1611–1612 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 8–19.
26. Тюменцев И. О. Кто возвел Михаила Федоровича на царство в 1613 году? // Вестник МГУТУ. Серия общественных наук: История. Журналистика. Педагогика. 2024. № 3. С. 3–19.
27. Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
28. Шепелев И. С. Донское и волжско-терское казачество в борьбе в Русском государстве периода Крестьянской войны и польско-шведской интервенции // Шепелев И. С. Труды по истории России в начале XVII столетия. Т. 1. Волгоград: Перемена, 2012. С. 261–314.
29. Шепелев И. С. Труды по истории России в начале XVII столетия. Т. 2. Волгоград: Перемена, 2012. 508 с.
30. Bohun T., Małow A., Smirnowa A. Misja rosyjskich gońców do przebywającego w polskiej niewoli ojca cara Michała Romanowa wielkiego posła Filareta Nikityczza, metropolity rostowskiego i jarosławskiego, 3–6 czerwca (24–27 maja) 1619 roku // Historia to (nie) fraszka. Studia ofiarowane Profesorowi Krzysztofowi Mikulskiemu z okazji 60 rocznicy urodzin / red. M. Targowski, A. Zielińska. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2020. S. 183–223.
31. Majewski A. A. Moskwa. 1617–1618. Warszawa: Bellona, 2016. 261 s.
32. Małow A. W. Dokumenty rosyjsko-polskiego rozejmu zawartego na 14,5 roku przez rosyjskich i polsko-litewskich posłów 11 (1) grudnia 1618 r. we wsi Dywilinie, w poselskich ksiągach litewskiego powyty'ia poselskiego przykazu // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2020. T. XVII. № 2. S. 7–100. <https://doi.org/10.36121/amalov.17.2020.2.007>
33. Małow A. Zapomniany dowódca i jego armia: wojewoda połocki Janusz Kiszka i jego wojska w czasie wojny smoleńskiej // Editorstwo źródeł — ograniczenia i perspektywy / pod red. A. Perłakowskiego. Kraków, 2015. S. 113–124. (Studia edytorskie. T. 2).

References

1. Vorobyov V. M. Iz istorii pomestnogo voiska v usloviakh poslesmutnogo vremeni (na primere novgorodskikh sluzhilykh gorodov) [From the history of the local army in the post-war period (using the example of Novgorod military towns)] // Mavrodinskie chteniiia. Materialy k dokladam 10–12 oktiabria 1994 g. Sankt-Peterburg. Mezhvuzovskaya nauchnaia programma «Istoricheskii opyt russkogo naroda i sovremennost'» [Mavrodinsky readings. Materials for reports on October 10–12, 1994, St. Petersburg. Interuniversity scientific program “Historical experience of the Russian people and modernity”]. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1994. P. 82–91. (In Russ.).
2. Voskoboinikova N. P. Opisanie drevneishikh dokumentov arkhivov moskovskikh prikazov XVI – nach. XVII vv.: (RGADA. F. 141. Prikaznye dela starykh let) [Description of the oldest documents from the archives of Moscow orders of the 16th – early 17th centuries: (RGADA. F. 141. Order files of old years)]. Issue 3 / edited by N. F. Demidova. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1999. 328 p. (In Russ.).
3. Dolinin N. P. Podmoskovnye polki (kazach'i tabory) v natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii 1611–1612 gg. [The Moscow region regiments (Cossack camps) in the national liberation movement of 1611–1612]. Khar'kov: Khar'kovskii ordena Trudovogo Krasnogo Znameni gosudarstvennyi universitet imeni A. M. Gor'kogo, 1958. 130 p. (In Russ.).
4. Dolinin N. P. Razriadnyi spisok 1618–1619 gg. pomestnykh kazakov Riazani [The discharge list of 1618–1619 local Cossacks of Ryazan] // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 g. [The Archaeographic Yearbook for 1963] Moscow: Nauka, 1964. P. 397–407. (In Russ.).
5. Istoryia Rossii. T. 5. Kniga pervaia. Moskovskoe gosudarstvo v pervoi polovine XVII v. (1598–1645 gg.) [The history of Russia. Vol. 5. The first book. The Moscow State in the first half of the 17th century (1598–1645)] / edited by D. V. Liseitseva. Moscow: Nauka, 2024. 770 p. (In Russ.).
6. Kozliakov V. N. Sluzhilye liudi Rossii XVI–XVII vekov [The military people of Russia of the 16th – 17th centuries]. Moscow: Kvadriga, 2018. 544 p. (In Russ.).
7. Kurbatov O. A. Kazaki sluzhilye i vol'nye: kazach'i podrazdeleniya v voinakh 1650-kh – 1660-kh gg. [Cossacks, serving and free: Cossack units in the wars of the 1650s and 1660s]: monograph / edited by A. V. Malov. Moscow: Snezhnyi Kom, 2025. 296 p. (In Russ.).
8. Liseytsev D. V. «Vorovskie» prikazy v Tushino i Kaluge v 1609–1610 gg. [“Thieves” orders in Tushino and Kaluga in 1609–1610] // Evropeiskii put' Rossii: Ordin-Nashchokinские чтения [Russia's European Path: Ordin-Nashchokin readings]. Issue 1. Pskov: PGPU, 2009. P. 54–64. (In Russ.).
9. Liseytsev D. V. Prikaznaia sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty [The command system of the Moscow state in the era of Troubles]. Moscow; Tula: Grif i K, 2009. 792 p. (In Russ.).
10. Liseytsev D. V., Rogozhin N. M., Eskin Iu. M. Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Orders of the Moscow state of the 16th – 17th centuries]: reference dictionary. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 303 p. (In Russ.).
11. Mayevsky A. A. Posledniy pokhod na Moskvu: ekspeditsiya korolevicha Vladislava v 1617–1618 gg. [The last campaign to Moscow: The expedition of Prince Vladislav in 1617–1618] // Smuta v Rossii i Potop v Rechi Pospolitoi [The Troubles in Russia and the Flood in the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2016. P. 245–269. (In Russ.).

12. Malov A. V. «A pozhaloval Gosudar' ikh za sluzhbu»: tkannoje zhalovan'e ratnym liudiam v 1613–1621 godakh [“And the Sovereign granted them for their service”: A cloth salary for military men in 1613–1621 (nomenclature and prices)] // Torgovlia, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv. [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th – 19th centuries]. Nizhnii Novgorod: IP Yakushev Yu. I., 2018. P. 34–52. (In Russ.).
13. Malov A. V. Bor'ba za Nevel' v kontse Smuty [The struggle for Nevel at the end of the Troubles] // Ukraina Lithuanica. Kiiv: In-t istoriï Ukraïni NAN Ukrainsk, 2009. T. 1. P. 67–88. (In Russ.).
14. Malov A. V. «Vyhod» i «vykhodtsy» na zavershaiushchem etape Smuty (1613–1619): opredelenie terminologicheskikh granits [“Exit” and “outsiders” at the final stage of the Troubles (1613–1619): definition of terminological boundaries (according to the expenditure books of the State Order)] // Smutnoe vremia: itogi i uroki [Time of Troubles: results and lessons]. Ivanovo: Izd-vo «Ivanova», 2012. P. 157–195. (In Russ.).
15. Malov A. V. Nachal'nyi period Smolenskoi voiny na napravlenii Luki Velikie – Nevel' – Polotsk do razgroma Polotska 3 iunia 1633 g. [The initial period of the Smolensk War in the direction of the Velikiye Luki – Nevel – Polotsk before the defeat of Polotsk on June 3, 1633] // Pamiati Lukicheva [In memory of Lukichev]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006. P. 124–172. (In Russ.).
16. Malov A. V. Nevel'skoe «sidenie» 1613–1619 gg. [Nevelsky's “sitting” of 1613–1619] // Aktual'ni problemi vitchiznianoї ta vsesvitn'oї istoriї [Actual problems of national and world history]. Issue 25. Rivne: RDGU, 2014. P. 210–220. (In Russ.).
17. Malov A. V. Polk voevody Grigoria Leont'evicha Valueva na Nevele v 122 (1613/14) godu: spisok i verstanie [The regiment of voivode Grigory Leontievich Valuev on the Neva River in 122 (1613/14): List and layout] // Aktual'ni problemi vitchiznianoї ta vsesvitn'oї istoriї [Actual problems of national and world history]. Issue 26. Rivne: RDGU, 2015. P. 260–267. (In Russ.).
18. Malov A. V. Ratnye liudi Velikikh Luk nakanune Smolenskoi voiny 1632–1634 gg. (ot razbora sluzhilykh «gorodov» 1630 g. do nachala voennykh deistvii v oktiabre 1632 g.) [The military men of Velikiye Luki on the eve of the Smolensk War of 1632–1634: from the analysis of the military “cities” of 139 (1630/31) to the outbreak of hostilities in October 1632] // Arkhiv russkoi istorii [Archive of Russian History]. 2007. Issue 8. P. 98–156. (In Russ.).
19. Malov A. V. Ratnye liudi Velikikh Luk posle Smuty i razbor sluzhilykh «gorodov» 1621/22 g. [The military men of Velikiye Luki after the Troubles and the analysis of the military “cities” of 1621/22] // Istoriorafija, istochnikovedenie, istorija Rossii X–XX vv. [Historiography, source studies, history of Russia of the 10th – 20th centuries]. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK, 2008. P. 90–126. (In Russ.).
20. Rabinovich Ya. N. Brat'ia Semen i Nikita Gagariny: stranitsy biografii (1610–1640) [Brothers Semyon and Nikita Gagarin: pages of biography (1610–1640)]. Saratov: ITs «Nauka», 2015. 168 p. (In Russ.).
21. Rybalko N. V. Rossiiskaia prikaznaia biurokratiia v Smutnoe vremia [Russian command bureaucracy in the Time of Troubles]. Moscow: Kvadriga, 2011. 656 p. (In Russ.).
22. Stanislavsky A. L. Grazhdanskaia voina v Rossii XVII v. Kazachestvo na perelome istorii [The Civil War in Russia of the 17th century. Cossacks at the turning point of history]. Moscow: Nauka, 1990. 272 p. (In Russ.).

23. Stanislavsky A. L. Zakonodatel'stvo o verstannom kazachestve XVII v. [Legislation on the Cossack Cossacks of the 17th century] // Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR [Research on the source studies of the history of the USSR]. Moscow: Institut istorii SSSR, 1985. P. 164–176. (In Russ.).
24. Stanislavsky A. L. Russkoe kazachestvo v pervoi chetverti XVII veka [The Russian Cossacks in the first quarter of the 17th century]: dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Moscow, 1985. 421 p. (In Russ.).
25. Tyumentsev I. O. Kazaki v dvizhenii zemskikh opolchenii v Rossii 1611–1612 godov [Cossacks in the movement of Zemstvo militias in Russia in 1611–1612] // Science Journal of VolsU. History. Area Studies. International Relations. 2019. Vol. 24. № 4. P. 8–19. (In Russ.).
26. Tyumentsev I. O. Kto byl initiatorem izbraniia Mikhaila Romanova na tsarstvo [Who raised Mikhail Fedorovich to the kingdom in 1613?] // Vestnik MGUTU. Seriya obshchestvennykh nauk: Istorija. Zhurnalistika. Pedagogika [Bulletin of MGUTU. Series of Social Sciences: History. Journalism. Pedagogy]. 2024. № 3. P. 3–19. (In Russ.).
27. Tyumentsev I. O. Smutnoe vremia v Rossii nachala XVII stoletiiia: dvizhenie Lzhe-dmitriia II [The Time of Troubles in Russia at the beginning of the 17th century: the movement of False Dmitry II]. Moscow: Nauka, 2008. 686 p. (In Russ.).
28. Shepelev I. S. Donskoe i volzhsko-terskoe kazachestvo v bor'be v Russkom gosudarstve perioda Krest'ianskoi voiny i pol'sko-shvedskoi interventsii [The Don and Volga-Terek Cossacks in the class and national liberation struggle in the Russian state during the Peasant War and the Polish-Swedish intervention (the first quarter of the 17th century)] // Shepelev I. S. Trudy po istorii Rossii v nachale XVII stoletiiia. Vol. 1. Volgograd: Peremeny, 2012. P. 261–314. (In Russ.).
29. Shepelev I. S. Trudy po istorii Rossii v nachale XVII stoletiiia [Works on the history of Russia at the beginning of the 17th century]. Vol. 2. Volgograd: Peremeny, 2012. 508 p. (In Russ.).
30. Bohun T., Małow A., Smirnowa A. Misja rosyjskich górców do przebywającego w polskiej niewoli ojca cara Michała Romanowa wielkiego posła Filareta Nikitycza, metropolity rostowskiego i jarosławskiego, 3–6 czerwca (24–27 maja) 1619 roku // Historia to (nie) fraszka. Studia ofiarowane Profesorowi Krzysztofowi Mikulskiemu z okazji 60 rocznicy urodzin / red. M. Targowski, A. Zielińska. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2020. S. 183–223.
31. Majewski A. A. Moskwa. 1617–1618. Warszawa: Bellona, 2016. 261 s.
32. Małow A. W. Dokumenty rosyjsko-polskiego rozejmu zawartego na 14,5 roku przez rosyjskich i polsko-litewskich posłów 11 (1) grudnia 1618 r. we wsi Dywilinie, w poselskich księgach litewskiego powytnia poselskiego przykazu // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2020. T. XVII. № 2. S. 7–100. <https://doi.org/10.36121/amalov.17.2020.2.007>
33. Małow A. Zapomniany dowódca i jego armia: wojewoda połocki Janusz Kiszkia i jego wojska w czasie wojny smoleńskiej // Editorstwo źródeł — ograniczenia i perspektywy / pod red. A. Perłakowskiego. Kraków, 2015. S. 113–124. (Studia edytorskie. T. 2).

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-26-39

Коротун Сергей Николаевич

кандидат исторических наук, доцент

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил

«Военно-воздушная академия имени профессора

Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»

Воронеж, Россия

korotun83n@mail.ru; ORCID 0009-0003-7225-6849

**СИМОН ПИТЕРСЕН:
ПЕТРОВСКОЕ КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ КОНЦА XVII в.
СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИОГРАФИИ ОДНОГО МАСТЕРА**

Аннотация. Симон Питерсен — корабельный мастер, прибывший в 1696 г. в Россию из Дании и в 1696–1701 гг. занимавшийся строительством кораблей на воронежских верфях. Фигура датского мастера и раньше привлекала внимание исследователей истории петровского кораблестроения, однако отдельной работы, посвященной данному мастеру, не было создано. Не учтена в современной отечественной историографии важная работа датского исследователя К. Расмуссена, посвященная роли его соотечественников в создании и функционировании азовского флота. Анализ документов и исторических исследований показывает, что, несмотря на небольшой опыт кораблестроения, С. Питерсен играл важную роль в строительстве кораблей объединениями землевладельцев — кумпанствами. Деятельность датского мастера очень показательна, ее анализ позволяет увидеть типичные проблемы, с которыми сталкивались кораблестроители на данном историческом этапе, раскрыть основные причины того, почему большинство кораблей, построенных в этот период, оказались малопригодны для эксплуатации в военно-морском флоте. Как и большинство мастеров первого призыва, большого кораблестроительного опыта С. Питерсен не имел, однако вскоре выяснилось, что большинство мастеров не имеют и тех навыков, которые были у датчанина. Это привело к тому, что вскоре ему пришлось руководить строительством одновременно восьми кораблей. С. Питерсен был вынужден решать сложные проблемы: строить в очень сжатые сроки множество кораблей, улаживать конфликты с мастерами, попавшими ему в подчинение, адаптировать проекты кораблей к мелководью рек Воронеж, Дон и Азовского моря и т. д.

Ключевые слова: Петр I, Россия в XVII в., кораблестроение, С. Питерсен.

Для цитирования: Коротун С. Н. Симон Питерсен: петровское кораблестроение конца XVII в. сквозь призму биографии одного мастера // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 6–39. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-26-39>

Original article

UDK 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-26-39

Korotun Sergey N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Military Educational and Scientific Center of the Air Force

«N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy»

Voronezh, Russia

korotun83n@mail.ru; ORCID 0009-0003-7225-6849

**SIMON PITERSEN:
PETER THE GREAT'S SHIPBUILDING OF THE LATE 17th
CENTURY THROUGH THE PRISM
OF THE BIOGRAPHY OF ONE MASTER**

Abstract. Simon Pitersen was a shipbuilder who arrived in Russia from Denmark in 1696 and was engaged in shipbuilding at the Voronezh shipyards in 1696–1700. The figure of the Danish master had previously attracted the attention of researchers of the history of Peter the Great's shipbuilding, but a separate study dedicated to this master hadn't been created. An important work by the Danish researcher K. Rasmussen, dedicated to the role of his compatriots in the creation and functioning of the Azov fleet, has not been taken into account in modern Russian historiography. An analysis of documents and historical research showed that despite his little experience in shipbuilding, S. Pitersen played an important role in the construction of ships by landowners' associations — kumpanstvo. The activities of the Danish master are very indicative, its analysis allows us to see the typical problems that shipbuilders faced at this historical stage, to reveal the main reasons why most of the ships built during this period turned out to be of little use in the navy. Like most of the first-call masters, S. Pitersen did not have much shipbuilding experience, but it soon became clear that most of the masters did not have the skills that the Dane had. This led to the fact that he soon had to manage the construction of 8 ships at the same time. S. Pitersen had to solve complex problems: build many ships in a very short time, resolve conflicts with the masters who came under his command, solve the most difficult task of adapting ship designs to the shallow waters of the Voronezh, Don and Azov rivers, etc.

Keywords: Peter I, Russia in the 17th century, shipbuilding, S. Pitersen.

For citation: Korotun S. N. Simon Pitersen: Peter the Great's shipbuilding of the late 17th century through the prism of the biography of one master // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 26–39. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-26-39>

Введение. Осенью 1696 г. Петр I поставил перед страной амбициозную задачу — в сжатые сроки построить большой флот для войны с Турцией на Черном и Азовском морях. Для этого крупные землевладельцы были объединены в кумпанства, каждое из которых должно было построить боевой корабль. Мастеров для руководства строительством представляло государство. Поскольку своих специалистов в кораблестроении тогда

не было, корабельные мастера приглашались из-за границы. Так, в Россию из Дании был приглашен капитан Симон Питерсен. История данного мастера показательна, на ее примере можно проанализировать ряд ключевых проблем, возникших при строительстве кумпанских кораблей. Следует заметить, что фигура датского капитана привлекала исследователей с XIX в.: на него обращали внимание, иллюстрировали на его примере отдельные аспекты воронежского кораблестроения, даже давали ему характеристики такие исследователи, как С. И. Елагин¹, М. М. Богословский², А. В. Перегудов³, Н. А. Комолов⁴, но целостной работы, посвященной этому мастеру, создано не было. Много внимания уделил своему соотечественнику датский историк Кнуд Расмуссен в своей работе 1965 г. о судьбах датчан, служивших на Азовском флоте⁵. Его труд до сегодняшнего дня не учитывался в отечественных исследованиях, хотя и упоминался в работе О. С. Кристенсена⁶, в то время как использование в ней большого массива архивов Дании значительно расширяет представление о жизнедеятельности С. Питерсена. В предлагаемой статье на основе синтеза отечественного дискурса о датском капитане, сложившегося к настоящему времени, и работы датского исследователя мы попытаемся создать цельное представление о роли С. Питерсена в истории отечественного кораблестроения конца XVII в.

Ход и результаты исследования. Петр I уже с октября 1695 г. вел переговоры с королем Дании Кристианом V об отправке в Россию корабельных мастеров. В феврале 1696 г. датский король предложил отправить в Россию одного капитана, четырех мастеров и восьмерых плотников. К этому времени царь уже договорился о найме 50 плотников в Голландии и Гамбурге, поэтому он решил ограничиться вызовом наиболее квалифицированных кадров: капитана и четырех мастеров⁷.

Этим капитаном и был С. Питерсен. Как сам он впоследствии сообщал про себя в Посольском приказе, родился он в Копенгагене в семье торговца. С малых лет он ходил по морю волонтером на торговых и военных кораблях. Бывал в Швеции, Англии, Голландии, Франции, Испании. К лету 1696 г. шел уже седьмой год его службы в датском королевском флоте⁸. С 1691 по 1693 г.

¹ Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864.

² Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. М., 1946.

³ Перегудов А. В. Государев разрядный шатер — орган управления воронежским кораблестроением (1697–1700). Воронеж, 2010.

⁴ Комолов Н. А. Кораблестроение на рамонской земле в Петровскую эпоху // VII Ольденбургские чтения. Материалы краеведческих чтений. Воронеж, 2023. С. 13.

⁵ Rasmussen K. Danske den azovske flåde 1696–98 // Historisk Tidsskrift. 1965. Bind 12. Række 1. Hft 4. S. 464–465.

⁶ Кристенсен О. С. История России XVII века. Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 157.

⁷ Rasmussen K. Op. cit.

⁸ Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. 1. С. 67.

он был капитаном фрегата Flying Monkey («Летающая обезьяна»). В 1693–1695 гг. — помощником капитана военного корабля Dronning Charlotte Amalie («Королева Шарлотта Амалия»). С 1695 г. и до отправки в Россию вновь командовал фрегатом Flying Monkey, на котором патрулировал пролив Большой Бельт⁹. Оыта боевых действий С. Питерсен не имел, поскольку Дания в те годы не вела войн. Каков был опыт датчанина как кораблестроителя сказать трудно. Сам Симон при приеме на русскую службу сообщил, что «искусство имеет как корабли воинские и каторги (галеры. — С. К.) и иные воинские суды по образцам строить»¹⁰.

По сведениям К. Расмуссена, на датских верфях С. Питерсен никаких кораблей не строил, однако пытался продать королю чертежи, среди которых была модель артиллерийского транспортного судна, имевшая до шести модификаций, что позволяет исследователю характеризовать его как «изобретательного конструктора»¹¹.

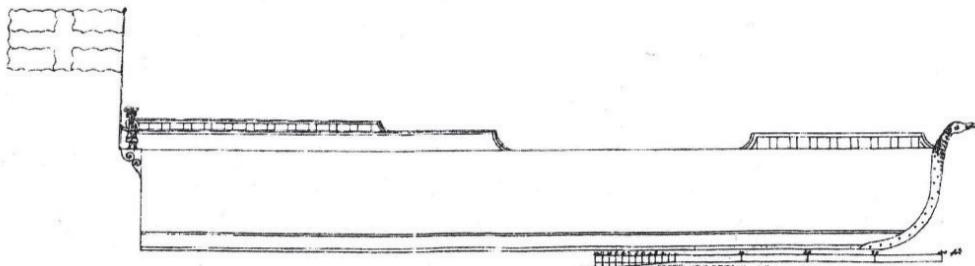

Рис. Чертеж плавучего дока (С. Питерсен, декабрь 1696 г.)¹²

Определенную характеристику датчанину может дать и еще один документ. Под одним из чертежей С. Питерсена 1696 г. (см. рис.) два датских плотника, Ян Янсен и Андерс Ольсен, оставили свои подписи и следующую запись: «Понеже капитан Симон Питерсен сие и различных статей корабли и суды, которых мы преж сего не видывали, задумал строить и того ради обязуемся мы то все... по образцам и строить»¹³. Таким образом, и здесь С. Питерсен предстает как фонтанирующий идеями изобретатель, но насколько он был опытным кораблестроителем, неизвестно.

Условия, предложенные датскому капитану, выглядят заманчивыми. На службе датскому королю он получал 250 рейхсталеров в год. Его жалование в России

⁹ Topsøe-Jensen T. A. og Emil Marquard: Officerer i den dansk-norske Søetat 1660–1814 og den danske Søetat 1814–1932. Første bind. København, 1935. S. 238.

¹⁰ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 67.

¹¹ Rasmussen K. Op. cit. S. 465.

¹² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 223. Оп. 1. Д. 2. Л. 28а; Расторгуев В. И. Воронеж — родина первого Адмиралтейства России. Воронеж, 2007. С. 294.

¹³ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 411.

должно было составить 50 рейхсталеров в месяц при сохранении половины жалования в королевском флоте. Следовательно, датчанин должен был получить 725 рейхсталеров в год. Дорожные расходы оплачивались отдельно. Тем не менее С. Питерсен испытывал большие опасения касательно своего будущего. 3 мая 1696 г. он просит короля даровать ему милость иметь возможность через два года покинуть Россию и вернуться на прежнюю должность¹⁴. Впрочем, подтолкнуть капитана к принятию такого предложения могло тяжелое финансовое положение. 3 июня перед отправкой в Россию С. Питерсен просил короля погасить его долги, для чего и предлагал купить у него вышеупомянутые чертежи кораблей.

В начале лета небольшой датский отряд отправился в Россию. С четырьмя мастерами-плотниками был подписан двухгодовой контракт. Король предоставил С. Питерсену письмо к Бутенанту фон Розенбушу, представителю датской короны в России, в котором окончательно устанавливались условия найма и в очередной раз подчеркивалось, что датские мастера не желают связывать себя обязательствами более чем на два года¹⁵.

Примерно 10 июля датчане были в Великом Новгороде, откуда к 24 июля добрались до Москвы и уже 25 числа предстали перед чиновниками Посольского приказа. С датским капитаном в Москву прибыли «лекарь, да слуга, да толмач, да дочь его девка»; предоставили о себе сведения и четыре мастера: Юхан Эриксон, Нильс Цорсон, Andres Ольсен, Ян Янсен. Уже 27 июля они были отправлены под Азов к адмиралу Ф. Я. Лефорту¹⁶.

К 5 августа датчане прибыли на подводах в Воронеж, где пересели на струг и отправились в плаванье. Однако по дороге встретились с Ф. Я. Лефортом. Последний приказал отряду Питерсена двигаться в обратном направлении к городку Панышин, бывшему во втором Азовском походе главной базой снабжения русской армии. Здесь Лефорт выделяет датчанам гребцов для движения вверх по течению, солдат и струг, на котором они должны были вернуться в Воронеж. И. К. Расмуссен и отечественный исследователь Н. А. Комолов предполагают, что такое решение Лефорта обусловлено тем, что Азов к этому времени был уже взят и под стенами крепости датчане были больше не нужны¹⁷.

1 сентября отряд отправился из Панышина в обратный путь, в котором датского капитана ждали испытания. Троє мастеров пересели на корабль капитана Александра Быковского и продолжили обратный путь с ним. Из 18 гребцов струга 16 разбежались, оставшиеся двое заболели, а из 19 солдат Преображенского полка, приставленных к гребцам, семеро заболели, остальные отказались продолжать путь по воде и, забрав оружие, отправились в Москву сухим путем. После этого отряд окончательно распался. Подьячий Яков

¹⁴ Rasmussen K. Op. cit. S. 466.

¹⁵ Ibid. S. 467.

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 586; Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 66–69.

¹⁷ Rasmussen K. Op. cit. S. 469; Комолов Н. А. Указ. соч. С. 13.

Владыкин, чиновник, сопровождавший датчан в путешествии, остался дожидаться подвод, чтобы с «рухлядью» датчан двинуться дальше. Сам С. Питерсен купил лошадь, на которой через Коротояк добрался до Воронежа. Там отряд собрался вновь и к концу октября добрался до Москвы. На этом непростое трехмесячное путешествие закончилось. В итоге Питерсен и его товарищи бессмысленно преодолели две тысячи километров¹⁸.

Зиму 1696–1697 гг. датчане провели в Москве, где велась активная подготовка к началу строительства флота кумпанствами. К. Расмуссен считает, что датский капитан в этот момент раздумывает над созданием различных моделей кораблей, приспособленных для хождения по воронежскому и донскому мелководью. В частности, он обращает внимание на чертежи подъемного судна, в котором можно было разместить корабли со слишком большой осадкой: эта разработка датирована декабрем 1696 г.¹⁹ Вместе с тем исследователь XIX в. С. И. Елагин считает, что роль Питерсена была куда более значима. В этот период для кумпанств были разработаны специальные документы — росписи, — подробно определявшие не только перечень материалов, необходимых для строительства, но также и размеры кораблей (пропорции). Одним из соавторов этого документа, задававшего, по сути, многие параметры дальнейшей работы на воронежских верфях, С. И. Елагин считает С. Питерсена²⁰. С этой точкой зрения соглашается и современный исследователь А. В. Перегудов²¹.

Пропорция будущих воронежских кораблей (в документах их называли баркалонами) по росписи должны были составлять 115 футов в длину и 21 — в ширину. При таком соотношении корабли будущей флотилии были значительно уже своих западноевропейских аналогов. Исследователи связывают такую особенность с попыткой уменьшить осадку судна путем уменьшения его водоизмещения²². Какова была роль Питерсена в таких разработках, окончательно сказать сложно, однако, и по мнению К. Расмуссена, голос датского мастера в тот период был очень весом, поскольку число специалистов в морском деле в Москве было минимально, основная масса мастеров начнет прибывать в страну только в 1697 г.²³

Признанием авторитета датского мастера является и то, что он должен был курировать работу по строительству четырех кораблей — баркалонов кумпанств Т. Н. Стрешнева, Б. П. Шереметева, кн. В. Ф. Долгорукова и кн. Г. В. Тюфякина (после его смерти — Л. Г. Львова). Уже в мае датские плотники отправились в Воронеж для начала заготовок леса, о чем С. Питерсен сообщил на родину²⁴.

¹⁸ Rasmussen K. Op. cit. S. 469–470; Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 70–71.

¹⁹ Rasmussen K. Op. cit. S. 472; Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 411.

²⁰ Елагин С. И. Указ. соч. С. 56.

²¹ Перегудов А. В. Указ. соч. С. 25.

²² Крайнюков В. Г. К вопросу: Истоки русской кораблестроительной школы. «Божье Предвидение» — 58-пушечный корабль Азовского флота (1700 г.) // Морская история. 1999. Вып. 1. С. 55.

²³ Rasmussen K. Op. cit. S. 470.

²⁴ Rasmussen K. Op. cit. S. 472.

Важно, что большинство мастеров в этот момент в Россию еще не прибыли, датские мастера приступали к строительству первыми, поэтому М. М. Богословский считает эти четыре кумпанства своего рода экспериментальными, на них должны были отрабатываться основные этапы кораблестроительных работ²⁵. Так, например, только прибыв в Воронеж 7 мая, датские плотники были привлечены к работе по определению участков леса, отводимых под строительство каждого из кораблей. Впрочем, принимать решение о размерах отводимых участков они оказались ввиду разного качества леса²⁶.

В июле началось строительство кораблей датскими мастерами. А уже осенью С. Питерсен был назначен руководителем строительства еще в четырех кумпанствах — М. А. Черкасского, П. И. Хованского, И. В. Бутурлина (С. Ф. Толчанинова) и К. О. Щербатого (Ф. А. Зыкова). Первоначально строить корабли в них должны были голландские мастера. Однако побывавший на голландских верфях Петр I был сильно разочарован познаниями голландцев в теории кораблестроения, опиравшихся не на теоретические расчеты, а на долговременную практику²⁷. Голландские мастера оказались неспособны изменять пропорции судов, приспосабливая их к донскому мелководью. В результате руководитель воронежского кораблестроения А. П. Протасьев, узнав «о их такой глупости, что они в размере силы не знают»²⁸, поставил голландцев в подчиненное положение к другим мастерам. Датский мастер раздал чертежи баркалонов еще в четыре кумпанства и теперь курировал строительство одновременно восьми кораблей. Ситуация осложнялась тем, что первые четыре корабля строились на Рамонских верфях, а корабли голландских мастеров непосредственно в Воронеже. С. Питерсен вынужден был на свои деньги купить четыре лошади и по нескольку раз в неделю преодолевать расстояние в 30 верст ради контроля над строительством всех кораблей²⁹.

Вскоре с голландцами стали возникать конфликты. 4 сентября С. Питерсен прибыл на Воронежскую верфь и обнаружил, что мастер Алфер Наннинг заложил киль корабля в кумпанстве М. А. Черкасского не в соответствии с чертежами датчанина. Слишком широкий, толстый и короткий брус С. Питерсен «скинул долой». 25 сентября ситуация повторилась: С. Питерсен вновь обнаружил расхождение с проектом, в результате «нос и корму у баркалона, прибойные доски у кормы отломал до половины»³⁰. Ситуация накалялась, в какой-то момент иностранные мастера даже перешли на откровенную

²⁵ Богословский М. М. Указ. соч. С. 129.

²⁶ Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. 2. СПб., 1864. С. 489–490.

²⁷ Пуханов С. А. Значение визита Петра I в Англию для развития российского кораблестроения // Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. материалов X Международной научно-практической конференции (26–28 октября 2022 г.). Воронеж, 2023. С. 398.

²⁸ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 282.

²⁹ Комолов Н. А. Указ. соч. С. 13.

³⁰ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 253–254.

ругань, и Алфер Нанинг просто перестал допускать датчанина к строящемуся кораблю. После жалобы датского мастера в адмиралтейство в декабре 1697 г. А. П. Протасьев издал распоряжение голландцу во всем слушаться С. Питерсена: «Если Нанинг будет строить не по его чертежу, зато ему будет наказанье»³¹. В январе Нанинг попросил Питерсена предоставить чертежи надстройки корабля. Однако на сей раз датский капитан заявил, что не хочет иметь с кораблем ничего общего и голланец волен его достроить сам. Данный сюжет благодаря живописным подробностям конфликта между двумя мастерами, нашедшим свое отражение в документах, опубликованных С. И. Елагиным, так или иначе, привлекал внимание многих авторов. М. М. Богословский, анализируя эту историю, предположил, что Питерсен — «видимо, человек весьма вспыльчивый»³². Данный автор и в дальнейшем будет объяснять возникающие конфликты характером С. Питерсена: «раскапризничался датский капитан»³³. К. Расмуссен также характеризует здесь Питерсена как «непростого работодателя». Ранее, рассуждая о датском капитане, он приводит характеристику, данную Бутентатом фон Розенбушем: он оценивал датчанина как человека с тяжелым характером, который «хочет, чтобы здесь все было по его собственному разумению, чего он не пожелает»³⁴. Действительно, и эти, и последующие события характеризуют С. Питерсена как человека вспыльчивого и порывистого. Однако в конфликте со стороны датчанина, видимо, присутствовал и элемент расчета. Уже к декабрю 1697 г. он понимал, что корабль кумпанства М. А. Черкасского будет крайне низкого качества и всеми способами старался дистанцироваться от результатов этой работы. Члены кумпанства М. А. Черкасского описывают действия С. Питерсена как бесцеремонные и порой грубые. Датский капитан рисует печальную картину работы кумпанства: мастер на корабль не по мере «тяжелый и толстый лес положил», «неплотно доски к кораблю прибивает». Доски, по словам С. Питерсена, «в воде лежали лето и тех досок и по сие число не вытаскивает из воды и такими мокрыми досками корабль окружает, и работные люди у него гуляют напрасно...»³⁵.

К весне 1698 г. большая часть работ по строительству кораблей в кумпаниях датских мастеров была завершена и А. П. Протасьев приказал Питерсену закладывать еще шесть кораблей, теперь уже государственных. Однако двухлетний контракт датчан истек и оставаться в России они не хотели. С. Питерсен потребовал царский указ, без которого он отказывался начинать работу. Началась тяжелая переписка датского посла Пауля Гейнса с «адмиралтейцем» (А. П. Протасьевым), требующим повлиять на датчан в вопросе закладки новых кораблей, и остальными датскими мастерами, включая С. Питерсена, умоляющими вернуть их домой. Стремясь не испортить отношения Дании

³¹ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 284.

³² Богословский М. М. Указ. соч. С. 144.

³³ Там же. С. 160.

³⁴ Rasmussen K. Op. cit. S. 470.

³⁵ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 284.

с Россией, особенно в условиях переговоров о военном союзе, датский посланник занял сторону А. П. Протасьева³⁶.

Датчане решили добиться личной аудиенции у датского посла и выехали 18 мая в Москву. Важно, что многие иностранные мастера в то время были настроены уехать из Воронежа, поэтому выезд всем иностранным специалистам из города был строго запрещен, а местному населению грозило наказание за помочь в отъезде. В результате этой поездки датчан были наказаны работные люди, трудившиеся на плотах в Рамони и продавшие им лошадей для поездки в Москву³⁷. Сам С. Питерсен, видимо, со своими подчиненными в Москву на сей раз не поехал, ему пришлось месяц контролировать за них строительство всех четырех кораблей, как впоследствии он сам писал в челобитной царю³⁸.

В июне в Москве датским мастерам удалось встретиться с Паулем Гейнсом лично и изложить свои просьбы. Датский посланник провел переговоры с А. П. Протасьевым, однако адмиралтеец указал, что не может отпустить мастеров до возвращения царя. Датчанам пришлось возвращаться в Воронеж, однако они написали письмо королю Дании, в котором просили «освободить их», «помочь вернуться к женам и детям, и дать возможность зарабатывать хлеб в своей собственной стране»³⁹. Данное письмо положение С. Питерсена никак не улучшило, скорее наоборот. 13 сентября 1698 г. его дело было рассмотрено в Дании. В ответ на письмо с жалобами на свое положение он получил строгий письменный выговор, ему было приказано вести себя так, чтобы не попасть в немилость царя⁴⁰.

16 июля С. Питерсен решил написать челобитную царю. В ней он сообщал, что был отправлен датским королем в Россию на два года, с указанием, что, если он не захочет оставаться долее, он сможет вернуться к себе на родину.

Кроме того, он называет проблемы, с которыми столкнулся: ему приходится руководить работой в восьми кумпанствах; «всякому мастеру, которому баркалон делать, чертеж и образцы делал, и тем мастерам на строенных местах образцы выдавал; только от них никто тех образцов принимать не хотели, и я заклялся образцы и чертежи в русской земле делать». Один из мастеров умер, и нового не нашлось, а потому на одном из кораблей уже полгода ему приходилось выполнять его обязанности; месяц ему пришлось работать одному, пока мастера ездили в Москву. Таким образом, по мнению датчанина, положение его на верфях «что далее то хуже». Он считал для себя невозможным руководить строительством кораблей в таких масштабах: «...Бью челом я смиренno для того, чтобы мне можно от корабельного строения пощадну быти... <...> Нельзя столь много больших кораблей и судов установляти и на себя взяти...»⁴¹.

³⁶ Rasmussen K. Op. cit. S. 475.

³⁷ Комолов Н. А. Указ. соч. С. 14–15.

³⁸ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 285.

³⁹ Rasmussen K. Op. cit. S. 475.

⁴⁰ Topsøe-Jensen T. Op. cit. S. 238.

⁴¹ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 284–286.

Таким образом, вплоть до начала августа датчанин всеми способами пытался избежать выполнения новой и весьма нелегкой задачи строительства государственных кораблей. 29 июля мастера, которыми он должен был руководить при закладке новых кораблей, пытались добиться от Питерсена пропорции судов. Датчанин вновь повторил тезис о необходимости специального указа, в котором были бы оговорены параметры судов. Но общие пропорции больших кораблей, баркононов, брандеров и подъемных судов он все же указал⁴².

В начале августа в Воронеж приехал А. П. Протасьев и попытался лично убедить С. Питерсена приступить к строительству государственных кораблей. Датчанин в начале пытался сказаться больным, но затем все-таки встретился с адмиралтейцем, заявив, что новых кораблей он закладывать не будет и ни в Воронеже, ни в Москве он работать не останется. Возмущенный таким поведением А. П. Протасьев написал об этом царю. Описание беседы с Питерсеном в письме Петру I нелицеприятно: «И все, государь, передо мною такую самозброню говорил, что слушать невозможно, и целым разумом так простому мужику бредить не достоит. И я, видя ево во всем непотребна, приказал, государь, те казенные корабли делать новоприезжему капитану Александре Малине»⁴³.

В конце августа царь вернулся из Великого посольства в Москву. Он высказал претензии Паулю Гейнсу за действия датского мастера, тот пообещал, что датский король не одобрят его поведение⁴⁴.

Видимо, к сентябрю датский мастер осознал всю сложность своего положения. Возможно, он испытывал страх: в Воронеж доходили слухи о стрелецких казнях в Москве. Так или иначе, когда в сентябре ему стало известно о решении привлечь его к строительству подъемных судов, подобных тем, что он разрабатывал в декабре 1696 г. в Москве, он с энтузиазмом откликнулся на эту идею. В челобитной царю он уже не помышляет ни о своем отъезде, ни об отказе от кораблестроительных работ. Он только высказывает сомнение по поводу чрезвычайно больших размеров камелей: длина подъемных судов в 200 футов ему показалась чрезмерной для узких рек⁴⁵. Два дня спустя, представ перед А. П. Протасьевым, он подтвердил свое желание строить подъемные суда, а также зажигательные корабли — брандеры⁴⁶.

Однако, по данным К. Расмуссена, датчанин продолжал находиться в сложной ситуации; Петр I собирался рассмотреть его поведение по прибытии в Воронеж. Питерсен ездил осенью в Москву к датскому послу. Однако тот порекомендовал ему немедленно вернуться в Воронеж, где его ожидало разбирательство дела. Желая хоть чем-то помочь соотечественнику, он снабдил его письмом к вице-адмиралу Корнелию Кройсу с просьбой взять его под защиту⁴⁷.

⁴² Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 405–406.

⁴³ Письма и бумаги императора Петра Великого. С. 735.

⁴⁴ Rasmussen K. Op. cit. S. 479.

⁴⁵ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний / под ред. Л. Б. Вайнберга. [Вып. 4–5]: Древние акты XVII столетия. Воронеж, 1885. С. 186–187.

⁴⁶ Там же. С. 190

⁴⁷ Rasmussen K. Op. cit. S. 479.

Чем разрешилось дело датского капитана в Воронеже, неизвестно. Сведения о нем с осени 1698 г. очень скучны. По мнению В. И. Растворгуева, С. Питерсен занимался переделкой кораблей до 1700 г., а затем вернулся в Данию⁴⁸. Расмуссен посчитал наиболее вероятным, что датчанин уехал из России не ранее 1701 г. По крайней мере именно этим годом датировано рекомендательное письмо Пауля Гейнса командующему Хольменом адмиралу Стокену, в котором С. Питерсен характеризуется как «человек, полный изобретательности и доброй воли», много натерпевшийся в России⁴⁹. В этом же году он был исключен из списков офицеров датского военно-морского флота за отлучку сверх положенного срока. Имеются сведения, что датчанин пробыл в России до 1702 г⁵⁰. Так или иначе, после работы в России С. Питерсену предстояла еще долгая карьера в Европе. Расмуссен обнаружил ряд упоминаний о службе Питерсена датскому королю в период с 1705 по 1724 г.⁵¹

Результаты его руководства строительством восьми кумпанских кораблей противоречивы. Комиссия, созданная из прибывших в 1698 г. мастеров, обследовавшая корабли, построенные на воронежских верфях в 1696–1699 гг., сделала неутешительные для датского мастера выводы. Странными показались комиссии пропорции построенных по чертежам Питерсена кораблей: «Все же сии корабли кумпанейские есть зело странною пропорциею ради своей долгости и против оной безмерной узости, которой пропорции ни в Англии, ни же в Голландии мы не видали, мню же что и в прочих государствах таких нет же; но уже тому поправление учинить невозможно...». Много недостатков было выявлено и в качестве работ: «...Надлежит только о крепости их радеть в книсах и боутах, которые видели мы во многих кораблях немалое число худых...»⁵². Корабли кумпанств М. А. Черкасского, П. И. Хованского и С. Ф Толчанинова. (трех из четырех кумпанств, в которых Питерсен курировал работу голландских мастеров) были охарактеризованы не лучшим образом. Корабли кумпанств Т. Н. Стрешнева, В. Ф. Долгорукова и Б. П. Шерemetева (три из четырех, строившихся датскими мастерами) и вовсе были признаны худшими⁵³. Такая неутешительная экспертная оценка привела к тому, что С. Питерсен в среде исследователей традиционно оценивается как слабый мастер. Так, М. М. Богословский оценивает его как «далеко не первоклассного мастера в своем искусстве»⁵⁴. Повторяет такую оценку и А. В. Перегудов⁵⁵. Даже датский исследователь К. Расмуссен вынужден признать: «Датское

⁴⁸ Растворгуев В. И. Указ. соч. С. 239.

⁴⁹ Rasmussen K. Op. cit. S. 479.

⁵⁰ Topsøe-Jensen T. Op. cit. S. 238.

⁵¹ Rasmussen K. Op. cit. S. 480.

⁵² Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 312.

⁵³ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 1. С. 311–312.

⁵⁴ Богословский М. М. Указ. соч. С. 144.

⁵⁵ Перегудов А. В. Указ. соч. С. 66.

судостроение не праздновало в Воронеже больших триумфов»⁵⁶. Однако, на наш взгляд, следует учесть ряд факторов, которые позволяют если не изменить в корне, то несколько скорректировать оценку результатов работы датчанина. К. Расмуссен не учел четвертого корабля кумпанства Т. В. Тюфякина (после его смерти оно было переименовано в кумпанство Л. Г. Львова, а потому выпало из внимания датского исследователя). Это кумпанство закончило работу раньше всех и спустило на воду 22-пушечный баркалон «Меркурий». Этот корабль принял участие в Керченском походе, для которого Петр сумел отобрать четыре лучших корабля в Воронеже. До 1711 г. корабль нес службу в Азовской флотилии. Таким образом, и качество, и судьба этого корабля, построенного С. Питерсеном, сильно отличаются от остальных. В чем кроется такая разница в судьбе кораблей? Возможно, причина именно в том, что этот корабль строился раньше и быстрее других. А Петр I по ходу строительства несколько раз вносил в исходные проекты изменения, в частности увеличив количество пушек до 36–44. В результате корабли перестраивались по ходу строительства (порой несколько раз), что негативно сказывалось на их качестве⁵⁷. «Меркурий» таких корректив, видимо, избежал, об этом говорит гораздо меньшее количество пушек на его борту. В несколько ином свете выглядит картина и при взгляде на дальнейшую судьбу кораблей. Худшие из них переделывались в провиантские, и названий они не получали. Список кораблей 1704 г. дает следующую картину: по результатам работы четырех «датских» кумпанств три корабля получили названия — «Три рюмки» (кумпанство Т. Н. Стрешнева), «Барaban» (кумпанство Б. П. Шереметева), «Меркурий» (кумпанство Л. Г. Львова), и только корабль кумпаства В. Ф. Долгорукова был переделан в провиантский. В кумпанствах, где С. Питерсен курировал работу голландцев, саботировавших его проектную документацию, результат прямо обратный: только корабль кумпанства П. И. Хованского имеет название «Стул», три оставшихся были вынуждены превратить в провиантские⁵⁸.

Заключение. История датского капитана С. Питерсена показательна, она демонстрирует характерные черты кумпанского кораблестроения. Безусловно, большую роль в негативных результатах этого этапа сыграло то, что строительство велось из сырого леса и корабли оказывались недолговечны, однако следует отметить, что качество леса будет невысоким и на последующих этапах. Следует признать, что задача постройки большого количества кораблей в конце XVII в. оказалась невыполнима ни с организационной, ни с технологической точки зрения⁵⁹. На воронежских верфях просто не было

⁵⁶ Rasmussen K. Op. cit. S. 480.

⁵⁷ Елагин С. И. Указ. соч. С. 70–71.

⁵⁸ Елагин С. И. Указ. соч. Приложения. Ч. 2. С. 21–30; Расторгуев В. И. Воронеж — родина русского военно-морского флота. Воронеж, 2002. С. 100–104.

⁵⁹ Петрухинцев Н. Н. Два флота Петра I: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 117–129.

нужного количества специалистов кораблестроения, обладавших должной квалификацией. И фраза С. Питерсена «Нельзя столь много больших кораблей и судов устанавляти и на себя взяти» отражает сложившуюся ситуацию. Можно по-разному оценивать способности датского мастера, но ясно то, что руководство строительством восьми кораблей одновременно оказалось для него непосильной задачей. А ведь на него пытались возложить еще и обязанности по закладке государственных кораблей. Вопрос мотивации иностранных мастеров первого призыва также имеет большое значение. Для самого датского мастера работа в России была способом расплатиться с долгами и заработать значительные деньги, но больше двух лет он оставаться в России не собирался. То же касается и большинства других мастеров: заключив кратковременные (на год-два) контракты, рассчитывая на улучшение своего благосостояния, они стремились уехать из страны, не достроив и первой очереди кораблей. При этом С. Питерсен предстает как довольно ответственный, переживающий за итоги своей работы человек, что подтверждает история его тяжб с голландскими мастерами.

Литература

1. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1946. 502 с.
2. Комолов Н. А. Кораблестроение на рамонской земле в Петровскую эпоху // VII Ольденбургские чтения. Материалы краеведческих чтений. Воронеж: Пресс-Бургер, 2023. С. 3–19.
3. Крайнюков В. Г. К вопросу: Истоки русской кораблестроительной школы. «Божье Предвидение» — 58-пушечный корабль Азовского флота (1700 г.) // Морская история. 1999. Вып. 1. С. 44–62.
4. Кристенсен С. О. История России XVII века. Обзор исследований и источников / пер. с дат. В. Е. Возгрина. М.: Прогресс, 1989. 256 с.
5. Перегудов А. В. Государев разрядный шатер — орган управления воронежским кораблестроением (1697–1700). Воронеж: Истоки, 2010, 140 с.
6. Петрухинцев Н. Н. Два флота Петра I: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 117–129.
7. Пуханов С. А. Значение визита Петра I в Англию для развития российского кораблестроения // Мир оружия: история, герои, коллекции: сборник материалов X Международной научно-практической конференции (26–28 октября 2022 г.). Воронеж: Тульский гос. музей оружия, 2023. С. 396–404
8. Растрогуев В. И. Воронеж — родина первого Адмиралтейства России. Воронеж: ВГУ, 2007. 533 с.
9. Растрогуев В. И. Воронеж — родина русского военно-морского флота. Воронеж: ВГУ, 2002. 479 с.
10. Rasmussen K. Danskei den azovske flåde 1696–98 // Historisk Tidsskrift. 1965. Bind 12. Række 1. Hft 4. S. 462–481.
11. Topsøe-Jensen T. A. og Emil Marquard: Officerer i den dansk-norske Søetat 1660–1814 og den danske Søetat 1814–1932. Første bind. København: H. Hagerup, 1935. 744 s.

References

1. Bogoslovsky M. M. Petr I. Materialy dlja biografii [Peter I. Materials for the biography]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat, 1946. 502 p. (In Russ.).
2. Komolov N. A. Korablestroenie na ramonskoi zemle v Petrovskuiu epokhu [Shipbuilding on the Ramon land in the Peter the Great era] // VII Ol'denburgskie chteniiia. Materialy kraevedcheskikh chtenii [VII Oldenburg Readings. Materials of local history readings]. Voronezh: Press-Burger, 2023. P. 3–19. (In Russ.).
3. Krainyukov V. G. K voprosu: Istoki russkoi korablestroitel'noi shkoly. «Bozh'e Predvidenie» — 58-pushechnyi korabl' Azovskogo flota (1700 g.) [To the question: The sources of Russian shipbuilding school. “God's Foresight” — 58 gun ship of Azov fleet (1700)] // Maritime History. 1999. Issue 1. P. 44–62. (In Russ.).
4. Kristensen S. O. Istoriia Rossii XVII veka. Obzor issledovanii i istochnikov [The history of Russia of the 17th century. Review of research and sources] / translated from the Danish by V. E. Vozgrin. Moscow: Progress, 1989. 256 p. (In Russ.).
5. Peregudov A. V. Gosudarev razriadnyi shater – organ upravleniya voronezhskim korablestroeniem (1697–1700) [The Sovereign discharge tent is the governing body of Voronezh shipbuilding (1697–1700)]. Voronezh: Istoki, 2010, 140 p. (In Russ.).
6. Petrukhintsev N. N. Dva flota Petra I: tekhnologicheskie vozmozhnosti Rossii [Peter the Great's two fleets: Russia's technological capabilities] // Voprosy Istorii. 2003. № 4. P. 117–129. (In Russ.).
7. Pukhanov S. A. Znachenie vizita Petra I v Angliiu dlja razvitiia rossiiskogo korablestroeniia [The significance of Peter the Great's visit to England for the development of Russian shipbuilding] // Mir oruzhiia: istoriia, geroi, kollektivi. Sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (26–28 oktiabria 2022 g.) [The world of weapons: history, heroes, collections: proceedings of the X International Scientific and Practical Conference (October 26–28, 2022)]. Voronezh: Tul'skii gosudarstvennyi muzei oruzhiia, 2023. P. 396–404. (In Russ.).
8. Rastorguev V. I. Voronezh — rodina pervogo Admiralteistva Rossii [Voronezh is the birthplace of the first Admiralty of Russia]. Voronezh: VGU, 2007. 533 p. (In Russ.).
9. Rastorguev V. I. Voronezh — rodina russkogo voenno-morskogo flota [Voronezh is the birthplace of the Russian Navy]. Voronezh: VGU, 2002. 479 p. (In Russ.).
10. Rasmussen K. Danskei den azovske flåde 1696–98 // Historisk Tidsskrift. 1965. Bind 12. Række 1. Hft 4. S. 462–481.
11. Topsøe-Jensen T. A. og Emil Marquard: Officerer i den dansk-norske Søetat 1660–1814 og den danske Søetat 1814–1932. Første bind. København: H. Hagerup, 1935. 744 s.

Научная статья

УДК 94(575.4)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-40-54

Мазаев Никита Андреевич

магистр истории, аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

mazaev-nikita14@yandex.ru; ORCID 0000-0003-0615-8987

МУРГАБСКОЕ ГОСУДАРЕВО ИМЕНИЕ КАК МЕСТО ПРИМЕНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ ПРОГРЕССИВНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОПЫТА

Аннотация. Согласно указу от 6 августа 1887 г. Мургабское государево имение должно было стать учреждением, деятельность которого следовало направить на распространение современных и продуктивных методов ведения хозяйства среди населения Закаспийской области, проживавшего в долине реки Мургаба. Для реализации поставленной цели имперское правительство предприняло попытки по созданию современной ирригационной системы, устройству показательных и опытных участков и даже способствовало переселению оседлого земледельческого населения из других регионов русского Туркестана. Основываясь на этом, в статье предпринята попытка ответить на вопросы о том, какое применение находил современный сельскохозяйственный опыт в функционировании этого имения, насколько он был востребован в других учреждениях Туркестанского края, а также какие средства и методы имперское правительство использовало для применения и трансляции этого опыта. В результате исследования выявлено, что для распространения продуктивных методов ведения хозяйства администрация имения под руководством специалистов удельного ведомства активно взаимодействовала как с представителями других административных органов края, так и с местным населением края, несмотря на особенное положение в административной структуре Закаспийской области. Однако вопрос востребованности сельскохозяйственного опыта, выработанного в имении, требует более детального и пристального рассмотрения.

Ключевые слова: Мургабское государево имение, Туркестанское генерал-губернаторство, Закаспийская область, сельское хозяйство, хлопководство, переселение, миграция, показательные учреждения.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Для цитирования: Мазаев Н. А. Мургабское государево имение как место применения и трансляции прогрессивного сельскохозяйственного опыта // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 40–54. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-40-54>

Original article

UDC 94 (575.4)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-40-54

Mazaev Nikita A.

Master of History, Postgraduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

mazaev-nikita14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0615-8987

MURGHAB SOVEREIGN`S ESTATE AS A PLACE OF APPLICATION AND TRANSLATION OF PROGRESSIVE AGRICULTURAL EXPERIENCE

Abstract. According to the decree of August 6, 1887, the Murghab Sovereign's Estate was to become an institution whose activities should be directed towards the dissemination of modern and productive farming methods among the population of the Transcaspian region living in the Murghab River valley. To achieve this goal, the Imperial government attempted to create a modern irrigation system, establish demonstration and experimental sites, and even facilitated the resettlement of settled agricultural populations from other regions of Russian Turkestan. Based on this, the article attempts to answer questions about the use of modern agricultural experience in the functioning of this estate, how much it was in demand in other institutions of the Turkestan region, as well as what means and methods the imperial government used to apply and broadcast this experience. As a result of the study, it was revealed that in order to spread productive farming methods, the administration of the estate, under the guidance of specialists from the department of appanages, actively interacted with representatives of other administrative bodies of the region, as well as with the local population of the region, despite its special position in the administrative structure of the Transcaspian region. However, the issue of the relevance of the translation of agricultural experience developed on the estate requires more detailed and careful consideration.

Keywords: Murghab Sovereign's Estate, Turkestan governorate-general, Transcaspian province, agriculture, cotton growing, resettlement, migration, exemplary institutions.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

For citation: Mazaev N. A. Murghab Sovereign's Estate as a place of application and translation of progressive agricultural experience // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 40–54. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-40-54>

Введение. Изучение имперской истории имеет сложный и много-
гранный характер. Акцентирование исследовательского внимания на масштабных внешне- или внутриполитических действиях, безусловно, помогает сформировать обобщенные представления о характере политики той или иной империи. Но детальное исследование деятельности

имперского правительства на окраинных территориях невозможно без обращения к изучению истории учреждений, создававшихся им на региональном и местном уровнях.

Кроме того, всестороннее исследование реализации тех или иных принципов имперской политики может демонстрировать несоответствие между декларировавшимися целями и задачами различных учреждений на этапе их формирования и итоговыми результатами их деятельности. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность изучения значительных аспектов не только политической, военной, экономической, социальной, интеллектуальной истории, ставших традиционными для исследователей империй, но и конкретных, в том числе повседневных практик.

Принимая во внимание все сказанное выше, в этой статье предпринята попытка исследовать особенности развития Мургабского государева имения сквозь призму анализа конкретных сельскохозяйственных практик. Обращение к изучению отдельных проектов Российской империи в области сельского хозяйства в ее центральноазиатских владениях позволит составить более глубокое и детальное представление о сущности русской власти в этом регионе.

Использование в качестве источниковой базы делопроизводственной документации Департамента уделов¹ Министерства императорского двора, межведомственной переписки, внутренней отчетной документации Мургабского государева имения, материалов временных комиссий позволит ответить на вопросы о том, какое применение находил современный сельскохозяйственный опыт в функционировании этого имения, насколько он был востребован в других учреждениях Туркестанского края, а также какие средства и методы имперское правительство использовало для применения и трансляции этого опыта.

Важно отметить, что в историографии Центральной Азии существует мало работ, посвященных как Мургабскому государеву имению, так и изучению конкретных сельскохозяйственных практик (за исключением сферы хлопководства, изучая которую, исследователи наиболее часто обращают внимание на итоги ее развития, нежели на различные особенности становления этой отрасли хозяйства). Среди наиболее значимых русскоязычных трудов отметим книгу М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России»², в которой автор обобщенно и небесспорно охарактеризовал имение как учреждение, построенное на средневековых принципах; труд Н. Н. Каноды³, в котором имению посвящена отдельная глава и оно представлено как образцовое агропромышленное предприятие. Среди современных исследований необходимо отметить труды Д. В. Васильева, в которых предприняты попытки всесторонне

¹ С 1892 г. Департамент уделов преобразован в Главное управление уделов в структуре Министерства императорского двора.

² Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 194–198.

³ Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане. Ашхабад, 1991. С. 103–192.

рассмотреть историю создания и функционирования этого уникального учреждения⁴, а также работу О. И. Брусины и Л. Т. Соловьевой⁵, написанную в русле интеллектуальной истории. В других работах современных авторов Мургабское имение упоминается лишь в качестве фонового аспекта для раскрытия интересующей исследователя темы⁶.

В зарубежной историографии заметны труды Ю. Обертрайс⁷ и М. Петерсон⁸, посвященные развитию ирригации в русском Туркестане, в которых, однако, Мургабское имение упоминается очень кратко. Несколько более подробно оно изучено в книге Дж. Китинг *On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia*⁹, в которой автор в основном анализирует становление местной ирригационной системы и отмечает ее незначительную эффективность, а также злоупотребления местной администрации.

Ход и результаты исследования. Мургабское государево имение было особенным учреждением в структуре Закаспийской области и Туркестанского края как с экономической, так и с административной точки зрения. Оно было создано указом императора Александра III от 6 августа 1887 г.¹⁰ и напрямую подчинялось Департаменту уделов Министерства императорского

⁴ Васильев Д. В. Заселение территории Мургабского государева имения и землепользование: планы и реальность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 116–130; *Его же*. Мургабское государево имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 4. С. 78–88; *Его же*. Организация управления Мургабским государевым имением // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 139–151.

⁵ Брусина О. И., Соловьева Л. Т. Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 10 (120).

⁶ Алимджанов Б. А. А. Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 93–103; Бочкарёва И. Б. Ирригационный вопрос в политике России в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2021. Т. 16. № 3. С. 1399–1408; Дмитриева И. В. Становление новой архитектуры и строительной науки в Средней Азии (конец XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. архитектуры. Ташкент, 1994; Настич В. Н. Металлические марки дайханской конторы Мургабского государева имения // Ориенталистика. 2018. Т. 1. № 2. С. 237–250; Саркисов М. М. Ирригация южного Туркменистана. М., 1992; Слезкин А. В. Храм в Мургабском государевом имении: конкурсные проекты и реализация // Русская усадьба. 2015. № 20 (36). С. 258–287; Ходжаскулиева Б. А. Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 4. № 12. С. 68–73.

⁷ Obertreis J. Imperial desert dreams. Cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen, 2017.

⁸ Peterson M. Pipe dreams: Water and empire in Central Asia's Aral Sea Basin. New York, 2019. (Studies in Environment and History).

⁹ Keating J. On arid ground. Political ecologies of empire in Russian Central Asia. Oxford, 2022.

¹⁰ 1887 г. Августа 6. Копия доклада министра императорского двора и уделов И. И. Воронцова-Дашкова императору Александру III // РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 1895. Ч. 1. Л. 3.

двора. Одной из важных и первостепенных задач являлось определение границ вновь образованного учреждения. В докладе министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова от 11 января 1888 г. утверждалось, что в состав имения не были включены не только те земли, которые обрабатывались туркменами Мервского и Йолатанского округов, но также и пустующие земли, которые находились в районе функционирования местных ирригационных сооружений¹¹. Смысл такого решения заключался в следующем: «Таким образом предоставлен широкий простор развитию в среде туркмен земледельческой культуры, стремление к которой начинает проявляться в этом народе со времен присоединения к империи»¹². Стремление включить в границы имения не возделывавшиеся земли, а те, которые только предстояло орошать и развивать, позволяет сделать предположение о том, что петербургские чиновники воспринимали это учреждение как показательное, образцовое хозяйство, которое своим примером должно было способствовать распространению современных и продуктивных способов обработки земли.

Уже в одном из первых докладов управляющего имением Н. Лутцау от 17 сентября 1888 г.¹³ затрагивался вопрос о заселении имения. С его точки зрения, основную массу населения должны были составить туркмены-сарыки, однако он не считал их способы ведения хозяйства современными и продуктивными. Н. Лутцау полагал необходимым «воспользоваться такими народами Средней Азии, у которых ведется интенсивное хозяйство, единственно мыслимое на землях государева имения для правильной его эксплуатации... Таким образом, если удостоится одобрения предполагаемое переселение старых байрамалинцев преимущественно из Бухары и отчасти из Самаркандской области, то мера эта будет в глазах народа знаком всегдашней милости и отеческой заботливости государя императора о порабощенных народах»¹⁴. Показательно, что с самого начала функционирования имения одним из источников распространения современных и продуктивных методов ведения хозяйства рассматривались жители оседлых земледельческих районов Туркестанского края. Это позволяет говорить о том, что имперское правительство осознавало ограниченный характер применения европейского сельскохозяйственного опыта, а также возможное воздействие примера русских крестьян, совершенно незнакомых с местными хозяйственными условиями. Важно и то, что затевавшиеся модернизационные изменения могли рассматриваться сквозь призму формирования общего политического имиджа государства, а потому его служащие стремились создать в глазах местного населения

¹¹ 1888 г. Января 11. Всеподданейший доклад министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова // РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 1895 ч. 1. Л. 152.

¹² Там же. Л. 152 об.

¹³ 1888 г. Сентября 17. Доклад управляющего Мургабским государственным имением Н. Лутцау о положении, в котором находятся в настоящее время работы по устройству Мургабского государева имения // РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 1895. Ч. 2. Л. 58–75.

¹⁴ Там же. Л. 71 об.–72.

позитивный образ Российской империи, заинтересованной в улучшении жизни местного населения.

В этом контексте необходимо зайти несколько вперед и обратиться к прошению 200 арендаторов на имя главного управляющего удельным ведомством В. С. Кочубея, которое было составлено в 1909 г.¹⁵ С точки зрения тех, кто обращался к высокопоставленному петербургскому чиновнику, Мургабское имение не имело ярко выраженной коммерческой направленности, а всецело должно было способствовать распространению сельскохозяйственных знаний: «Насколько нам известно, по высочайшей воле владельца имения его императорского величества государя императора, имение не преследует никаких выгод и устроено для использования свободных вод Мургаба, как показное образцовое хозяйство, почему и не должно быть обращено в коммерческое предприятие»¹⁶. Показательно, что в умах представителей местного населения существовал именно такой образ имения. Оставляя в стороне вопрос о том, что же в действительности больше преобладало в деятельности имения — доходность или распространение знаний, — необходимо заметить, что империи, похоже, удалось создать видимость искренней заботы о местном сельском хозяйстве и самих земледельцах. Это же, в свою очередь, стало спекулятивным аргументом в спорах местных жителей с имперской администрацией по вопросам аренды земли и продаже урожая.

Однако вернемся к изменениям в местных сельскохозяйственных практиках. Вопрос заселения имения и распространения современных методов ведения хозяйства в начальный период его функционирования затрагивался и другими чиновниками. В рапорте помощника управляющего Департаментом уделов Н. А. Ваганова, который был составлен по итогам его поездки в Мургабское государево имение в 1889 г.¹⁷, существовавшее на момент образования имения положение сельского хозяйства определялось как неудовлетворительное: «...поля обрабатываются плохо, вода тратится без толку, так что встречается много участков вполне заболоченных, ценных культур никаких нет...»¹⁸. В противовес этому Н. А. Ваганов приводил в пример русские хлопковые плантации в Закаспийской области, которые, по его словам, имели хороший вид¹⁹. В рамках поездки по Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областям, совершенной помощником управляющего Департаментом уделов вместе с его коллегами, были собраны материалы о положении различных сфер сельского хозяйства, и в частности хлопководства²⁰. Ведомственные служащие

¹⁵ 1909 г. апреля. Прошение 200 арендаторов пахотных полей Мургабского государева имения Закаспийской области // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 50–52.

¹⁶ Там же. Л. 51 об.

¹⁷ 1889 г. октября 20. Рапорт помощника Управляющего Департаментом Действительного статского советника Ваганова // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 11.

¹⁸ Там же. Л. 16 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 17 об.

посетили хлопковые плантации, опытные поля, хлопкоочистительные заводы и другие учреждения. Кроме хлопка, они обратили внимание на плодовые культуры, а также на шелк, рис и виноград²¹. Полученные сведения должны были найти применение в хозяйстве Мургабского государева имения.

По мнению Н. А. Ваганова, способность русских поселенцев в Туркестанском крае вести высокопродуктивное хозяйство была довольно низка. В связи с этим их возвращение на территории имения должно было осуществляться очень избирательно²². Следовательно, можно предположить, что на начальном этапе функционирования Мургабского государева имения возможность распространения прогрессивных методов ведения хозяйства среди местного населения через личный пример русских поселенцев обладала очень ограниченным потенциалом. Более того, резюмируя свои впечатления в рапорте, Н. А. Ваганов прямо писал о том, что «оседлые жители из большинства посещенных местностей были бы весьма желательными поселенцами для государева имения... весьма вероятно такие поселенцы и найдутся, если условия пользования землею в государевом имении будут необременительны и, главное, понятны мусульманскому населению...»²³.

Приведенные выше примеры позволяют говорить о том, что распространение продуктивных методов ведения хозяйства воспринималось имперскими служащими не как простое перенесение зарекомендовавшего себя европейского опыта, а прежде всего как использование того, что уже хорошо работало в местных условиях. Реализация этого требовала взаимодействия с оседлым земледельческим населением Туркестанского края. Этим объясняется и стремление сделать доступными и понятными для местного населения условия пользования землей в Мургабском государевом имении.

Стремление не нарушать сложившихся норм землепользования также было отражено в основных положениях по устройству и колонизации Мургабского имения, которые были подготовлены комиссией под председательством все того же Н. А. Ваганова²⁴. Так, седьмой пункт этого документа гласил о том, что те земли, которые следовало отводить местному населению, «надлежит предоставлять им, согласно существующему между мусульманами взгляду на поземельное владение (основанному на шариате) — в бессрочное потомственное пользование из платежа за такое пользование ежегодно хедаджа или подати в размере известной части урожая, взимаемой натурою»²⁵.

²¹ 1889 г. октября 20. Рапорт помощника Управляющего Департаментом Действительного статского советника Ваганова ... Л. 19 об.

²² Там же. Л. 18 об.

²³ Там же. Л. 20–20 об.

²⁴ 1890 г. Основные положения по устройству и колонизации Мургабского государева имения, выработанные комиссией под председательством помощника Управляющего Департаментом Уделов, действительного статского советника Ваганова // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 67.

²⁵ Там же. Л. 68.

Это положение можно расценивать как демонстрацию того, что на начальном этапе функционирования имения распространение прогрессивных методов ведения хозяйства не должно было затрагивать фундаментальных основ жизни местных сообществ и способствовать их активному вовлечению в сельскохозяйственную деятельность на его территории.

По мнению составителей положений, отсутствие коренных сдвигов в повседневности арендаторов должно было лишь способствовать развитию имения и создавать у соседних с ним поселений его прогрессивный образ: «Пускай сарыки постепенно улучшают свою культуру (что вероятно и будет, когда в их соседстве явятся правильно обработанные земли государева имения) — этому можно и даже следует содействовать, но такое улучшение культуры должно идти естественным путем»²⁶. Подобная мысль позволяет сделать предположение о том, что внедрение в местное сельское хозяйство современных и продуктивных методов и, как следствие, его высокая эффективность и прибыльность должны были сами по себе убеждать и привлекать местных жителей к перенятию опыта или водворению на территории имения. В этом контексте Мургабское имение вполне можно рассматривать как цивилизаторский инструмент русской администрации в масштабах Закаспийской области. А география поездок членов комиссии Н. А. Ваганова позволяет полагать и о масштабах всего региона Туркестанского края.

Привлечение местного населения других земледельческих районов Туркестанского края для развития земледелия в имении рассматривалось и в дальнейшем. Так, в рапорте от 3 августа 1902 г. управляющего имением С. Ю. Толстого в Главное управление уделов приводилась краткая историческая справка переселения 142 уйгурских семей на земли имения²⁷. В тексте подчеркивалось, что они издавна занимались земледелием и получили известность как лучшие земледельцы, садоводы и огородники. Именно поэтому их водворение, с точки зрения управляющего, должно было способствовать улучшению сельскохозяйственных умений и навыков местного населения, поскольку уйгуры «будут полезны в имении, давая пример хороший обработки земли текинцам, земледелие которых стоит на низкой степени развития»²⁸.

Несмотря на то что служащие удельного ведомства и самого имения не смогли создать приемлемых для уйголов арендных условий и тем самым существенно ограничили эффект от их присутствия на мургабских землях, важно заметить саму инициативу и готовность имперских чиновников организовать и осуществить переселение довольно большого количества людей из другого региона для распространения земледельческих знаний. Важно и то, что реализация

²⁶ 1890 г. Объяснительная записка к основным положениям по устройству и колонизации Мургабского государева имения, выработанным комиссию под председательством действительного статского советника Ваганова // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 81 об.

²⁷ 1902 г. Августа 3. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 5–6.

²⁸ Там же. Л. 5.

подобной меры происходила не в принудительном порядке, а на взаимовыгодных условиях, которые позволили уйгурам оставить привычные им места и отправиться на новые и малоизвестные им земли. В частности, им было обещано устройство каждого поселенца на отдельном усадебном участке, оборудованные жилые дома, постоянное и достаточное водоснабжение для оросительных работ, право обрабатывать землю за десятую часть урожая и т. д.²⁹

Конечно, оценить итоговую эффективность переселения уйголов в вопросе распространения прогрессивных методов ведения хозяйства очень сложно из-за упомянутых трудностей. Но примечателен тот факт, что авторитетными и прогрессивными признавались не только знания, произведенные и передаваемые европейцами, но также и те знания, которыми обладали жители Туркестанского края. А это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что практическая реализация подобных проектов убеждала имперских служащих в серьезной ограниченности как имевшихся знаний о жизни и деятельности населения центральноазиатских владений, так и возможности применения этих знаний на практике. Необходимость компенсации издержек подобного рода побуждала русских чиновников прибегать к сотрудничеству как к наиболее эффективному способу решения поставленных задач.

Другим значимым инструментом распространения современных и продуктивных методов ведения хозяйства должно было стать создание опытного и показательного хозяйства на землях имения. Важно заметить, что воспринимать развитие сельского хозяйства (и хлопкового дела в частности) в Мургабском имении в отрыве от общего становления этой отрасли экономики как в Закаспийской области, так и во всем Туркестанском крае невозможно. Подтверждением этого служит записка «О задачах опытной станции хлопководства в Закаспийской области», составленная академиком С. И. Коржинским, копия которой была отправлена в 1900 г. начальником Главного управления уделов князем В. С. Коучубеем управляющему Мургабским государственным имением Н. А. Кашталинскому. На ней была оставлена пометка: «Эту записку послал генералу Кашталинскому, предложив ему подготовить под посев хлопка около четырех десятин, семена будут высланы Главным управлением»³⁰. Показателен тот факт, что в ответном письме Н. А. Кашталинский заявлял, что еще в 1896 г. подчеркивал важность создания опытного поля и испрашивал для этой цели 500 руб., однако получил отказ, а в 1898 г. все же сумел добиться для этой цели выделения 300 руб.³¹

²⁹ 1904 г. Марта 18. Объяснение доверенного таранчей-арендаторов земель Мургабского государева имения Амир-Хамзе Сатинова // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 19 об. Текст объяснения ясно демонстрирует то, что предложенные условия в итоге не были реализованы, что ввергло уйголов в бедственное положение и заставило искать возможности для переселения с территории Мургабского имения.

³⁰ 1900 г. Января 13. О задачах опытной станции хлопководства в Закаспийской области // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 375. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 27.

Примечательно, что в этом случае инициативы, нацеленные на развитие хлопководства, исходили изначально от местных служащих, мнение которых не находило отклика среди столичного чиновничества. Тем не менее после заявлений именитых ученых о пользе подобных учреждений пассивный подход столичных чиновников сменялся инициативной деятельностью. Вполне очевидно, что подобная инертность могла негативно сказываться на общем ходе становления и развития хлопководства в имении.

Согласно записке С. И. Коржинского, перед опытной станцией хлопководства стояли четыре основные задачи: 1) получение хороших семян; 2) улучшение способов обработки культуры; 3) введение новых сортов и опыты их разведения; 4) получение новых сортов хлопчатника³². Стоит пояснить, что под второй задачей подразумевалась выработка подходящих приемов обработки и ухода за хлопком применительно к условиям Закаспийской области³³. Вместе с тем необходимо понимать, что представленные задачи опытной станции должны были способствовать как выработке новых знаний о хлопке, так и получению новых сортов этого растения. Однако в документе не шло речи о том, каким образом и среди кого следовало распространять эти знания. Тем не менее нельзя отрицать ценности самого факта обсуждения создания такого учреждения.

Как упоминалось выше, в 1898 г. Н. А. Кашталинский ходатайствовал об учреждении опытного поля в имении. В выписке из его рапорта от 25 августа того года утверждалось, что создание подобного поля являлось одной из самых эффективных мер в деле развития хлопководства³⁴. Так, по его словам, местные земледельцы могли перенять какие-либо методы ведения хозяйства только в том случае, если бы сами воочию убедились в их преимуществах. А мерой оценки эффективности должны были выступить доходность и урожайность, получаемые при том или ином способе обработки земли. Однако, по убеждению управляющего имением, даже если местные жители убедились бы в преимуществах демонстрировавшихся методов обработки земли, то не смогли бы их сразу реализовать на практике, поскольку для этого не хватало сельскохозяйственных орудий, в связи с чем он просил учредить склады для их хранения³⁵.

Осознание необходимости распространения результатов деятельности опытного поля продемонстрировано в выводах к отчету о первом году его деятельности. В нем, в частности, говорилось: «Участок под опытное поле необходимо выбрать как можно ближе к посевам арендаторов и подходящий к требованиям опытного поля, так как интересующимся хлопководам-арендаторам нужно специально тратить время для осмотра, так как опытное поле

³² 1900 г. Января 13. О задачах опытной станции хлопководства в Закаспийской области // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 375

³³ Там же. Л. 4.

³⁴ 1898 г. Августа 25. Выписка из рапорта Управляющего Мургабским государственным имением за № 2064 // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 356. Л. 91.

³⁵ Там же. Л. 91–92.

находится в противоположном конце по отношению к арендаторским полям»³⁶. Символично, что представление итоговых выводов отчета начиналось именно с этого умозаключения, после которого следовали положения, касавшиеся непосредственной обработки хлопка. Это позволяет говорить о том, что, с точки зрения служащих имения, мерилом эффективности деятельности хлопкового поля был отклик местных арендаторов, перенявших те или иные способы ухода за этой культурой.

Важность этого осознавали чиновники Министерства земледелия и государственных имуществ. Так, в межведомственной переписке между Департаментом земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ и Главным управлением уделов Министерства императорского двора директор департамента Д. Ленин писал: «...Департамент земледелия признавал бы весьма желательным устроить в этом (Мургабском. — *H. M.*) имении, среди хлопковых полей арендаторов, показательное хлопковое поле... а за успешное выполнение работ по культуре хлопчатника, под руководством специалиста Департамента, могли бы быть выдаваемы награды и премии»³⁷. В ответном отношении из удельного ведомства сообщалось, что опытное поле уже устроено и дело поставлено на правильный путь, однако о том, что поле было расположено на приличном отдалении от арендаторов, было решено умолчать³⁸.

В контексте создания не только опытных, но и показательных полей в Мургабском имении следует обратиться к докладной записке Ю. Д. Еремеева, управлявшего этим учреждением, помощнику начальника Главного управления уделов Н. П. Лихареву, составленной в 1909 г. В ней была представлена краткая история развития мургабского арендного хозяйства. Характеризуя положение дел в сельском хозяйстве в 1905 г., он утверждал, что «с целью подготовки опытных в культуре хлопка арендаторов организовано показательное поле, обрабатываемое исключительно дейханами-туземцами, под непосредственным руководством сведущего и прошедшего курс опыта хлопкового хозяйства практиканта. Проработавший два года на показательном поле, дейхан становится самостоятельным арендатором, из которых в дальнейшем предполагается создать главный контингент долгосрочных, вполне оседлых и опытных в усовершенствованной культуре хлопка арендаторов»³⁹. В этом фрагменте ясно прослеживается одна из ключевых целей имения — распространение и развитие

³⁶ 1901 г. Отчет по опытному хлопковому полю Мургабского государева имения за 1900 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 375. Л. 107 об.

³⁷ 1901 г. Февраля 13. Отношение директора Департамента земледелия Д. Ленина в Главное управление уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 375. Л. 121–121 об.

³⁸ 1901 г. Февраля 26. Отношение помощника начальника Главного управления уделов в Департамент земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 375. Л. 127–127 об.

³⁹ 1909 г. Января 22. Докладная записка управляющего Мургабским государевым имением Ю. Д. Еремеева Н. П. Лихареву // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 16.

хлопководства, а также средств их достижения, примером которых служит создание опытного поля и привлечение к труду на нем местного населения. Именно таким образом предполагалось распространить как новые сельскохозяйственные культуры, так и передовые методы обработки земли и ухода за растениями.

Приведенные выше примеры создания опытных и показательных полей на территории Мургабского имения демонстрируют, что имперское правительство рассматривало их как один из ключевых элементов в деле распространения продуктивных методов ведения хозяйства. Однако различное восприятие особенностей их функционирования как чиновниками двух упомянутых министерств, так и служащими удельного ведомства и мургабской администрации отнюдь не способствовало поступательному развитию этих учреждений. В связи с этим довольно сложно оценить то, насколько в действительности они повлияли на местные сельскохозяйственные практики не только в самом имении, но и за его пределами.

Заключение. Таким образом, изучение вопроса о распространении прогрессивных методов ведения хозяйства в Мургабском государевом имении позволяет продемонстрировать всю сложность и многогранность функционирования Российской империи. Во-первых, с самого момента учреждения Мургабского имения служащие удельного ведомства посещали многие земледельческие регионы русского Туркестана с целью перенятия местного опыта и его использования на мургабских землях. Это позволяет говорить о том, что империя создала подобное учреждение, не имея обдуманных решений всех потенциальных проблем, и готова была вносить корректизы в стратегию своей деятельности, используя при этом местный опыт. В доказательство этого можно привести факт переселения уйгуров на земли имения, а также скептическое отношение служащих Главного управления уделов к перспективам эффективного использования труда русских крестьян в Байрам-Али.

Во-вторых, несмотря на свое особое положение в структуре Закаспийской области и всего региона, служащие имения активно взаимодействовали с представителями уездных и областных администраций, используя их опыт и наработки в сфере сельского хозяйства. Необходимость и неизбежность подобного сотрудничества осознавались и в удельном ведомстве. Подтверждением этого могут служить перипетии создания опытной хлопковой плантации на землях имения. Вместе с тем ее учреждение продемонстрировало и некоторый диссонанс в действиях имперских институтов, поскольку управляющий имением как служащий непосредственно на месте раньше и быстрее осознал необходимость опытного поля, чем его столичное начальство. Это, в свою очередь, привело к довольно длительной задержке в процессе создания указанного учреждения.

Тем не менее общее движение в направлении развития сельского хозяйства путем распространения современных и продуктивных методов обработки

земли, бесспорно, осуществлялось. Однако имеющиеся источники не позволяют полноценно определить, в какой мере сельскохозяйственный опыт, выработанный в процессе функционирования имения, находил применение в других регионах Туркестана. Вместе с тем высокие оценки мургабского хлопка на московской бирже, а также участие служащих имения в региональных выставках сельского хозяйства говорят о том, что трансляция наработанного опыта происходила, а особенности постановки сельского хозяйства в Байрам-Али интересовали многих.

Литература

1. Алимджанов Б. А. А. Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 93–103.
2. Бочкарева И. Б. Ирригационный вопрос в политике России в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2021. Т. 16. № 3. С. 1399–1408. <https://doi.org/10.13187/bg.2021.3.1399>
3. Брусина О. И., Соловьева Л. Т. Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 10 (120). <https://www.doi.org/10.18254/S207987840023218-8.%20URL:%20>
4. Васильев Д. В. Заселение территории Мургабского государева имения и землепользование: планы и реальность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 116–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>
5. Васильев Д. В. Мургабское государево имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 4. С. 78–88.
6. Васильев Д. В. Организация управления Мургабским государевым имением // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 139–151. <https://doi.org/10.17223/15617793/508/15>
7. Васильев Д. В. Социальная структура Мургабского государева имения (1889–1912): планы и действительность // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 10. С. 360–379. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379>
8. Дмитриева И. В. Становление новой архитектуры и строительной науки в Средней Азии (конец XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. архитектуры. Ташкент, 1994. 26 с.
9. Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1991. 222 с.
10. Настич В. Н. Металлические марки дайханской конторы Мургабского государева имения // Ориенталистика. 2018. Т. 1. № 2. С. 237–250. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248>
11. Саркисов М. М. Ирригация южного Туркменистана. М.: Геоинформмарк, 1992. 135 с.
12. Слезкин А. В. Храм в Мургабском государевом имении: конкурсные проекты и реализация // Русская усадьба. 2015. № 20 (36). С. 258–287.
13. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 239 с.

14. Ходжакулиева Б. А. Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 4. № 12. С. 68–73.
15. Keating J. On arid ground. Political ecologies of empire in Russian Central Asia. Oxford: Oxford University Press, 2022. 252 p.
16. Obertreis J. Imperial desert dreams. Cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen: V&R Unipress, 2017. 536 p.
17. Peterson M. Pipe dreams: Water and empire in Central Asia's Aral Sea Basin. New York: Cambridge University Press, 2019. 399 p. (Studies in Environment and History).

References

1. Alimjanov B. A. A. N. Kuropatkin i ekonomicheskaya politika Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii [Gen. Kuropatkin and the economic policy of the Russian Empire in the Central Asia] // Legal Science: History and the Presence. 2019. № 8. P. 93–103. (In Russ.).
2. Bochkareva I. B. Irrigatsionnyi vopros v politike Rossii v Turkestane (konets XIX – nachalo XX vv.) [The irrigation issue in Russia's policy in Turkestan (end of the 19th – beginning 20th centuries)] // Bylye gody. 2021. Vol. 16. № 3. P. 1399–1408. <https://www.doi.org/10.13187/bg.2021.3.1399> (In Russ.).
3. Brusina O. I., Solovyeva L. T. Murgabskoe gosudarevo imenie v Bairam-Ali po materialam G. I. Karpova: antikolonial'naya kritika imperskogo podkhoda [Murghab State Estate in Bairam-Ali based on the materials of G. I. Karpov: Anti-colonial critique of the imperial concept] // Istorya. 2022. Vol. 13. № 10 (120). <https://www.doi.org/10.18254/S207987840023218-8> (In Russ.).
4. Vasiliyev D. V. Zaselenie territorii Murgabskogo gosudareva imeniiia i zemlepol'zovanie: plany i real'nost' [Land use and settlement of the territory of the Murghab Sovereign's Estate: plans and reality] // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 116–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130> (In Russ.).
5. Vasiliyev D. V. Murgabskoe gosudarevo imenie: osobennosti ekonomiceskogo razvitiia i protsessa kolonizatsii v kontse 1880-kh gg. [Murghab Sovereign's Estate: features of economic development and the process of colonisation in the late 1880s] // Journal of the Belarusian State University. History. 2024. № 4. P. 78–88. (In Russ.).
6. Vasiliyev D. V. Organizatsiia upravleniya Murgabskim gosudarevym imeniem [Governance of the Murgab Sovereign's Estate] // Tomsk State University Journal. 2024. № 508. P. 139–151. <https://doi.org/10.17223/15617793/508/15> (In Russ.).
7. Vasiliyev D. V. Sotsial'naya struktura Murgabskogo gosudareva imeniiia (1889–1912): plany i deistvitel'nost' [Social structure of Murghab Sovereign's Estate (1889–1912): Plans and reality] // Nauchnyi Dialog. 2024. Vol. 13. № 10. P. 360–379. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379> (In Russ.).
8. Dmitrieva I. V. Stanovlenie novoi arkitektury i stroitel'noi nauki v Srednei Azii (konets XIX – nachalo XX veka) [Formation of new architecture and construction science in Central Asia (late 19th – early 20th century)]: abstract of the dissertation of the Candidate of Architecture. Tashkent, 1994. 26 p. (In Russ.).
9. Kanoda N. N. Agrarnaia politika tsarizma v Turkmenistane [Agrarian policy of tsarism in Turkmenistan]. Ashkhabad: Ylym, 1991. 222 p. (In Russ.).

10. Nastich V. N. Metallicheskie marki daikhanskoi kontory Murgabskogo gosudareva imeniia [Metallic payment tokens from the Dayhan counting room in the Murghab Regal Estate] // Orientalistica. 2018. Vol. 1. № 2. P. 237–250. <https://www.doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-2- 237-248> (In Russ.).
11. Sarkisov M. M. Irrigatsiia iuzhnogo Turkmenistana [Irrigation of Southern Turkmenistan]. Moscow: Geoinformmark, 1992. 135 p. (In Russ.).
12. Slezkin A. V. Khram v Murgabskom gosudarevom imenii: konkursnye proekty i realizatsiia [Temple in the Murghab Sovereign's Estate: Competition projects and implementation] // Russkaia usad'ba [Russian Manor]. 2015. № 20 (36). P. 258–287. (In Russ.).
13. Tikhomirov M. N. Prisoedinenie Merva k Rossii [The annexation of Merv to Russia]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. 239 p. (In Russ.).
14. Khodzhakulieva B. A. Iz istorii turkmeno-rossiiskikh otnoshenii: ekonomicheskie preobrazovaniia v Zakaspiiskoi oblasti [From the history of the Turkmen-Russian relations: economic reforms in Transcaspian region] // Economics and Management: Problems, Solutions. 2016. Vol. 4. № 12. P. 68–73. (In Russ.).
15. Keating J. On arid ground. Political ecologies of empire in Russian Central Asia. Oxford: Oxford University Press, 2022. 252 p.
16. Obertreis J. Imperial desert dreams. Cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen: V&R Unipress, 2017. 536 p.
17. Peterson M. Pipe dreams: Water and empire in Central Asia's Aral Sea Basin. New York: Cambridge University Press, 2019. 399 p. (Studies in Environment and History).

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-55-73

Айрапетов Олег Рудольфович

кандидат исторических наук

МГУ им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

oleg_airapetov@list.ru; ORCID 0009-0004-6754-3816

1902 год. КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме предыстории революции 1905–1907 гг. Именно в 1902 г. неизбежность будущей революции в России стала более или менее очевидна для всех. Политика «подморозки» страны явно исчерпала свой ресурс. Обострились все противоречия, которые вскоре приведут к невиданному по мощности социальному взрыву: национальные, аграрные, рабочие. На этом фоне активизировалось либеральное движение, выступления студентов. Со своей стороны, правительство продемонстрировало совершенную неспособность масштабно и творчески ответить на вызовы времени, прибегая к силе как универсальному способу решения вопросов. Это была тупиковая политика, которая вскоре приведет страну на грань системной политической катастрофы.

Ключевые слова: Российская империя, 1902 г., забастовки, аграрные волнения, правительство.

Для цитирования: Айрапетов О. Р. 1902 год. Канун революции // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 55–73. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-55-73>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-55-73

Airapetov Oleg R.

Candidate of Historical Sciences

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

oleg_airapetov@list.ru; ORCID 0009-0004-6754-3816

THE YEAR 1902. THE EVE OF THE REVOLUTION

Abstract. The article is devoted to the problem of the prehistory of the revolution of 1905–1907. 1902 was the time when the approximation of a future revolution in Russia became more or less obvious to everyone. The policy of freezing the country has clearly exhausted its resources. All the contradictions that will soon lead to an unprecedented social explosion have escalated: national, agrarian, and workers. Against this background,

the liberal movement and student demonstrations intensified. For its part, the Government has demonstrated its complete inability to respond to the challenges of the times on a large scale and creatively, resorting to force as a universal way to resolve issues. It was a dead-end policy that would soon bring the country to the brink of a systemic political catastrophe.

Keywords: Russian Empire, 1902, strikes, agrarian unrest, government.

For citation: Airapetov O. R. The year 1902. The eve of the Revolution // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 55–73. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-55-73>

Введение. Один из ведущих специалистов по истории дореволюционной России большого XIX в. Доминик Ливен в беседе со мной как-то заметил, что, независимо от того, чем бы ни занимались современные немецкие историки, в центре их внимания находится 1945 г. Точно так же в центре внимания советских и постсоветских историков неизбежно поставлена проблема 1917 г. По сути дела, то же самое можно сказать о периоде между Первой русской революцией и 1917 г., вне зависимости от того, считается ли эта революция единой, как утверждал П. Н. Милюков и как гласит современная официальная историография, или Февраль и Октябрь 1917 г. были все же разными по природе явлениями, как утверждал В. И. Ленин.

В любом случае истоки 1917 г. в полную силу проявили себя с самого начала правления Николая II, когда практически каждая конфликтная внутриполитическая ситуация в стране купировалась (или, как бы то ни было, такая попытка предпринималась) внешнеполитическими успехами империи. Настоящими или умозрительными¹. По-другому, наверное, и не могло быть. Еще в 1811 г. Н. М. Карамзин отмечал, что «для твердого самодержавия необходимо государственное могущество»². Очевидность правоты этого утверждения неоднократно демонстрировалась в русской истории. Однако все же в начале XX столетия нарастание внутриполитических проблем приобрело исключительное напряжение и масштаб. Вопрос о предыстории русской революции 1905–1907 гг., как и о том, когда действительно она началась, не является абстрактным. Во-всяком случае многим современникам, и прежде всего лидерам двух основных министерств Российской империи в этот период — внутренних дел и финансов, — было ясно, что с лета – осени 1904 г. управляемость страны начала выходить из-под контроля. Но это были именно те процессы, которые в полную силу начались двумя годами ранее.

Историография революции 1905–1907 гг. и ее истоков носит почти безбрежный характер. Конечно, в ней выделяются те общие работы, которые

¹ Айрапетов О. Р. Российская империя в конце XIX – начале XX в.: внешняя политика как фактор политики внутренней // Кризисы в сфере политики и государственного управления: междисциплинарный анализ / под ред. А. Ю. Полунова. М., 2016. С. 41–64.

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 22.

носили определяющий как для дореволюционной³, так и для советской⁴ и постсоветской⁵ историографии характер. Во всех этих работах, так или иначе, рассматривались или упоминались⁶ события 1902 г., однако они так и не стали предметом комплексного анализа, который дает принципиально другую картину обстановки в стране накануне начала Русско-японской войны.

Между тем 1902 г. — это то время, когда приближение будущей революции в России стало более или менее очевидным для всех. Политика «подморозки» страны явно исчерпала свой ресурс, обострились социальные противоречия. На этом фоне активизировалось либеральное движение, выступления студентов. Со своей стороны, правительство продемонстрировало совершенную неспособность масштабно и творчески ответить на вызовы времени, которое явно отличалось от кажущегося спокойствия середины 90-х гг. XIX в.

Ход и результаты исследования. В 1895 г. забастовки охватили 68, в 1896 г. — 118, в 1897 г. — 145, в 1898 г. — 215 предприятий⁷. Действовать против недовольных в Москве предпочитали по единой схеме. Сначала спорные вопросы и жалобы рабочих передавались на рассмотрение фабричных инспекторов. В середине 1890-х в Москве обычно, «по рассмотрении фабричной инспекции, как неосновательные, оставляются без последствий, а недовольные рабочие получают свои расчеты и удаляются с фабрик и заводов»⁸. После этого московская полиция предлагала «удалять (уволенных рабочих. — О. А.) из столицы этапным порядком на место родины, как это делается в С.-Петербурге»⁹. Такой метод действий не мог привести к росту доверия к механизму мирного решения споров между трудом и капиталом. Начавшийся кризис немедленно сказался на положении рабочих и активности стачечного движения. Оно пошло на спад, впрочем, ненадолго. В 1899 г. стачки охватили 189, в 1900 г. — 125, в 1901 г. — 164, в 1902 г. — 123 предприятия¹⁰. Рабочий вопрос не был единственной проблемой.

В начале 1902 г. был проведен студенческий съезд, лидеры которого призвали студенчество к политической борьбе¹¹. В феврале обострилась обстановка в Московском университете, где начались волнения. Как и в 1901 г., студенты собирались в актовом зале, сюда же пришло большое количество учащихся

³ Общественное движение в России в начале XX-го века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. 1. Предвестники и основные причины движения. СПб., 1909.

⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий Курс. М., 1938.

⁵ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.

⁶ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947.

⁷ Кольцов Д. Рабочие в 1890–1904 гг. // Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. 1. С. 224–225.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 16. Д. 49. Т. 1. Л. 36 об.

⁹ Там же. Л. 29 об.

¹⁰ Кольцов Д. Указ соч. С. 225.

¹¹ Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 86.

других учебных заведений, да и просто посторонних лиц. Была принята политическая резолюция и вывешен красный флаг с политическими лозунгами¹².

В результате 8 (21) февраля для борьбы со студентами и поддержания порядка в городе на помощь полиции вновь, как и в 1901 г., была призвана армия — пехота, драгуны, казаки. 9 (22) февраля два сводных батальона обеспечивали ввод войск в здание университета, провожали задержанных в Манеж, а третий находился в резерве и заменил потом стоявших в караулах в Манеже. Две сотни казаков 1-го Донского казачьего полка занимали позиции у Манежа, третья патрулировала улицы города, четвертая оцепила дом генерал-губернатора¹³.

Власти учли опыт 1901 г.: на этот раз все было хорошо организовано. Командовал операцией ротмистр А. И. Спиридович¹⁴. 10 (23) февраля командир 1-го лейб-grenадерского императора Александра II полка докладывал: «Войска без особого сопротивления вошли в здание университета, где двери некоторых помещений учащимися были заперты и забаррикадированы, почему пришлось пожарным устранить эти затруднения, выломав двери». После этого задержанные были препровождены между шеренгами солдат в Манеж, откуда партиями по 120–175 чел. их конвоировали в пересыльную тюрьму. Всего было арестовано около 500 чел., из них 43 женщины¹⁵.

Часть задержанных подверглась высылке в Сибирь, другие были высланы из Москвы на разные сроки, третьи арестованы на 3, 2 и 1 месяц, и еще несколько десятков человек — на 14 и 7 дней¹⁶. Всего, таким образом, было привлечено к ответственности 172 чел. Среди них были студенты Московского университета (113 чел.), Московского инженерного училища, Московского технического училища, Константиновского межевого института, Московского сельскохозяйственного института, один студент Петербургского университета, ученики Училища живописи, ваяния и зодчества, Строгановского училища, слушательницы педагогических, акушерских курсов и зубоврачебной школы. Кроме студентов аресту подверглись 53 человека самого разного происхождения (крестьяне, мещане, дворяне) и рода деятельности (помощник аптекаря, инженер, отставной прaporщик, бухгалтер и т. д.)¹⁷.

10 (23) февраля в городе было введено усиленное патрулирование, в нарядах были задействованы силы полиции (2 полицеймейстера, 1 начальник резерва, 10 участковых приставов, 25 помощников приставов, 3 чиновника резерва, 50 околоточных надзирателей, 372 городовых), жандармерии (12 офицеров, 2 унтер-офицера, 154 рядовых) и армии (1 пехотный полк, 4,25 эскадрона

¹² Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 86.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1606. Оп. 1. Д. 383. Л. 1–3; 10–11.

¹⁴ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 88.

¹⁵ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 383. Л. 4 об.

¹⁶ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 93.

¹⁷ Приказы по Московской полиции // Ведомости московской городской полиции. 1902. 15 февраля. № 43. С. 1–2.

и 1 сотня)¹⁸. Инструкция о действиях патрулей была лаконична: «1) Всякую группу учащихся немедленно оцеплять и арестовывать, препровождая во двор ближайшего дома. 2) Не допускать скопления публики, которой предъявлять категорическое требование расходитьсья, и ослушников задерживать. 3) Всякую попытку к беспорядку подавлять в самом начале самым энергичным образом и во что бы то ни стало»¹⁹.

По итогам событий в Московском университете чиновник Б. М. Юзефович в августе 1902 г. подал на высочайшее имя записку, в которой отмечал: «Отечественные интересы требуют, чтобы русская студенческая молодежь занималась наукой, а не политикой. В действительности русская студенческая молодежь занимается политикой, а не наукой». Причиной тому было увлечение «анархическими, социалистическими и иными антикультурными учениями», а также излишней, по мнению Юзефовича, мягкостью правительства и падением уровня воспитания в школе²⁰.

19 февраля (4 марта) 1902 г. император подписал высочайший рескрипт «О призывае на действительную службу лиц, подлежащих воинской повинности в Финляндии в 1902 году». Предполагалось, что по жеребьевке в л.-гв. 3-й Финский стрелковый батальон будет призвано 280 чел.²¹ Финские оппозиционеры-конституционалисты сформировали комитеты по организации саботажа призыва. Они были названы *kagaali* в подражание еврейскому термину «*кагал*». Деятельность *kagaali* была весьма успешной²². Значительная часть финской молодежи по требованию конституционалистов бойкотировала призыв²³. В марте 1902 г. войска пришлось использовать на Даниловской мануфактуре в Москве, где забастовка переросла в беспорядки. Здания очистил батальон 6-го гренадерского Таврического полка, затем на дежурство заступили три сотни 1-го Донского казачьего полка. Рабочие бастовали и в Тверском уезде, и в Рязанском — и везде на помощь полиции отправлялась армия²⁴. В марте 1902 г. волнения были в Киеве²⁵.

Начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов был убежден, что одними репрессиями подавить революционное движение невозможно²⁶.

¹⁸ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 383. Л. 15.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Юзефович Б. М. Записка о мерах к прекращению студенческих волнений и беспорядков и к восстановлению нарушенного ими нормального течения школьной академической жизни. Киев, 1902. С. 4–5.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1904. Т. 22. 1902. Отделение первое. № 21111. С. 97.

²² Luntinen P. The Imperial Russian army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 170.

²³ Куяла А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // Русский сборник. Т. 17. Финляндия и Россия / отв. сост. тома А. Куяла. М., 2015. С. 199.

²⁴ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 383. Л. 88, 91 об., 97, 240, 251, 253.

²⁵ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 87.

²⁶ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование императора Николая II в изображении современника. СПб., 2000. С. 138.

Он писал: «Вопрос о профессиональной организации рабочих в настоящее время выдвинулся на первый план в умах всех людей, озабоченных улучшением участия трудовой массы народа. Его важность признана правительствами всех стран. Она признана в такой же степени экономистами и социологами. Она все более признается и рабочими всех стран цивилизованного мира»²⁷. Зубатов хотел лишить штабы революции их армий — перехватить доверие рабочих заботой о них со стороны государства²⁸. Сделать это, по его мнению, можно было, только опираясь на профессиональные союзы, которые должны были сформировать и выдвинуть собственных лидеров из рабочих — «народную интеллигенцию», — и на развитие образования среди рабочих²⁹. Зубатов понимал: только осуществление такого рода преобразований позволит сохранить в незыблемости государственный строй, единение народа и царя³⁰.

Эта идея нашла поддержку и среди части интеллигенции. Профессор финансового права Московского университета И. Х. Озеров выступил против беззастенчивой эксплуатации рабочих, называя ее потогонной системой. Он ориентировался на рабочее законодательство США, которое, по его мнению, было одной из причин экономического подъема этой страны. «Да, другие страны быстро идут вперед в своем развитии, готовясь к борьбе с Новым Светом — а мы спим», — писал он³¹. О жизни рабочих профессор имел явно не абстрактное представление: «Русский рабочий, как общее правило, получает низкую заработную плату. Рабочий день его продолжителен, приходится работать долго, он плохо питается и зачастую живет в сырых подвальных помещениях; не обеспечен он и на случай болезни,увечья и старости; случись с ним несчастье, он должен идти в деревню и обременять собой своих родных и близких». Озеров был убежден, что только развитие профсоюзов может способствовать улучшению условий труда и защите рабочих от произвола фабричной администрации. Кроме того, профессор был сторонником государственного вмешательства в решение рабочего вопроса³².

Отношения между рабочими и предпринимателями регулировала фабричная инспекция, а полиция отвечала за соблюдение общественного порядка. Это создавало возможность для административного вмешательства в споры между трудом и капиталом³³. 17 (30) мая 1901 г. император распорядился подготовить доклад о причинах постоянных забастовок рабочих Петербурга.

²⁷ Цит. по: Овченко Ю. Ф. «Хмурый» полицейский. Карьера С. В. Зубатова // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 3.

²⁸ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л., 1928. С. 5.

²⁹ Овченко Ю. Ф. Указ. соч. С. 17.

³⁰ Гурко В. И. Указ. соч. С. 139.

³¹ Озеров И. Х. Из жизни труда. М., 1904. Вып. 1. С. 3, 5, 10, 17–18, 293.

³² Озеров И. Х. Что должны иметь в виду рабочие. М., 1906. С. 3–5, 9.

³³ Морской А. (Штейн В. И.) Зубатовщина. Страница из истории рабочего вопроса в России. М., 1913. С. 33–35.

Менее чем через месяц градоначальник ген.-л. Н. В. Клейгельс подготовил обзор о стачках 1897–1900 гг. Документы свидетельствовали о том, что их причиной являлись злоупотребления фабричной администрации. Положение ухудшалось тем, что в ряде случаев фабричные инспекторы оказались бессильными против фабрикантов, которые имели хорошие личные связи в Министерстве финансов. Попытки полиции вмешаться и поддержать контроль за соблюдением существующих законов по охране труда также встречали серьезное сопротивление со стороны хозяев фабрик³⁴.

Для создания организации Зубатов воспользовался поддержкой обер-полицмейстера Москвы Д. Ф. Трепова. Последний был убежден в том, что рабочее движение необходимо было направить в нужное для правительства русло. Трепова поддерживал московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Эта помощь стала решающей для эксперимента в рабочем вопросе в первопрестольной столице³⁵. Зубатовская организация являлась решительным шагом в направлении новой, активной политики правительства в рабочем вопросе. Фактически был сформирован профсоюз под покровительством властей, членство в котором предполагало ежемесячный взнос в один рубль. Были созданы районные отделения и центральное правление, контрольные органы и т. п.³⁶ Все это потом будет повторено в Петербурге.

Успехи проправительственного рабочего движения в Москве сразу же обратили на себя пристальное внимание социал-демократов³⁷. Ю. О. Мартов в ноябрьском номере «Искры» писал: «...г. Зубатов гораздо вернее, чем многие из наших “экономистов”, понял значение для России настоящего момента подобных средств борьбы с капитализмом. Он понял, что шум и гром, с которым осуществляется дело взаимопомощи, отвлечет от нелегального движения немало интеллигентных рабочих, ищущих какого-нибудь приложения своих сил и еще не нашедших его в революционной борьбе; он понял, что правительственные покровительство организаций таких мирных учреждений обманет многих и многих рабочих, уверит их, будто правительство всегда готово отечески заботиться об их интересах...»³⁸. Бундовцы еще в августе 1900 г. в листовке «Ко всем еврейским работникам и работницам» называли Зубатова «подлецом царским служителем», «верным царским псом», «извергом человечества» и т. д.³⁹

Эта пропаганда не действовала на всех. Один из активных сторонников Зубатова, рабочий Ф. А. Слепов написал стихотворение «Контр-мина», в котором были такие слова: «Пусть в подпольной печати бездарность / О вас пишет

³⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 700. Л. 1, 2–2 об., 3–3 об., 5 об.

³⁵ Морской А. (Штейн В. И.). Указ. соч. С. 48–50.

³⁶ Медведев С. В. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX века. М., 2018. С. 112–115.

³⁷ О московском «Зубатовском обществе» // Искра. 1901. 20 ноября. № 11. С. 3.

³⁸ Мартов Л. Еще о политическом разврате наших дней // Искра. 1901. Ноябрь. № 10. С. 5.

³⁹ ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

пустые статьи, / Мы же шлем от души благодарность / За все то, что нам сделали вы. / Эти люди, что вас ненавидят, / Они также не любят и нас, / И отраду как будто бы видят/ В тяжкой жизни трудящихся масс»⁴⁰.

В 1902 г. состоялся триумф Зубатова в Москве: созданные им рабочие организации провели 19 февраля (4 марта) 1902 г. демонстрацию с возложением цветов к памятнику Александру II в Кремле⁴¹. Для многих это было неожиданностью: накануне автор «Санкт-Петербургских ведомостей» сетовал на то, что этот день так и не стал праздником в России и что только некоторые земства безуспешно попытались отметить очередную годовщину отмены крепостного права⁴². На самом деле в Москве еще ранее ходили слухи о том, что рабочие организуют праздник с позволения властей. Эти слухи «одних тревожили, других удивляли, а третьих радовали». 16 февраля (1 марта) они подтвердились, владельцы фабрик и заводов получили предписания не взыскивать с рабочих за прогул рабочего дня (19 февраля в 1902 г. пришелся на вторник)⁴³. Плохая погода: небо было затянуто тучами, дул порывистый холодный ветер — не помешала демонстрации⁴⁴. Пространство от Спасских до Боровицких ворот и вся Соборная площадь были заполнены людьми. Количество демонстрантов оценивалось в 30, 50 и даже в 80 тыс. чел.⁴⁵ Население Москвы в 1902 г. составляло 1 092 360 чел.⁴⁶

«19 февраля, в первый раз за сорок лет после освобождения, — сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», — простой рабочий народ, по собственному почину, отпраздновал великую годовщину торжественным собранием в Кремлевских стенах»⁴⁷. «Полиция отсутствовала, — вспоминал прикомандированный к Московскому охранному отделению А. И. Спиридович. — Порядок поддерживался самими рабочими»⁴⁸. Этот порядок был образцовым, тысячи людей пришли и разошлись без малейших происшествий⁴⁹. Журналист «Нивы» писал: «Толпа вела себя изумительно спокойно, видимо сознавая великое значение чествования. Сами рабочие заботились о поддержании порядка. У них

⁴⁰ Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 22.

⁴¹ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 102.

⁴² Соколов И. В ожидании 19 февраля // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 18 февраля. № 48. С. 2.

⁴³ Внутренние известия. Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 21 февраля. № 51. С. 5.

⁴⁴ Кремлевское торжество // Московские ведомости. 1902. 20 февраля. № 50. С. 2.

⁴⁵ Внутренние известия. Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 21 февраля. № 51. С. 5.; Москва 19 февраля. Русское народное чувство // Московские ведомости. 1902. 20 февраля. № 51. С. 2; Чествование «19 февраля» в Москве // Нива. 1902. № 10. С. 194.

⁴⁶ Таблица 1. Население Москвы по возрасту, полу и месторождению // Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Население. М., 1904. С. 2–3.

⁴⁷ Внутренние известия. Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 21 февраля. № 51. С. 5.

⁴⁸ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 102.

⁴⁹ Москва, 19 февраля. Русское народное чувство // Московские ведомости. 1902. 20 февраля. № 50. С. 2.

были свои сотские, с кокардами из лент русских цветов, и десятские, с беленькими ярлычками, выданными советом общества рабочих механического производства в Москве»⁵⁰.

Шествие сопровождалось исполнением «Коль славен наш Господь в Сионе» и «Боже, Царя храни!», на которые демонстранты реагировали криками «Ура!»⁵¹. В Кремле на Соборной площади присутствовал великий князь Сергей Александрович, московский губернатор А. Ф. Булыгин, губернский предводитель дворянства кн. П. Н. Трубецкой, городской голова кн. В. М. Голицын, обер-полицеймейстер генерал-майор Д. Ф. Трепов, командир XVIII Армейского корпуса генерал от кавалерии А. А. Бильдерлинг и другие представители чиновничества и духовенства⁵². Генерал-губернатора приветствовали криками «Ура!»⁵³. Был проведен молебен, возложены серебряный и металлический венки, деньги на которые собрали рабочие. Только серебряный венок обошелся в 2 тыс. руб.⁵⁴

Сергей Александрович был в восторге от организации и порядка, который продемонстрировали рабочие⁵⁵. Он обратился к собравшимся с короткой речью: «Передайте всем вашим собравшимся сюда товарищам, как Я рад был помочь с ними об успокоении души незабвенного Моего Родителя и о благополучном царствовании и здравии нашего возлюбленного Государя Императора»⁵⁶. В тот же день рабочие Москвы отправили делегацию в Петербург для возложения серебряного венка на могилу Александра II⁵⁷. В столице праздник был более скромным — в Исаакиевском соборе при большом скоплении народа была проведена заупокойная литургия и панихида по убитому императору⁵⁸.

Консервативные «Московские ведомости» торжествовали: «Среди мрачного тумана, обволакивающего ум и чувство столь обширных слоев нашего так называемого интеллигентного общества, ярким лучом света прорезается все, в чем оказывается голос русского народного чувства»⁵⁹. Московский же комитет РСДРП в обращении «Ко всем рабочим» от 27 марта 1902 г. назвал

⁵⁰ Чествование «19 февраля» в Москве // Нива. 1902. № 10. С. 194.

⁵¹ Москва, 19 февраля. Русское народное чувство // Московские ведомости. 1902. 20 февраля. № 51. С. 2; Внутренние известия. Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 21 февраля. № 51. С. 5.

⁵² Кремлевское торжество // Московские ведомости. 1902. 20 февраля. № 50. С. 2.

⁵³ Москва, 19 февраля. Русское народное чувство // Московские ведомости. 1902. 20 февраля. № 50. С. 2.

⁵⁴ Чествование «19 февраля» в Москве // Нива. 1902. № 10. С. 194.

⁵⁵ Софын Д. М. Великий Князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М., 2016. С. 141.

⁵⁶ Московская жизнь // Московские ведомости. 1902. 20 февраля. № 51. С. 2: Внутренние известия // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 27 февраля. № 52. С. 4.

⁵⁷ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 102.

⁵⁸ Внутренние известия. С.-Петербург // Правительственный вестник. 1902. 20 февраля. № 42. С. 3.

⁵⁹ Москва, 19 февраля. Русское народное чувство // Московские ведомости. 1902. 20 февраля. № 51. С. 2.

случившееся «царским лицемерием и дерзостью холопов в Московском Кремле»⁶⁰. Центральный орган РСДРП мог только язвить на счет того, что самодержавное государство организует праздник в честь отмены крепостного права: «Очевидно, дело с “основами” обстоит плохо, если нельзя вызвать народной манифестации в пользу царизма по иному поводу»⁶¹. Вскоре за благодарностью за реформу 1861 г. последовало столкновение с отдаленными ее результатами.

Аграрный вопрос требовал особого внимания к себе. В 1899 г. в докладной записке на имя главы МВД говорилось: «Всем, конечно, очень хорошо видно, что настоящее экономическое положение русского народа представляет самую печальную картину. Страшная нищета деревенского населения при повторяющихся чуть не через год неурожаях, полное отсутствие каких-либо заработка и полная безнадежность выйти когда-нибудь ему из этого нищенского положения, невольно должны привести к мысли, что все те меры, которые рекомендуются правительству и производятся в нашем обществе для подъема благосостояния населения — все они, в сущности, вовсе не касаются народа и ничего поэтому в его жизни изменить не могут»⁶².

Накануне зубатовской демонстрации в Москве одна из столичных газет отметила годовщину отмены крепостного права статьей, в которой говорилось о том, что с каждым годом все очевиднее становится то, чего нельзя не заметить — «невозможного в своем роде единственного явления ухудшения народного благосостояния через десятки лет после освобождения народа от цепей крепостничества»⁶³. Действительно, во многих губерниях страны положение крестьян было неблагополучным. 1901 г. был исключительно неблагоприятным для сельского хозяйства. Неурожай естественным образом привел к резкому росту недоимок⁶⁴. Жара привела к большим потерям хлеба в Полтавской губернии⁶⁵. В Харьковской губернии средний урожай с 1897 по 1900 г. составил 70 119 000 пудов⁶⁶, в 1900 г. он был выше — 82 950 000 пудов⁶⁷. А вот в 1901 г. было собрано всего 58 118 000 пудов⁶⁸. Доходы жителей губернии сразу же сократились на 15 млн руб., среднедушевое обеспечение зерновым хлебом

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.

⁶¹ «Патриотическая» манифестация в Москве (из письма рабочего) // Искра. 1902. 10 марта. № 18. С. 14.

⁶² ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.

⁶³ Кулебка С. Н. Сорок первая годовщина 19 февраля 1861 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 20 февраля. № 50. С. 2.

⁶⁴ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1901 год. СПб., 1902. С. 57–59.

⁶⁵ Обзор Полтавской губернии за 1901 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Полтавского губернатора. Полтава, 1902. С. 2.

⁶⁶ Обзор Харьковской губернии за 1902 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Харьковского губернатора. Харьков, 1903. С. 3.

⁶⁷ W. Хлебное оскудение // Южный край. 1902 г. 23 мая. № 7383. С. 3.

⁶⁸ Обзор Харьковской губернии за 1901 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Харьковского губернатора. Харьков, 1902. С. 2.

(за вычетом семенного) в 1900 г. составило 25,86 пуда (413,76 кг, или 1,133 кг в день на год), а в 1901 г. сократилось до 15,82 пуда (253,12 кг, или 693 г в день)⁶⁹.

Отчет государственного контролера за 1902 г. гласил: «Необходимо заключить, что одной пересочки или отсрочки выкупного долга недостаточно для поддержания хозяйственного быта крестьянского населения», нужны более серьезные меры «к облегчению лежащего на нем податного бремени», а именно — понижение «самых норм выкупных платежей»⁷⁰. В 1903 г. доверенное лицо императора, генерал от инfanterии, генерал-адъютант О. Б. Рихтер отмечал: «Повторяющийся недород, а часто и полный неурожай в самой благодатной черноземной полосе Центральной России нельзя приписывать, единственно, неблагоприятным метеорологическим условиям». Рихтер считал, что главной причиной проблем была община и отсутствие частного крестьянского землевладения⁷¹.

Неблагополучным было не только экономическое положение крестьян. Положение народного образования, здравоохранения «и вообще благоустройства различных сторон жизни населения» соседнего Юго-Западного края генерал-губернатор Киевский, Подольский и Волынский генерал М. И. Драгомиров в 1901 г. описывал как весьма печальное. В Киевской губернии один врач приходился на 107 818 чел., в Подольской — на 99 874 чел., в Полтавской — на 48 808 чел., в Черниговской — на 31 101 чел. «Результатом такого устройства врачебной части, — докладывал императору Драгомиров, — являются постоянные, непрекращающиеся эпидемии тифа, оспы, скарлатины, дифтерита и других инфекционных болезней. А в каком положении очутится население в случае посещения эпидемии холеры или чумы, страшно подумать»⁷².

В 1902 г. МВД начало разрабатывать меры поддержки крестьян. Первый пункт принятого нормативного документа звучал следующим образом: «Обеспечение продовольственных и семенных потребностей сельского населения при неурожаях и других подобных бедствиях составляет первое всего обязанность самого населения и исполняется последним путем накопления натуральных запасов или капиталов». Министерство, впрочем, признавало, что иногда необходима и внешняя, «общественная помощь». Ответственность за ее организацию среди сельских жителей возлагалась на земства, среди горожан — на городские управление⁷³. И те и другие должны были организовывать общественные работы, создавая возможность заработка для голодающих. Средства для этого органы самоуправления также должны были изыскать сами.

⁶⁹ *W. Хлебное оскудение.* // Южный край. 1902. 23 мая. № 7383. С. 3.

⁷⁰ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1902 год. СПб., 1903. С. 50.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 856. Оп. 1. Д. 426. Л. 1–1 об.

⁷² Там же. Л. 2, 6, 7.

⁷³ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 203. Л. 1, 3–10, 12–15.

Осень 1901 г. после засушливого лета была благоприятной, зима — теплой и малоснежной⁷⁴, весна 1902 г. на Полтавщине и Харьковщине по всем показателям была «вполне благоприятна для сельского хозяйства»⁷⁵. Новый урожай в 1902 г. ожидался хорошим, но до него еще нужно было дождить. Весной 1902 г. в Полтавской губернии недород хлеба стал ощущаться все сильнее⁷⁶. В Харьковской — крестьянство было обеспечено запасами хлеба прошлого урожая только до середины 1902 г. От бескорьиц начался падеж скота⁷⁷. Продовольственный кризис привел к аграрным беспорядкам. Среди крестьян распространились слухи о том, что скоро все переменится и не будет «панов»⁷⁸. Слухи подтверждались брошюрами и листовками на малороссийском языке. Поначалу крестьяне просили о помощи, потом перешли к кражам, а затем уже и к насильственному изъятию имущества богатых землевладельцев⁷⁹. Помещики начали отправлять свои семьи в города, вскоре началось и их бегство из деревень. Крестьяне ходили толпами до 1 000 чел., изымали землю, скот и зерно на основании никому не известных «царских указов». Свою роль сыграли и агитаторы, убеждавшие, что «царскую грамоту», написанную золотыми буквами, прячут от них⁸⁰. Крестьяне говорили, что им «велено забирать по 5 пудов на душу»⁸¹. Только в одной экономии было изъято около 20 тыс. пудов зерна⁸².

Волнения сначала затронули только интересы помещиков, но затем досталось и владениям зажиточных крестьян и казаков, а также земским учреждениям. В марте в течение четырех дней в Полтавской губернии было разгромлено 54 усадьбы⁸³. Уже 31 марта (13 апреля) полтавский губернатор обратился к командующему войсками Киевского округа с просьбой о помощи. Поначалу надеялись обойтись одним батальоном и сотней казаков, но вскоре выяснилось, что этого недостаточно. Местные власти выступали за широкое использование телесных наказаний⁸⁴. Но поркой дело не обошлось, в ряде мест

⁷⁴ Обзор Полтавской губернии за 1902 год. Полтава, 1903. С. 1.

⁷⁵ Вести и слухи // Полтавские губернские ведомости. 1902. 2 апреля. № 75. С. 3.

⁷⁶ Обзор Полтавской губернии за 1903 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Полтавского губернатора. Полтава, 1904. С. 1.

⁷⁷ Обзор Харьковской губернии за 1902 год, по отчетам податных инспекторов. Харьков, 1904. С. 9–10.

⁷⁸ Горн Вл. Крестьянское движение до 1905 г. // Общественное движение в России в начале XX-го века. С. 247.

⁷⁹ Телеграммы «Харьковских ведомостей» // Харьковские губернские ведомости. 1902. 30 апреля. № 110. С. 3.

⁸⁰ Шаховской М. Крестьянские волнения в Харьковской губернии в 1902 году // Исторический вестник. 1906. № 1. С. 125–127, 130, 138.

⁸¹ Горн Вл. Указ. соч. С. 247.

⁸² Телеграммы «Харьковских ведомостей» // Харьковские губернские ведомости. 1902. 30 апреля. № 110. С. 3.

⁸³ Гурко В. И. Указ. соч. С. 138.

⁸⁴ М. С. Из воспоминаний об аграрном движении 1902 года в Полтавской губернии // Исторический вестник. 1908. № 4. С. 165, 166, 173, 177.

войскам пришлось использовать оружие. Появились убитые и раненые, масса людей была арестована. К суду было привлечено 1 098 чел.⁸⁵

1 (14) апреля беспорядки перекинулись в Харьковскую губернию. Здесь имелась сеть хлебозапасных магазинов, но своевременно помочь была оказана крестьянам только одного из пострадавших от неурожая 1901 г. уездов — Старобельского⁸⁶. И в Харьковской губернии власти использовали войска⁸⁷.

Во время верноподданной демонстрации 19 февраля в Москве рабочие были уверены: на следующий год они снова придут в Кремль с цветами к памятнику императору Александру II⁸⁸. Однако уже весной 1902 г. зубатовские организации вступили в конфликт с французским подданным Юлием Гужоном⁸⁹. На его заводе покалечило рабочего, а владелец отказался выполнить требования по выплате компенсации пострадавшему⁹⁰. Рабочих поддержал обер-полицмейстер, пригрозивший Гужону административной высылкой, фабрикант обратился с жалобой к послу Франции⁹¹. Кроме того, Гужон организовал и коллективную жалобу фабрикантов на действия полиции. 9 марта «Товарищество шелковой мануфактуры», крупнейшим пайщиком которого был Гужон, подало жалобу на имя министра финансов: «Действиями и требованиями Московской полиции и Охранного Отделения наше промышленное заведение поставлено в невероятное и безвыходное положение». Затем последовала еще одна коллективная жалоба на «самое безвыходное положение» фабрикантов⁹².

В результате 16 (29) февраля министр финансов С. Ю. Витте обратился к министру внутренних дел Д. С. Сипягину, тот, в свою очередь, обратил внимание московского генерал-губернатора на то, что созданные полицией организации «открыто подстрекают» рабочих к забастовкам, а предприниматели жалуются на давление со стороны обер-полицмейстера с целью вынудить их «пойти на уступки пожеланиям рабочих»⁹³. Министр признал полезным вмешательство полиции, «но при непременном условии, конечно, соблюдения в этом деле строгой законности». Из этого, естественно, следовал вывод о том, что этот принцип в Москве уже нарушаются, в связи с чем обер-полицмейстера предлагалось «представить подробное объяснение по всем указывающим Министром Финансов обстоятельствам»⁹⁴. Очевидно, предприниматели пользовались полной поддержкой Витте. Неудивительно, что представители

⁸⁵ Горн Вл. Указ. соч. С. 248.

⁸⁶ Обзор Харьковской губернии за 1902 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Харьковского губернатора. С. 19.

⁸⁷ Телеграммы «Харьковских ведомостей» // Харьковские губернские ведомости. 1902. 30 апреля. № 110. С. 3.

⁸⁸ Внутренние известия. Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 21 февраля. № 51. С. 5.

⁸⁹ Морской А. (Штейн В. И.). Указ. соч. С. 77.

⁹⁰ Гурко В. И. Указ. соч. С. 143.

⁹¹ Морской А. (Штейн В. И.). Указ. соч. С. 77.

⁹² ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 21. Л. 10 об. – 11 об., 16, 18.

⁹³ Там же. Л. 2 об.

⁹⁴ Там же. Л. 3.

Министерства финансов, которые должны были следить за соблюдением рабочего законодательства, фактически исходили из других интересов. Обзор Московской полиции гласил: «На фабричной инспекции Охранное Отделение готово поставить крест, как на учреждении, которое, по своему лицеприятному отношению к фабрикантам, потеряло всякое доверие рабочих»⁹⁵.

2 апреля 1902 г. Д. С. Сипягин был убит. Покушение произошло при входе в здание МВД. Убийца был одет офицером и подошел к министру под предлогом передачи пакета. Он успел сделать четыре выстрела в упор из браунинга, две раны оказались смертельными⁹⁶. Организаторы убийства — эсеры — называли такого рода акты «смещением». Большая часть подцензурной прессы отреагировала на это событие «угрюмым молчанием» — Сипягин настроил против себя даже противников террора⁹⁷. 4 апреля МВД возглавил В. К. фон Плеве⁹⁸. Земцы восприняли это назначение с явной тревогой⁹⁹. Плеве имел репутацию бюрократа и пришел на ministerский пост с программой создания более эффективного государственного аппарата, ужесточения полицейского контроля и борьбы с революционным террором. Он надеялся осуществить ряд реформ, которые способствовали бы слиянию земского самоуправления с органами государственной власти, разумеется под контролем последней. Однако успеха эти проекты не имели¹⁰⁰.

Конфликт с Гужоном в начале 1902 г. был для правительства весьма несвоевременен и неприятен, потому что в Петербурге ждали союзника: 7 (20) мая в столицу России прибыл президент Франции Эмиль Лубе. Высокого гостя встретили торжественно. Приемы чередовались смотрами, танцы — раутами, парады — салютами. 10 мая Лубе покинул Россию¹⁰¹. В заботах о внешней политике и соблюдении законности в Москве не был забыт и крестьянский вопрос. 8 мая был подписан Высочайший указ Сенату, по которому пострадавшие землевладельцы получали 800 тыс. руб. из Государственного казначейства. Компенсировать эту сумму оно должно было, взыскивая ежегодный дополнительный сбор с сельских обществ и селений, крестьяне которых принимали участие в беспорядках. Начать сбор предписывалось со второй половины 1902 г.¹⁰² Оппозиция назвала эту меру «огульной штрафной контрибуцией»¹⁰³.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁹⁶ Министр внутренних дел Д. С. Сипягин (некролог) // Правительственный вестник. 1902. 3 апреля. № 75. С. 2; Министр Внутренних дел Д. С. Сипягин // Нива. 1902. № 15. С. 301.

⁹⁷ Чернов В. М. Перед бурей: [Мемуары лидера партии эсеров]. М., 1993. С. 57, 162.

⁹⁸ Высочайшие приказы. По Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 4 апреля 1902 года. № 6 // Правительственный вестник. 1902. 5 апреля. № 77. С. 1.

⁹⁹ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 159–162.

¹⁰⁰ Там же. С. 136, 150–151.

¹⁰¹ Пребывание в России президента Французской Республики // Правительственный вестник. 1902. 8 мая. № 101. С. 2–3; Пребывание в России президента Французской Республики // Правительственный вестник. 1902. 11 мая. № 104. С. 2–3.

¹⁰² Действия правительства. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату // Правительственный вестник. 1902. 14 мая. № 106. С. 1.

¹⁰³ 1 июля (14 июля) 1902 г. // Освобождение. 1902. 2 июля. № 2. С. 19.

Сочетание экзекуции и штрафных мер было непонятно многим. «Наш народ слишком консервативен, крепко стоит за старину, за свой уклад жизни, за своего монарха; кроме того, терпение русского человека — безгранично», — извещал императора в частном письме в июне 1902 г. его советник А. А. Клопов¹⁰⁴. Непонимание могло разрушить эту идиллию. Финансовое положение крестьян и без того было тяжелым. Недобор налогов стал хроническим явлением¹⁰⁵. В Харьковской губернии недоимки в 1902 г. составили 244 281 руб. 78 коп.¹⁰⁶, в Полтавской — 1 002 206 руб.¹⁰⁷ Уже вводились принудительные меры сбора налогов, включая опись движимого имущества неисправного должника. Это не помогало ликвидировать задолженность¹⁰⁸. Естественно, что дополнительное взыскание штрафов было очень непопулярно и даже бессмысленно. «Откуда возьмут они эти 800 000 руб.?»¹⁰⁹ 29 июля на жизнь Харьковского губернатора кн. Н. Л. Оболенского было совершено покушение. Террорист был схвачен и приговорен к смертной казни через повешение, которая по просьбе князя была заменена императором бессрочными каторжными работами¹¹⁰.

«На долю России выпало особое счастье, — утверждал в начале нового царствования консервативный “Русский вестник”. — Ни с какой стороны обширных владений ей не предстоит ни малейшей опасности. Для укрепления ее государственного и народного блага не предстоит надобности ни в сухопутных, ни в морских вооруженных экспедициях, ни даже просто в угрозах кому бы то ни было. Еще более счастливы мы внутренним спокойствием. У нас немыслимо напоминание войскам их верховным вождем, что они должны быть готовы грудью отстаивать целость государства от покушений на нее собственных братьев. Никогда поданные русского Царя не доживут до такого позора и никогда мысль русского Государя не омрачится ужасным призраком отцов и матерей, заколотых своими сыновьями по долгу службы»¹¹¹.

На самом деле армия давно и широко использовалась для обеспечения порядка и безопасности. В 1890 г. для борьбы с беспорядками войсковые части направлялись в 21 командировку (44 роты, 14 эскадронов и сотен — кавалерия использовалась в два раза больше, чем в 1889 г.)¹¹². В 1891 г. монарх путешествовал в мае, сентябре, октябре и ноябре: для охраны железнодорожных поездов особой важности было привлечено уже 44 285 чел. Для подавления волнений войска командировались 20 раз, но по численности количество пехоты

¹⁰⁴ Тайный советник императора. СПб., 2002. С. 122.

¹⁰⁵ Обзор Харьковской губернии за 1902 год, по отчетам податных инспекторов. С. 34.

¹⁰⁶ Обзор Харьковской губернии за 1902 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Харьковского губернатора. С. 37.

¹⁰⁷ Обзор Полтавской губернии за 1902 год. С. 4.

¹⁰⁸ Обзор Харьковской губернии за 1902 год, по отчетам податных инспекторов. С. 36.

¹⁰⁹ Тайный советник императора. С. 125.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 1101. Л. 26, 29.

¹¹¹ Из жизни и печати // Русский вестник. 1895. Том 235. № 1. С. 276.

¹¹² Часть Главного Штаба. Командировки войск // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1890 год. СПб., 1892. С. 15.

было в 1,3, а кавалерии в 2 раза больше, чем в 1890 г. (52 роты, 19 эскадронов и сотен и 2 орудия)¹¹³.

Особое место занимала охрана путей сообщения, по которым следовали поезда монарха. В 1900 г. для путей сообщения, по которым следовали императорские поезда, было направлено 61 975 нижних чинов и еще 600 было привлечено для охраны Беловежской пущи во время пребывания там Николая II. При этом год был относительно спокоен для армии: беспорядки были только «фабричные и крестьянские» и войска отправлялись для их подавления только 59 раз — 92 роты, 13 команд и 34,5 сотни¹¹⁴. В 1901 г. для охраны передвижения императорских поездов было задействовано около 22 тыс. чел., а для борьбы с беспорядками (их характер определялся как студенческие, фабричные и крестьянские) войска направлялись 271 раз — 332 роты, 4 охотничьи команды, 141 эскадрон и сотня, не считая 2 487 нижних чинов и казаков в составе разных команд¹¹⁵. В 1902 г. для охраны передвижения императорских поездов было привлечено 69 тыс. солдат и офицеров, войска отправлялись в командировки для пресечения беспорядков (тоже студенческих, фабричных и крестьянских) 522 раза — 578 рот, 10 охотничьих команд, 311,5 эскадронов и сотен, два учебных батальона, одна местная команда, не считая 5 901 нижних чинов и казаков в составе разных команд¹¹⁶.

Осенью 1902 г. под Курском должны были состояться большие маневры в высочайшем присутствии. Город задолго начал готовиться к этому визиту: он «стал рядиться в парадную одежду»¹¹⁷. 19 августа (1 сентября) в Курске была устроена торжественная электрическая иллюминация: над городом светилось марево от вензелей «Н» и «А». Горожане были поражены невиданным зрелищем. Жар от ламп был так силен, что нельзя было стоять вблизи от них¹¹⁸. Горожанам обещали еще одну техническую новинку: из Москвы должны были прибыть «два мотора для военных тяжестей»¹¹⁹. Губернатор (им был сын бывшего военного министра генерал-лейтенант граф А. Д. Милютин¹²⁰) призывал

¹¹³ Часть Главного Штаба. Командировки войск // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1891 год. Представлен Государю Императору 31 декабря 1892 года. СПб., 1893. С. 15.

¹¹⁴ Общий обзор состояния и деятельности всех частей Военного Министерства за 1900 год. Часть Главного Штаба. Командировки войск // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1900 год. СПб., 1902. С. 22.

¹¹⁵ Общий обзор состояния и деятельности всех частей Военного Министерства за 1901 год. Часть Главного Штаба. Командировки войск // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1901 год. СПб., 1903. С. 15.

¹¹⁶ Общий обзор состояния и деятельности всех частей Военного Министерства за 1902 год. Часть Главного Штаба. Командировки войск // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1902 год. СПб., 1904. С. 14.

¹¹⁷ Царские дни в Курске // Нива. 1902. № 37. С. 738.

¹¹⁸ Хроника // Курский листок. 1902. 23 августа. № 91. С. 1.

¹¹⁹ Внутренние известия // Курские губернские ведомости. 1902. 25 августа. № 182. С. 3.

¹²⁰ Главные местные военные управление. Военные округа: Петербургский // Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлени

жителей соблюдать полный порядок во время проезда монарха через город¹²¹. Министерство внутренних дел в июле 1902 г. озабочилось усилением местной курской полиции чинами московской: первоначально планировалось командировать в Курск двух офицеров, шестерых околоточных и 69 городовых. Потом к ним решили добавить и 15 фильтров Московского охранного отделения¹²². 15 августа в Курск прибыла группа чинов столичной полиции — 152 чел., включая три высших чина и 16 околоточных надзирателей¹²³. С 10 августа было введено «особо бдительное наблюдение за выездом и проездом по направлению к г. Курску подозрительных и известных своей сомнительной благонадежностью лиц»¹²⁴. 28 августа на маневры прибыли великие князья Сергей Александрович и Михаил Николаевич (он был посредником на учениях), 29 августа — император. Его сопровождали великие князья Михаил Александрович, Владимир Александрович и Николай Николаевич¹²⁵. На демонстрацию военной мощи империи был приглашен шах Персии Музаффар-эд-Дин¹²⁶.

На курском вокзале Николая II встречали представители дворянства и земства, монарху был поднесен хлеб-соль¹²⁷. Отклинулась на приезд монарха и губернская литература: «Славься, славься Царь родимый, / Живи много лет и дней / Посреди семьи любимой / Верноподданных детей...»¹²⁸ Высокий гость обещал преобразования, созвив губернских комитетов с участием дворянства и земства. Монарх заявил: «Я знаю, что сельская жизнь требует особого попечения: дворянское землевладение переживает тяжелое время, есть неустройства и в крестьянском. Для устраниния последних, по Моему повелению, соображаются в министерстве внутренних дел необходимые меры. К участию в этих трудах будут призваны в свое время губернские комитеты с участием дворянства и земства. Что же касается поместного дворянства, которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России, то его укрепление будет Мою непрестанною заботою». Земствам же было рекомендовано заниматься местными хозяйственными нуждами¹²⁹. Это была

в Российской империи на 1902 год. Ч. 2. Власти и места управления: губернского, областного, окружного, городского и уездного и ведомства их. СПб., 1902. Ст. 131; Внутренние известия. Граф А. Д. Милютин // Русский инвалид. 1904. 23 января. № 18. С. 2.

¹²¹ От Курского Губернатора // Курские губернские ведомости. 1902. 25 августа. № 182. С. 1.

¹²² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 1108. Л. 1, 4.

¹²³ К маневрам в Высочайшем присутствии // Курский листок. 1902. 18 августа. С. 1.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 1108. Л. 5.

¹²⁵ Курские маневры в Высочайшем присутствии // Правительственный вестник. 1902. 1 сентября. № 191. С. 1.

¹²⁶ Очерк истории министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. С. 191.

¹²⁷ Прибытие Государя Императора на станцию Курск // Курский листок. 1902. 4 сентября. № 96. С. 1.

¹²⁸ Мартаков А. Песнь области Курской на прибытие в ея пределы Его Величества Императора Николая II // Курские губернские ведомости. 1902. 29 августа. № 185. С. 1.

¹²⁹ Курские маневры в Высочайшем присутствии... С. 1.

программа министра внутренних дел В. К. фон Плеве, которую он проводил в жизнь при полной поддержке императора¹³⁰.

1 сентября Николай вновь посетил Курск, где открывался памятник Александру III. После торжественного освящения в присутствии представителей дворянства император проследовал в дом губернатора¹³¹. Улицы были украшены гирляндами из цветов и зелени, флагами, портретами императорской фамилии и т. п.¹³² У губернатора были собраны некоторые волостные старшины и сельские старости Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской губерний. В краткой речи император сказал им, что виновные в беспорядках в Харьковской и Полтавской губерниях понесут заслуженное наказание, а им следует помнить слова Александра III, сказанные при коронации в Москве волостным старшинам: «Слушайте ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам»¹³³. Он добавил: «Помните, что богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божиим. Передайте в точности, что я вам сказал, вашим односельчанам, а также и то, что действительные их нужды я не оставлю своим попечением». Царские слова произвели «глубокое впечатление в сердцах простых русских людей»¹³⁴. Вечером город вновь осветила праздничная иллюминация¹³⁵. Казалось, обстановка в стране оставалась под надежным контролем.

Заключение. Осень 1902 г. заканчивалась без изменений. Парадокс этого года, пожалуй, как раз и состоит в том, что основные проблемы Российской империи, и прежде всего крестьянский и рабочий вопросы, стали очевидны не только для революционеров, но и для многих представителей административного аппарата: информация о реальном состоянии дел доходила до самых верхов российской бюрократии, включая «хозяина Земли Русской» — императора. Но наличие проблем, какими бы острыми они ни были, не является признаком кризиса; он приходит, когда они игнорируются правительством или когда к решению приступают слишком поздно. В 1902 г. правительство привычно ответило на проявления недовольства силой и, какказалось, преуспело. Символично, что в этом году на маневрах под Курском ярко проявился и полководческий талант генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина¹³⁶. Уже в 1903 г. нерешенность рабочего, аграрного и национального вопросов

¹³⁰ Гурко В. И. Указ. соч. С. 278–279.

¹³¹ Дневники Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. М., 2011. С. 680.

¹³² Царские дни в Курске // Нива. 1902. № 37. С. 739.

¹³³ Курские маневры в Высочайшем присутствии // Правительственный вестник. 1902. 3 сентября. № 192. С. 1.

¹³⁴ Посещение г. Курска Государем Императором // Курские губернские ведомости. 1902. 3 сентября. № 189. С. 2.

¹³⁵ Пребывание Государя Императора в Курске // Курский листок. 1902. 4 сентября. № 96. С. 2.

¹³⁶ См.: Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев, 1903; Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Московская армия. М., 1903.; Соболев Л. Н. Куропаткинская стратегия. Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса. СПб., 1910.

(финляндская, армянская, еврейская проблемы), отсутствие диалога с либеральной общественностью привели к нарастанию социально-политической напряженности до критического уровня.

Литература

1. Айрапетов О. Р. Российская империя в конце XIX – начале XX в.: внешняя политика как фактор политики внутренней // Кризисы в сфере политики и государственного управления: междисциплинарный анализ / под ред. А. Ю. Полунова. М.: Аргамак-Медиа, 2016. С. 41–64.
2. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1991. 221 с.
3. Куяла А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // Русский сборник. Т. 17. Финляндия и Россия / отв. сост. тома А. Куяла. М.: Модест Колеров, 2015. 430 с.
4. Медведев С. В. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX века. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 424 с.
5. Овченко Ю. Ф. «Хмурый» полицейский. Карьера С. В. Зубатова // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 3–23.
6. Luntinen P. The Imperial Russian army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997. 486 с.

References

1. Airapetov O. R. Rossiiskaia imperiia v kontse XIX – nachale XX v.: vneshniaia politika kak faktor politiki vnutrennei [The Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries: foreign policy as a factor in domestic policy] // Krizisy v sfere politiki i gosudarstvennogo upravleniya: mezhdistsiplinarnyi analiz [Crises in politics and public administration: An interdisciplinary analysis] / edited by A. Y. Polunov. Moscow: Argamak-Media, 2016. P. 41–64. (In Russ.).
2. Ganelin R. Sh. Rossiiskoe samoderzhavie v 1905 godu. Reformy i revoliutsiiia [Russian autocracy in 1905. Reforms and revolution]. St. Petersburg: Nauka. Sankt-Peterburgskoe otdelenie, 1991. 221 p. (In Russ.).
3. Kuyala A. Krizis v russko-finskikh otnosheniakh (1899–1916) [The crisis in Russian-Finnish relations (1899–1916)] // Russkii sbornik. T. 17. Finliandiia i Rossiia [Russian collection. Vol. 17. Finland and Russia] / compiled by A. Kuyala. Moscow: Modest Kolerov, 2015. 430 p. (In Russ.).
4. Medvedev S. V. Eksperiment Zubatova. Legalizatsiia rabochego dvizheniia v pervye gody XX veka [Zubatov's experiment. Legalization of the labor movement in the early years of the 20th century]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniyu i nauke, 2018. 424 p. (In Russ.).
5. Ovchenko Yu. F. «Khmuryi» politseiskii. Kar'era S. V. Zubatova [The “gloomy” policeman. The career of S. V. Zubatov] // Voprosy istorii [History Issues]. 2009. № 5. P. 3–23. (In Russ.).
6. Luntinen P. The Imperial Russian army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997. 486 p.

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-74-87

Мироненко Мария Павловна

кандидат исторических наук

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

marmir53@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7046-8221

К ИСТОРИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «РУСССКИЙ АРХИВ» (1863–1912)

Аннотация. Статья посвящена недостаточно изученному в историографии и актуальному вопросу о финансировании периодических изданий в дореволюционной России, и в частности финансировании исторических журналов. Целью статьи является изучение вопроса об источниках финансирования «Русского архива», поскольку его издатель П. И. Бартенев начал выпускать журнал, будучи скромным библиотекарем Чертковской библиотеки и небогатым человеком. В статье рассматривается состояние сохранившегося редакционного архива, устанавливается его плохая сохранность и почти полное отсутствие финансово-организационных документов, поэтому основным источником по данному вопросу становится переписка П. И. Бартенева, сохранившаяся практически полностью. Она позволяет установить, что издание смогло осуществиться благодаря финансовой поддержке владельца Чертковской библиотеки Г. А. Черткова, продолжавшейся всего год. В 1864 г. в расходах участвовал собиратель Н. С. Киселев, а с 1865 г. Бартенев издавал журнал за свой счет, ценой больших усилий и жертв. Основным источником финансирования была подписка, но число подписчиков было невелико, не превышая 1 650. Часть средств на издание давала подготовка Бартеневым многотомного «Архива князя Воронцова», но и этого было далеко недостаточно: годовой расход на издание журнала превышал 10 тысяч рублей. Из переписки выясняется, что в конце 1880-х гг. Бартеневу пришлось обратиться за государственным пособием, и Александр III, читавший «Русский архив», назначил ему субсидию в 1 800 рублей в год сроком на пять лет. Впоследствии журнал продолжал получать субсидии от Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и по высочайшему повелению, но этих сумм не хватало даже на оплату типографии, поэтому ему не раз выделяли экстренные, «негласные» государственные выплаты, в том числе на покрытие долгов. «Русский архив», не вписавшийся в буржуазную издательскую практику, не приносил своему издателю дохода и требовал постоянных вложений. Однако, несмотря на то что «Русский архив» проигрывал возникшим позже историческим журналам в количестве подписчиков и в прибыли, П. И. Бартенев твердо держался избранной им линии публикации исторических документов, не развлекая читателя исторической беллетристикой, и гордился тем, что не изменил своим принципам ради «барыша и наживы».

Ключевые слова: исторический журнал «Русский архив», П. И. Бартенев, переписка, подписчики, финансирование, государственное пособие.

Для цитирования: Мироненко М. П. К истории финансирования исторического журнала «Русский архив» (1863–1912) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 74–87. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-74-87>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-74-87

Mironenko Maria P.

Candidate of Historical Sciences

Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

marmir53@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7046-8221

ON THE HISTORY OF FINANCING THE HISTORICAL JOURNAL “RUSSIAN ARCHIVE” (1863–1912)

Abstract. This article addresses a poorly studied and relevant historiographical issue concerning the financing of periodicals in pre-revolutionary Russia, particularly the financing of historical journals. The purpose of the article is to study the sources of funding for Russian Archive, since its publisher P. I. Bartenev began issuing the journal as a modest librarian of the Chertkov Library and a man of limited means. The article examines the condition of the surviving editorial archive, noting its poor preservation and near-complete absence of financial and organizational documents. Therefore, the main source on this matter is the nearly complete correspondence of P. I. Bartenev. It reveals that the publication was made possible thanks to financial support from the owner of the Chertkov Library, G. A. Chertkov, which lasted only one year. In 1864, collector N. S. Kiselev contributed to expenses, and from 1865 Bartenev published the journal at his own expense, at great effort and sacrifice. The main source of funding was subscriptions, but the number of subscribers was small, not exceeding 1,650. Some funds came from Bartenev's preparation of the multi-volume Archive of Prince Vorontsov, but even this was insufficient — the annual cost of publishing the journal exceeded 10,000 rubles. Correspondence shows that in the late 1880s Bartenev had to apply for state aid, and Alexander III, who read Russian Archive, granted him a subsidy of 1,800 rubles per year for five years. Subsequently, the journal continued to receive subsidies from the Ministry of Public Education, the Ministry of Internal Affairs, and by the highest decree, but these amounts were not enough even to pay the printing house. Therefore, it repeatedly received emergency “secret” government payments, including to cover debts. Russian Archive, which did not fit into bourgeois publishing practice, did not generate income for its publisher and required constant investment. However, despite losing subscribers and profits to later historical journals, P. I. Bartenev firmly adhered to his chosen line of publishing historical documents without entertaining

readers with historical fiction, and he was proud not to have compromised his principles for “profit and gain.”

Keywords: historical journal “Russian Archive”, P. I. Bartenev, correspondence, subscribers, financing, state subsidy.

For citation: Mironenko M. P. On the history of financing the historical journal “Russian Archive” (1863–1912) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 74–87. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-74-87>

Введение. Издание одним человеком на протяжении пятидесяти лет первого русского исторического журнала, предназначенного и для учебных, и для любителей истории, является удивительным и значимым явлением отечественной науки и культуры. На страницах «Русского архива» была опубликована значительная доля источников по истории России XVIII–XIX вв., увидевших свет до 1917 г. Прослеживая историю издания этого журнала, необходимо исследовать не только собирание П. И. Бартеневым исторических документов для публикации, поиск им авторов статей, редактирование и отношения с цензурой (а также неизбежную самоцензуру), но и один из главных вопросов любого издателя — источники финансирования журнала.

Однако для исследователя, изучающего историю издания журнала «Русский архив» на основе архивных документов, работа осложнена плохой сохранностью такого источника первостепенной важности, как редакционный архив. Реконструируя состав редакционного архива в том виде, в каком он должен был постепенно сложиться в течение долгой и посвященной одному делу жизни П. И. Бартенева, мы вправе предположить, что архив должен был включать в себя опубликованные и неопубликованные рукописи из портфеля редакции, переписку Бартенева, связанную с изданием журнала, организационную и финансовую документацию, в том числе договоры и расчеты с авторами статей и воспоминаний, владельцами публиковавшихся документов, с типографиями, а также материалы, касающиеся подписки и распространения журнала. В случае с таким моножурналом, как «Русский архив», издававшимся единолично одним издателем и редактором, редакционный архив мог полностью совпадать с его личным архивом. Но это не так.

Ход и результаты исследования. Изучение дошедших до нас архивных материалов Бартенева показывает, что редакционный архив в таком цельном виде не сохранился в обширном личном фонде Бартенева в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) хранится фонд, получивший при описании название «Редакция журнала “Русский архив”» (Ф. 368). Он содержит около двух тысяч документов, писем, дневников и других историко-литературных материалов, но в своей основной части состоит из рукописей, присланных в «Русский архив» и собранных Бартеневым

для издания в журнале. В этом фонде сохранилось и некоторое количество делопроизводственных документов за 1864–1917 гг.: счета из Московской синодальной типографии на оплату набора, верстки, корректуры и печати за 1911–1912 гг.; квитанции из Московского почтамта о рассылке «Русского архива» подписчикам, их расписки о получении номеров журнала. Часть редакционных материалов «Русского архива» сохранилась в другом фонде ОПИ ГИМ — фонде Чертковых (Ф. 445). Она также состоит из рукописей, предназначавшихся для публикации и хранившихся в редакционном портфеле: в частности, это три больших конволюта с названием «Рукописи “Русского архива”» (1865–1871), содержащие копии исторических материалов, в том числе писем Настасьи Минкиной к А. А. Аракчееву 1816–1819 гг., писем А. С. Пушкина к А. Н. Вульфу (1825–1829), письмо участника Кавказской войны гр. А. В. Орлова-Давыдова родителям 1859 г. «о взятии Шамиля» и др., — всего более 450 документов, лишь половина из которых была опубликована в «Русском архиве». Таким образом, почти 95 процентов всех материалов из сохранившегося редакционного архива «представляют собой рукописи, документы и письма, которые в течение полувека собирались П. И. Бартеневым для своего журнала или же были при сланы в редакцию «Русского архива» для публикации», — писал досконально изучивший эти материалы сотрудник ОПИ ГИМ А. К. Афанасьев¹. Но кроме отдельных вышеуказанных документов, в основном поздних, больше никаких финансовых документов об издании журнала в этих материалах редакционного архива не имеется. Нет их и в огромном по объему фонде П. И. Бартенева в РГАЛИ, за исключением соглашения П. И. Бартенева с Ф. Ф. Раисом 1867 г. об условиях печатания «Русского архива» в типографии Раиса². Не сохранились финансовые документы журнала, договоры редакции с авторами, с типографиями и в небольших по объему архивных фондах П. И. Бартенева в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и в рукописном отделе Пушкинского Дома.

Таким образом, мы почти не располагаем организационно-финансовой документацией журнала «Русского архив». По некоторым признакам можно предположить, что делопроизводство велось Бартеневым архаично и он не придавал ему большого значения. Известный адвокат А. И. Урусов, ведший его тяжбу с одним из авторов, писал ему, обнаружив отсутствие письменных расписок: «Наперед заведите книги или вклейвайте расписки. Вернее будет»³. Тем не менее подобных книг в архиве Бартенева не появилось или же они не сохранились. Сохранилось письмо от И. Н. Захарына к Ю. П. Бартеневу 1891 г., в котором автор статьи «Зимний поход в Хиву в 1839 году» жалуется, что по условию с П. И. Бартеневым должен был получить гонорар 200 рублей, 25 оттисков

¹ Афанасьев А. К. Наследие П. И. Бартенева в Историческом музее: новые материалы, письма, рукописи. М., 2016. С. 124.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 8. Д. 4.

³ Там же. Оп. 1. Д. 562. Л. 198.

и еще на 100 рублей недостающих у него книг «Русского архива», однако не получил ни оттисков, ни книг⁴. Видимо, договор по-прежнему был устным.

Возможно также, что отсутствие расписок за гонорары авторам и владельцам предоставленных материалов отчасти объяснялось своеобразным отношением Бартенева к этой статье расходов. К тому времени, когда «Русский архив» приобрел устойчивую популярность и публиковаться в нем стало почетно, Бартенев, по рассказу М. А. Цявловского (трудно сказать, насколько точному), неохотно платил гонорары или даже не платил их совсем⁵. Бартенев имел также обыкновение расплачиваться с некоторыми авторами автографами известных людей. «За статью о Тургеневе Петр Иванович назначил мне сто рублей, но я предпочел получить половину этой суммы; в счет другой половины Бартенев уступил мне четыре письма Гоголя к цензору Сербиновичу», — вспоминал Б. А. Садовской⁶, а за другую понравившуюся ему статью он вручил Садовскому листок с отрезанными от автографа поэмы Пушкина «Русалка» строками. Но такие обычай издателя относились уже к позднему периоду существования «Русского архива».

Надо также отметить, что в сохранившейся части архива редакции присутствует лишь небольшая часть опубликованных в «Русском архиве» рукописей, а ведь их было настояще множество. Во времена Бартенева не было повсеместно принято возвращать авторам и владельцам присланные ими рукописи (чаще копии исторических документов, но были и оригиналы) и они должны были остаться в архиве издателя или в редакционном архиве. К тому же, по воспоминаниям М. А. Цявловского о П. И. Бартеневе, было хорошо известно: «то, что к нему попало, обратно получить нелегко»⁷. Часто бывало, что рукописи лежали годами в портфеле редакции и дожидались удобного для напечатания момента, а некоторые так его и не дождались. А ведь для следующих поколений историков рукописи опубликованных произведений и исторических документов были бы крайне ценные: они могли бы пролить свет на историю подготовки их Бартеневым к печати (в частности, полноту или неполноту публикации, купюры, редакционную правку). Археограф такого масштаба, как П. И. Бартенев, всю жизнь посвятивший разысканию, собиранию и публикации документов прошлого, не мог пренебречь сохранением источников своих публикаций. Но по какой-то причине они дошли до нас лишь в ограниченном числе.

В то же время другой важнейший источник — переписка П. И. Бартенева, посвященная изданию «Русского архива», — до нас дошел в полном объеме. Значение частного письма как ценнейшего исторического источника было впервые полностью оценено в русской науке едва ли не усилиями самого

⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 368. Оп. 1. Д. 1. Л. 67–68 об.

⁵ Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. [Дневники. Статьи, 1928–1965]. М., 2000. С. 54.

⁶ Садовской Борис. Записки // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 1994. Т. 1. С. 163.

⁷ Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Указ. соч. С. 54.

Бартенева, и эта оценка сказалась в той тщательности, с которой он сохранял все полученные им письма, составляющие более 50 томов.

Почему же так произошло? Нам придется обратиться к судьбе архива Бартенева. В общих чертах она такова: после смерти в 1912 г. П. И. Бартенева, несмотря на высказанное им последовательно в трех завещаниях желание передать журнал сыну, музыканту и историку Московского Кремля Сергею Петровичу, против этого выступили вдова и дочери П. И. Бартенева. В 1913 г. между наследниками началось судебное разбирательство, и суд решил дело в пользу внука от другого сына, Петра Юрьевича Бартенева⁸, которому в тот момент было всего 20 лет. У него и оставалась до самой революции основная часть редакционного архива, перевезенная им в его квартиру в Денежном переулке⁹, однако не вся, часть архива и библиотека находились у других наследников. Судьба П. Ю. Бартенева точно неизвестна, в книге правнучки П. И. Бартенева Н. П. Ахметьевой о своем прадеде, его предках и потомках сообщается, что в 1918 г. Петру Юрьевичу пришлось бежать из дома и скрыться навсегда из-за преследования его большевиками. Она также приводит отрывок из воспоминаний М. А. Цявловского: «В годы революции в качестве монархиста он [П. Ю. Бартенев] подвергся очень большому числу обысков, вероятно, был арестован не раз и в конце концов был не то убит, не то расстрелян где-то на юге»¹⁰. После 1917 г. архив был разделен. Часть его, а именно 50 томов переплетенных погодно писем разных лиц к П. И. Бартеневу оказалась у юриста Леонтия Ивановича Радченко, в первые годы советской власти работавшего в различных издательствах, а также в Центросоюзе, а затем в Институте Ленина. Он приобрел эти тома, хранившиеся в сделанных для них специальных шкафах у дочери П. И. Бартенева Надежды Петровны (за муку, как пишет Н. П. Ахметьева¹¹). Радченко умер в 1929 г., а в 1933 г. В. Д. Бонч-Бруевич приобрел эти 50 томов у его вдовы Елизаветы Ивановны для только что созданного тогда Государственного литературного музея, причем по приказу наркома просвещения А. С. Бубнова заплатил за них 10 тысяч рублей¹². В сохранившейся в отделе рукописей РГБ документации, связанной с этим приобретением, имеется биографическая справка о Л. И. Радченко, на которой самим Бонч-Бруевичем приписано: «Он в годы начала революции приобрел 50 томов писем П. И. Бартенева и тем спас их от уничтожения, сохранив до наших дней»¹³. К этому времени в Государственный литературный

⁸ Сидорова-Бартенева С. С. «Мой дед П. И. Бартенев в моих воспоминаниях» // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 9. Ед. хр. 80. Л. 86–95.

⁹ Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ Цит. по: Ахметьева Н. П., Ахметьев М. А. Издатель журнала «Русский архив» Петр Иванович Бартенев и его предки и потомки // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. VIII. Липецк, 2010. С. 114.

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 369. К. 195. Ед. хр. 16. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 3.

музей уже поступила и другая часть архива П. И. Бартенева, приобретенная у семьи С. П. Бартенева¹⁴, с которым В. Д. Бонч-Бруевич был близко знаком. В последующие годы от этой семьи и от дочери Ю. П. Бартенева И. Ю. Житковой в Гослитмузей поступили и все оставшиеся еще у них материалы, в том числе еще несколько томов писем. В результате и сложился хранящийся теперь в РГАЛИ личный архивный фонд П. И. Бартенева. Кроме переписки, в него входит небольшое число документов из архива журнала: материалы 1866 г. об освобождении журнала от предварительной цензуры, разрозненные письма по делам журнала из Московского цензурного комитета, Главного управления по делам печати, Московской городской управы и, наконец, некоторые присланые в журнал рукописи. Остальная часть фонда Бартенева представляет собой чисто личный его архив: рукописи его сочинений, записные книжки, дневники и воспоминания, биографические документы, в том числе его завещания, фотографии. Входит в него также большая коллекция собранных Бартеневым исторических документов.

Состав сохранившихся материалов «Русского архива» объясняет, почему такое первостепенное значение как источник по истории его издания приобретает редакционная переписка Бартенева, сохранившаяся, по-видимому, полностью в этих томах. Трудно найти такую сторону жизни и деятельности П. И. Бартенева и одновременно истории его журнала, которая не была бы отражена в его переписке. Хронологическое расположение писем в томах вскрывает последовательную историю журнала, складывание и изменение круга его корреспондентов. Письма показывают историю отдельных публикаций: происхождение документов, пути их разыскания П. И. Бартеневым, условия, ставившиеся их владельцами, цензурные трудности и частично организационно-финансовые вопросы — переговоры с типографиями, расчеты с авторами и владельцами предоставляемых документов. Они явились основным источником при написании данной статьи.

В 1858 г. П. И. Бартенев покинул государственную службу (он называл ее коронной) в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (МГАМИД), где он служил с 1854 г. и где дошел до должности столоначальника, и перешел на службу в Чертковскую библиотеку. Чертковская библиотека, открытая Г. А. Чертковым в Москве на Мясницкой улице на основе собрания книг и рукописей его отца А. Д. Черткова, была в середине XIX в. самым крупным в мире частным собранием книг по истории России и славян. В 1863 г. владелец открыл ее для всеобщего пользования и она стала первой в стране общедоступной и бесплатной библиотекой. П. И. Бартенев занял в Чертковской библиотеке должность библиотекаря (заведующего библиотекой), и в его обязанности входило комплектование, описание и систематизация книг и рукописей, составление и ведение инвентарного, топографического,

¹⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 369. К. 195. Ед. хр. 16. Л. 1.

алфавитного и предметного каталогов и картотеки новых поступлений, а также продолжение библиографической работы и обеспечение условий для читателей — посетителей библиотеки¹⁵. При этом его жалованье было очень невелико. П. И. Бартенев вспоминал в конце жизни, что «жалования по заведыванию Чертковскою библиотекою было так мало на прожиток, а дети рождались ежегодно. Соболевский говорил про меня; что ни год, то ребенок и книга»¹⁶. Чтобы сводить концы с концами, Бартеневу, уже не один год издателю «Русского архива», приходилось давать частные уроки истории, литературы и русского языка, для чего нужно было много бегать по городу. Еще в 1866 г. он писал Г. А. Черткову: «...в прошлом году меня отягощали уроки, которые надеюсь избыть в нынешнем»¹⁷.

И вот при этой занятости и полной вовлеченности в дела Чертковской библиотеки П. И. Бартенев решил издавать исторический журнал. Идея создания специального журнала для публикации исторических документов была близка П. И. Бартеневу с юности. Как он любил говорить, «издание возникло и велось в память и по мысли А. С. Хомякова», с которым он был близок с юности, входя в состав редакции издававшегося Хомяковым славянофильского журнала «Русская беседа» (1857–1858). Именно в молодом Бартеневе «по его глубокой любви к родной старине и усердии в занятиях ею» А. С. Хомяков видел издателя популярного исторического журнала. Работая в Чертковской библиотеке, Бартенев начал публиковать некоторые хранившиеся в ней интересные материалы в различных повременных изданиях, и это должно было укрепить его в мысли о собственном публикаторском издании. Но он не располагал средствами для этого, и осуществить его мечту помогло предложение Г. А. Черткова об издании такого журнала при Чертковской библиотеке. 27 июля 1866 г. Бартенев писал Черткову: «Мысль об издании такого сборника — Ваша, и я с признательностью вспоминаю о том»¹⁸. В начале 1863 г. при Чертковской библиотеке начал издаваться «Русский архив». На первой странице значилось: ««Русский архив». Историко-литературный сборник. Издан при Чертковской библиотеке». Бартенев не любил слова «журнал», а себя не считал журналистом, и в первые годы называл свое издание сборником, а первоначальное прошение на него подавал как на «библиографическую газету»¹⁹. Первый номер открывался статьей Бартенева «А. Д. Чертков и его библиотека» с общей предметной росписью Чертковской библиотеки. Редакция, состоявшая единолично из издателя и редактора Бартенева, занимала в библиотеке «угол на лестнице», как писал сам Бартенев.

¹⁵ Афанасьев А. К. Указ. соч. С. 18.

¹⁶ Воспоминания П. И. Бартенева // Российский архив. М., 1991. Вып. 1. С. 93.

¹⁷ Письмо П. И. Бартенева к Г. А. Черткову 26 августа 1866 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 12.

¹⁸ Там же. Л. 9 об.

¹⁹ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 31. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

Но на деньги Черткова «Русский архив» издавался только первый год. Затем денежная поддержка Чертковым журнала прекратилась. Как предположил А. К. Афанасьев, Г. А. Черткову, возможно, не понравилось изменение профиля издания с заявленной «библиографической газеты» на журнал, посвященный публикации историко-литературных и чисто исторических материалов²⁰. Уже 23 сентября 1864 г. Бартенев писал историку П. П. Пекарскому: «Многие думают, что “Архив” (как гласит первая страница) печатается на счет Черткова. Отнюдь нет. Чертков дает на библиотеку определенные деньги, которые все идут на библиотечные же расходы. “Архив” издается на мои средства»²¹. Подписчиков в это время было еще мало, поддерживать его финансово было трудно, и Бартенев начал думать о прекращении издания²². К счастью, в это время свое сотрудничество и участие в расходах ему предложил известный собиратель и издатель исторических документов Н. С. Киселев, и это спасло журнал. В конце 1865 г. Н. С. Киселев отказался от соредакторства и уехал за границу. С тех пор Бартенев издавал журнал за собственный счет. «С отъездом Киселева в чужие края я вынес “Архив” на своих плечах», — писал он²³. Средства для этого доставались скромному библиотекарю, обремененному многочисленной семьей, ценой больших усилий и жертв. Впоследствии финансовое положение семьи Бартеневых несколько улучшилось, небольшой доход приносило имение Лысые Горы, купленное в 1868 г.; позднее Бартенев даже активно участвовал в различных акционерных обществах²⁴.

Для выяснения финансовой истории издания «Русского архива» важно прежде всего установить число подписчиков, поскольку плата за подписку в первые десятилетия была единственным источником финансирования журнала. В первые годы подписка на «Русский архив» шла тугу. В феврале 1863 г. у журнала было всего 38 подписчиков, в апреле — 60²⁵, к концу года их стало 280 (впоследствии Бартенев вспоминал о 300 экземплярах в первый год издания²⁶), и в следующем году дела улучшились ненамного. «Подожду до конца октября, — писал Бартенев П. П. Пекарскому 23 сентября 1864 г., — если не усилится подписка, надо прекратить издание, ибо оно не окупается»²⁷. Однако богатство и разнообразие содержания журнала постепенно сделали свое дело, и число подписчиков начало расти. В 1865 г. их было уже 982; в 1869 г. Бартенев отмечал: «Высшая цифра денежных моих подписчиков

²⁰ Афанасьев А. К. Указ. соч. С. 20.

²¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 568. Д. 163.

²² Письмо П. И. Бартенева к Г. А. Черткову 30 марта 1873 г. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 32.

²³ Там же.

²⁴ Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 47.

²⁵ Письмо П. И. Бартенева М. Ф. Де Пуле (апрель 1863 г.) // Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 569. Д. 134. Л. 16.

²⁶ Письмо П. И. Бартенева Г. А. Черткову 28 апреля 1873 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 33.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 568. Д. 163.

доселе не превышала 1650»²⁸. Итак, за шесть лет круг подписчиков журнала расширился в 6 раз. В последующие годы, однако, их число начало медленно, но неуклонно сокращаться. В 1870–1890-х гг. оно колебалось от 1 000 до 1 200. В XX в. число подписчиков равнялось примерно 600, а печатался журнал в количестве 700–800 экземпляров²⁹. Тираж же, всегда превышавший число подписчиков, мог относительно меняться. В первое десятилетие издания журнала он превышал число подписчиков примерно вдвое, в дальнейшем тираж стал ненамного больше числа подписчиков (в 1887 г. 1 200 подписчиков, тираж — 1 600 экземпляров)³⁰.

Первый год издания журнала не принес Черткову прибыли, а только окупил издержки. В 1866 г. Бартенев писал Г. А. Черткову: «Исправно ли доходит к вам “Русский Архив”? Он теперь не только окупаётся, но дает мне небольшой доход, по пословице: капля камень долбит; с 38 подписчиков в феврале 1863 г. дошло до 850-ти»³¹. Тем не менее сколько-нибудь значительного дохода журнал не приносил никогда. И в лучшие времена годовой доход иногда равнялся десяти рублям серебром, а с уменьшением числа подписчиков журнал требовал все большего вложения личных средств. Существенные средства на издание «Русского архива» давало Бартеневу издание многотомной публикации «Архив князя Воронцова» в 40 томах (1870–1895). Он получал за нее в течение двадцати пяти лет 5 тысяч руб. в год, которые полностью шли на издание «Русского архива»³². Этой суммы тоже было далеко недостаточно: расход на «Русский архив» достигал более 10 тысяч рублей в год.

К концу 1880-х гг. издательские расходы стали непосильны для Бартенева, и в 1887 г. в беседе с министром внутренних дел Д. А. Толстым он заявил о намерении прекратить издание из-за отсутствия средств. После этого Бартенев впервые получил правительенную субсидию для издания «Русского архива»: Александр III, который сам читал «Русский архив» и даже предоставлял ему изредка документы для публикации (в частности, письма В. А. Жуковского к Александру II), назначил ему субсидию в 1 800 рублей в год сроком на пять лет³³. Сумма эта была крайне мала для нужд журнала. Как заметил тогда Бартенев, денег, полученных им, «едва ли хватит на бумагу»³⁴. В тех случаях, когда правительство было действительно заинтересовано в том или ином печатном издании, субсидии были совсем иного масштаба. Достаточно

²⁸ Письмо П. И. Бартенева М. Ф. де Пуле (апрель 1869) // РО ИРЛИ. Ф. 569. Д. 135. Л. 12.

²⁹ Письмо П. И. Бартенева К. А. Губастову 12 октября 1906 г. // РО ИРЛИ. Ф. 463. Д. 4. Л. 37; Письмо П. И. Бартенева А. С. Суворину 25 июня 1910 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 256. Л. 26.

³⁰ Письмо П. И. Бартенева М. Н. Каткову 23 марта 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 1. Д. 28. Л. 5. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 9 об.

³² Прошение П. И. Бартенева министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру [1902] // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 594. Л. 458–458 об.

³³ Письмо П. И. Бартенева П. А. Ефремову 25 мая 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 65. Л. 47–47 об.

³⁴ Там же.

вспомнить, что в том же году издатель крайне консервативной газеты «Гражданин» князь В. П. Мещерский получил от казны 108 000 рублей³⁵. Впоследствии журнал неоднократно получал государственные пособия (от Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, по высочайшему повелению), однако, как писал Бартенев в 1907 г., они не покрывали «и плату в типографию»³⁶.

В 1892 и 1893 гг. Бартенев обращался в Министерство народного просвещения за пособием в 400 рублей для издания предметной росписи журнала за 30 лет и получил его. В 1898–1902 гг. пособие для «Русского архива» было вновь выдано в сумме 1 800 рублей³⁷, причем «государь император таковое мнение Государственного совета в день 12 сего мая Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить»³⁸.

В 1902 г. Бартенев обратился с просьбой о продлении пособия в Министерство народного просвещения. Вскоре в этом ведомстве сменился министр, и Бартенев счел нужным написать прошение также вновь назначенному министру Г. Э. Зенгеру. К письму он приложил на этот раз справку, названную им «Заметка о денежных обстоятельствах “Русского архива”»³⁹. В ней он указал тираж (1 300 экземпляров), количество подписчиков (980) и свои расходы на издание, куда входили печать и бумага, стоимость пересылки, канцелярские расходы и оплата появившейся в начале XX в. конторы и секретаря редакции. Еще одной важной графой расходов была плата за статьи и сообщаемые исторические документы, она была невелика и равна сумме канцелярских расходов — 1 500 рублей. В итоге справки значилась цифра истраченных денег в 8 692 рубля. Чиновники министерства, подсчитав статьи расхода, получили совсем другую сумму (10 042 рублей) и в ответном письме попросили издателя разъяснить, где он ошибся — в отдельных статьях или в итоговой цифре. Личные расходы Бартенева на «Русский архив» оказались занижены в этой справке на 1 400 рублей, в чем он, безусловно, совершенно не был заинтересован. Даже если эту справку готовил не он сам, а секретарь, это показывает неискушенность Бартенева в ведении финансовой документации и состояние этой документации в редакции журнала. На этот раз Бартенев попросил увеличить пособие до 3 000 рублей. Эта просьба была поддержана не только предыдущим министром народного просвещения П. С. Ванновским, но и министром финансов С. Ю. Витте, а также состоялось решение Государственного совета на этот счет. «Государь император таковое мнение Государственного совета в 6 день сего января высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить», — сообщал Бартеневу товарищ министра народного просвещения С. Лукьянов 16 января 1903 г.⁴⁰ Это пособие выплачивалось с 1903 до 1907 г.

³⁵ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 214.

³⁶ Письмо П. И. Бартенева К. А. Губастову 28 июня 1907 г. // РО ИРЛИ. Ф. 463. Д. 4. Л. 41.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 589. Л. 84.

³⁸ Там же. Л. 221–221 об.

³⁹ Там же. Д. 594. Л. 459.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 595. Л. 13–13 об.

Поскольку было очевидно, что выдаваемые пособия невелики, Бартеневу кроме них не раз выдавались «негласные суммы» в помощь изданию журнала. «В 1900 году Министерством внутренних дел было выдано Бартеневу “из негласных сумм” 1200 рублей, а с 1909 года Николай II выдавал ему по 1500 рублей ежегодно, помимо получения им такой же суммы от Министерства народного просвещения; в 1912 году Бартеневу была предоставлена сумма в 5 тысяч рублей “на расплату с долгами”», как установил исследователь истории «Русского архива» А. Д. Зайцев⁴¹.

В 1907 г. Бартенев так поздно подал в Министерство народного просвещения прошение о продолжении ему пособия на издание «Русского архива», что составление сметы на 1908 г. было уже закончено, и пришлось министру П. М. Кауфману исхитряться и изыскивать средства на это пособие из остатков сметы, о чем он докладывал одному из великих князей⁴². К этому времени Бартеневу исполнилось уже 78 лет, и, видимо, ему уже трудно было вести все организационные дела по «Русскому архиву». Ведь он в течение 50 лет один вел работу, которую обычно исполняет целый редакторский коллектив: не только разыскивал исторические материалы и документы для публикации, но и сам копировал сотни страниц рукописей в архивах, готовил их к печати, снабжая собственными примечаниями с краткой подписью «П. Б.», редактировал статьи, сам держал всю корректуру, писал рецензии и некрологи, вел дела с типографиями и книготорговцами. А в первые десять лет, вплоть до 1873 г., Бартенев продолжал работать в Чертковской библиотеке, где его обязанности не уменьшились, а затем готовил ее к передаче Московской городской думе и на временное хранение в Румянцевский музей. «Я издаю “Архив”, — писал он П. А. Вяземскому в 1869 г., — а между тем, главное мое занятие — библиотека и ежедневное в ней дежурство, за которое получаю мое пропитание и от которого отказаться нельзя»⁴³. В первые двадцать лет издания из-за недостатка средств в нем не было даже технического секретаря. «Только слава, что редакция, журнал, а я один, и не из чего иметь секретаря», — писал он П. А. Вяземскому в 1869 г.⁴⁴ Секретари появились в «Русском архиве» лишь в 1880-х гг. Они занимались в основном регистрацией подписчиков, рассылкой, составлением указателей. Исключением явился В. Я. Брюсов, бывший в 1899–1902 гг. секретарем редакции, но фактически являвшийся помощником редактора. В его обязанности входили не только контакты с типографиями и книгопродавцами, но и чтение корректуры и деловая переписка по изданию. Его заработка плата за эту, по выражению Брюсова, «скорее приятную, чем обременительную работу» составляла 50 рублей⁴⁵.

⁴¹ Зайцев А. Д. Указ. соч. С. 46–47.

⁴² РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 599. Л. 343.

⁴³ Там же. Д. 1407. Л. 88 об.

⁴⁴ РО ИРЛИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 70.

⁴⁵ Цит. по: Ахметьев Н. П., Ахметьев М. А. Указ. соч. С. 108.

Заключение. Изучение истории финансирования «Русского архива» показывает, что журнал, целиком посвященный публикации исторических документов и относительно небольшого количества статей той же тематики, чей издатель был далек от сложившихся к концу XIX в. капиталистических методов издательского дела и ведший дела своего журнала архаично, по старинке, не мог существовать без государственной поддержки. В начале XX в. популярность журнала сильно упала. 6 августа 1906 г. Бартенев сообщал В. Я. Брюсову, что ««Русский архив» в нынешнем году опустился до 600 подписчиков, т. е. издается в убыток»⁴⁶. По свидетельству Брюсова, журнал в последние годы «не приносил своему издателю ничего, скорее требовал от него материальных жертв»⁴⁷. Нельзя не отметить, что второй исторический журнал — «Русская старина», — начавший издаваться в 1870 г., быстро завоевал гораздо большую популярность. Уже на второй год издания он имел 3 500 подписчиков, а в иные годы их число доходило до 6 000⁴⁸. Журнал «Исторический вестник», начавший издаваться в 1880 г., уже через пять лет перестал быть убыточным, а в 1890 г. начал приносить издателям прибыль, а число подписчиков к 1914 г. выросло до 13 тысяч. Это было коммерчески успешное предприятие, приносившее доход.

Что касается «Русского архива», то невысокое число его подписчиков и, соответственно, тираж в первые годы существования отчасти объясняются тем, что именно ему, как первому русскому публикаторскому журналу, доталась задача приучить читателя к самостоятельному и непосредственному знакомству с историческими документами. Позднейшие исторические журналы могли уже в какой-то степени воспользоваться плодами его деятельности. Может быть, на уменьшение популярности «Русского архива» в последующие годы повлияло усиление консерватизма его издателя, все менее отвечавшего запросам широких кругов образованного русского общества. Взгляды Бартенева с середины 1880-х гг. начали меняться от умеренного либерализма, когда он тайно ездил в Лондон к Герцену, где передал ему для публикации «Записки» Екатерины II, к консерватизму, никогда, однако, не сомкнувшись с официальным «охранительным» направлением. В то же время «Исторический вестник», носивший явно консервативно-монархический характер, быстро приобрел популярность у публики благодаря занимательности содержания, отказу от публикации необработанных документов, преобладанию исторической беллетристики. «Русский архив» же продолжал твердо держаться своей линии научно-публикаторского исторического журнала, несмотря на финансовые трудности. В конце XIX – начале XX в. между историческими журналами явно обострилась конкуренция в борьбе за читателя, причем вновь возникшие журналы «имели большие организационно-финансовые возможности выиграть

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 386. К. 76. Д. 12. Л. 14.

⁴⁷ Брюсов В. За моим окном. М., 1913. С. 58–59.

⁴⁸ Тимоцук В. В. М. И. Семевский, основатель исторического журнала «Русская старина»: Его жизнь и деятельность. 1837–1892. СПб., 1895. С. 128.

в этой конкуренции, так как издатели и редакторы этих журналов, в отличие от архаичной практики “Русского архива” перенесли в историческую периодику буржуазные деловые взаимоотношения между редакцией и сотрудниками»⁴⁹.

Несмотря на таких успешных в финансовом отношении конкурентов, Бартенев на своем опыте продолжал считать, что изданием исторического журнала «решительно не стоит заниматься... <...> в денежном отношении»⁵⁰. Он писал Н. П. Барсукову: «Этого рода изданиями следовало бы заниматься меценатам, а не нашему брату, который коль скоро не съездит на уроки, то и концов не сведет к последним числам месяца»⁵¹. Предприняв издание в научных и просветительских целях, Бартенев «гордился тем, что не изменил своему принципу в угоду барыша и наживы»⁵².

Литература

1. Афанасьев А. К. Наследие П. И. Бартенева в Историческом музее: новые материалы, письма, рукописи. М.: Новый хронограф, 2016. 713 с.
2. Ахметьева Н. П., Ахметьев М. А. Издатель журнала «Русский архив» Петр Иванович Бартенев и его предки и потомки // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. VIII. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2010. 223 с.
3. Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев. М: Московский рабочий, 1989. 172 с.

References

1. Afanasyev A. K. Nasledie P. I. Barteneva v Istoricheskem muzee: novye materialy, pis'ma, rukopisi [The legacy of P. I. Bartenev in the Historical Museum: New materials, letters, manuscripts]. Moscow: Novyi khronograf, 2016. 713 p. (In Russ.).
2. Akhmeteva N. P., Akhmetev M. A. Izdatel' zhurnala «Russkii arkhiv» Petr Ivanovich Bartenev i ego predki i potomki [Publisher of the magazine “Russian Archive” Petr Ivanovich Bartenev and his ancestors and descendants] // Zapiski Lipetskogo oblastnogo kraevedcheskogo obshchestva. Vyp. VIII. Lipetsk: Lipetskoe oblastnoe kraevedcheskoe obshchestvo, 2010. 223 p. (In Russ.).
3. Zaitsev A. D. Petr Ivanovich Bartenev [Petr Ivanovich Bartenev]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1989. 172 p. (In Russ.).

⁴⁹ Зайцев А. Д. Указ. соч. С. 102–103.

⁵⁰ Письмо П. И. Бартенева П. А. Ефремову 21 июня 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

⁵¹ Письмо П. И. Бартенева Н. П. Барсукову 18 января 1865 г. // РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 65. Л. 15.

⁵² Сидорова-Бартенева С. С. «Мой дед П. И. Бартенев в моих воспоминаниях» // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 61. Л. 37.

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-88-101

Стогов Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Санкт-Петербург, Россия

bel-grigorij@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7619-7642

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЭПОХИ НИКОЛАЯ II В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена актуальному сюжету современной отечественной историографии — проблеме взаимоотношения государства и Церкви в драматический период правления Николая II, в условиях нарастания кризисных явлений, приведших в итоге к уничтожению монархии. Цель исследования — проанализировать некоторые научные работы, посвященные этому сюжету. В статье, в частности, анализируется монография С. Л. Фирсова «Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России» (1996), в которой обращается внимание на факты, связанные с моральным разложением православного духовенства в предреволюционный период, с постепенным разрушением православной основы государства в целом. В статье отмечается, что проблема церковно-государственных отношений в России раскрыта в монографии М. А. Бабкина «Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.)» (2011), автор которой пришел к выводу, что в 1917 г. Святейший синод ничего не сделал для спасения монархии, а духовенство задолго до свержения царского режима сознательно стремилось добиться отдаления Церкви от государства. Автор статьи приходит к выводу о том, что недостатком работы М. А. Бабкина является поверхностное изучение проблемы «царства» в отличие от проблемы «священства», тогда как в бюрократическом аппарате Российской империи наблюдались противоречия, отчасти способствовавшие движению страны к революции. В статье делается общий вывод о том, что в современной отечественной историографии за редким исключением преобладают работы, характеризующие деятельность Церкви в положительном ключе. Государство рассматривается как бюрократическая машина, пытавшаяся зажать в тиски церковную иерархию. И, хотя авторы поставили важные вопросы, касающиеся противоречий между Церковью и государством в предреволюционный период, полноценно они так и не смогли на них ответить.

Ключевые слова: Российская империя, Русская православная церковь, государство, Николай II, Святейший синод, Февральская революция, Временное правительство, историография.

Для цитирования: Стогов Д. И. Церковно-государственные отношения эпохи Николая II в современной отечественной историографии // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 88–101. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-88-101>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-88-101

Stogov Dmitry I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Saint Petersburg Electrotechnical University

St. Petersburg, Russia

bel-grigorij@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7619-7642

CHURCH-STATE RELATIONS OF THE NICHOLAS II ERA IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article is devoted to an urgent topic of modern Russian historiography — the problem of the relationship between the state and the Church during the dramatic period of the reign of Nicholas II, in the context of the growing crisis phenomena that eventually led to the destruction of the monarchy. The purpose of the study is to analyze some scientific papers devoted to this subject. In particular, the article analyzes S. L. Firsov's monograph "The Orthodox Church and the State in the last decade of the existence of autocracy in Russia" (1996), which draws attention to the facts related to the moral decay of the Orthodox clergy in the pre-revolutionary period, with the gradual destruction of the Orthodox foundation of the state as a whole. The article notes that the problem of church-state relations in Russia is revealed in M. A. Babkin's monograph "The Priesthood and the Kingdom (Russia, early twentieth century – 1918)" (2011), the author of which concluded that in 1917. The Holy Synod did nothing to save the monarchy, and the clergy, long before the overthrow of the tsarist regime, deliberately sought to distance the Church from the state. The author of the article comes to the conclusion that the disadvantage of M. A. Babkin's work is the superficial study of the problem of the "kingdom" in contrast to the problem of the "priesthood", whereas contradictions were observed in the bureaucratic apparatus of the Russian Empire, which partly contributed to the country's movement towards revolution. The article draws a general conclusion that, with rare exceptions, modern Russian historiography is dominated by works that characterize the activities of the Church in a positive way. The state is seen as a bureaucratic machine that tried to clamp down on the church hierarchy. Although the authors raised important questions about the contradictions between Church and state in the pre-revolutionary period, they were never able to fully answer them.

Keywords: Russian Empire, Russian Orthodox Church, State, Nicholas II, Holy Synod, February Revolution, Provisional Government, historiography.

For citation: Stogov D. I. Church-state relations of the Nicholas II era in modern Russian historiography // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 88–101.
<https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-88-101>

Введение. История Русской православной церкви (далее — Церковь) как одного из важнейших социальных институтов Российской империи в последние десятилетия привлекает внимание исследователей. Для постсоветской историографии характерен пересмотр советских,

марксистских представлений о Церкви как о «коллективном феодале», о «пара-
тизме церковной экономики», о «разложении официального православия»¹.

В связи с тем, что прежние идеологические постулаты в духе научного атеизма рухнули, в последнее время появились новые концепции, пересматривающие роль Церкви как социального института. Еще в начале 1990-х гг. многие современные представления по вопросам взаимодействия Церкви и государства были озвучены в историко-публицистических трудах митрополита Иоанна (Сычева)² и впоследствии получили свое дальнейшее развитие в научных исследованиях. Большую роль в становлении современных концепций также сыграла эмигрантская историография. Ее достижения используют в том числе и современные российские историки. Фактически с 1990-х гг. начался новый этап в изучении истории Церкви.

Объектом данного исследования являются научные и отчасти публицистические труды отечественных авторов, в которых тем или иным образом затронуты сюжеты, связанные с проблемой церковно-государственных отношений в период царствования императора Николая II. Актуальность обращения к данному сюжету объясняется тем, что на протяжении всей истории России Церковь играла значительную роль в жизни российского общества, а характер складывавшихся в тот или иной период церковно-государственных отношений определял многие сферы жизни россиян.

Хронологические рамки исследования определены ее темой. Это современная отечественная историография, т. е. комплекс научных и публицистических трудов, вышедших в свет в период с начала 1990-х гг. (распад СССР и становление современной Российской Федерации) до наших дней. В статье анализируются современные труды, касающиеся, как это следует из темы исследования, периода правления последнего российского императора Николая II (1894–1917). Обращение именно к этому периоду также определяется в первую очередь актуальностью, поскольку правление Николая II — переломный этап отечественной истории, характеризующийся нарастанием кризисных явлений в политической и общественной жизни страны, приведших в итоге к круху Российской империи.

Ход и результаты исследования. В значительной части работ, посвященных церковной истории, содержится критика бюрократической системы управления Русской церковью, в том числе института обер-прокурора Святейшего синода. Церковная политика Николая II также подвергается критике. Подобного рода позиция была заложена еще в эмигрантской историографии, оказавшей определенное влияние на современную отечественную историографию изучаемой проблемы. Так, эмигрантский исследователь из Канады Д. В. Поспеловский писал о том, что «Царь оставался глух к голосу Церкви»³.

¹ Никольский Н. М. История русской церкви. Минск, 1990. С. 489.

² Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994 и др.

³ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 30.

Среди сюжетов, изучаемых в современной исторической науке, следует выделить проблему взаимоотношения государства и Церкви, в том числе в период правления Николая II. Этому сюжету посвящена статья А. А. Камаловой. Автор подчеркивает, что наблюдалась тенденция к огосударствлению Церкви, но взаимоотношения светской и церковной властей носили при этом противоречивый характер. В публикации отмечается, что Церковь оказалась затронутой «абсолютистской идеологией государства», что привело к развитию клерикализма как реакции на слишком сильное огосударствление Церкви⁴. В начале XX в. получил широкое распространение религиозный популизм, выразившийся, в частности, в гапоновщине. Однако, как утверждает автор, в силу того, что церковная структура была встроена в государственный механизм Российской империи, в 1917 г., после прихода к власти большевиков, Церковь в их сознании стала отождествляться с прежним режимом и подверглась гонениям⁵.

С. Л. Фирсов в монографии, посвященной взаимоотношениям Церкви и государства, обращает внимание на факты, связанные с моральным разложением православного духовенства в предреволюционный период, с постепенным разрушением православной основы государства в целом⁶. В работе писателя и историка С. В. Фомина говорится о полном равнодушии церковных иерархов к судьбе монархии, когда она уже находилась на волоске от гибели⁷. И, хотя авторы поставили важные вопросы, касающиеся противоречий между Церковью и государством в предреволюционный период, на наш взгляд, ответить на них полноценно они так и не смогли.

Проблема церковно-государственных отношений тем или иным образом затрагивается и в многочисленных научных трудах, посвященных русским правым (монархическим, в том числе черносотенным) организациям Российской империи начала XX в.⁸ Представители духовенства участвовали в деятельности

⁴ Камалова А. А. Взаимодействие государства и Русской православной церкви в дореволюционной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 62.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.

⁷ Фомин С. Россия без Царя // Серафим (Кузнецов), игумен. Православный Царь-Мученик. М., 1997. С. 688–689.

⁸ Омельянчук И. В. Монархические организации Москвы // Российская история. 2023. № 6. С. 72–84; Его же. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 123–138; Его же. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21; Его же. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006; Белоусова О. В. Граф С. Д. Шереметев и учреждение Комитета попечительства о русской иконописи // Российская история. 2023. № 4. С. 113–123; Иванов А. А. Культурная политика русских правых в начале XX в. // Российская история. 2023. № 6. С. 56–71; Его же. Правые политические движения России начала XX века: отношение к вооруженным силам // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 376–394; Его же. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4.

монархических организаций⁹ и даже были лидерами партий (например, священномученикprotoиерей Иоанн Восторгов возглавлял Русскую монархическую партию). Множество представителей духовенства посещали правые салоны и кружки. Например, епископ (впоследствии архиепископ) Феофан (Быстров) бывал на вечерах у графини С. С. Игнатьевой¹⁰, вдовы известного государственного деятеля графа А. П. Игнатьева. Таким образом, современные исследователи, приводя соответствующие факты, признают существование активного взаимодействия церковных структур с правоконсервативными политическими партиями самодержавной России.

Проблема церковно-государственных отношений в России весьма основательно раскрыта в вышедшей в 2011 г. монографии М. А. Бабкина, посвященной проблеме «священства» и «царства»¹¹. Концепция исследователя кардинальным образом отличается от традиционных представлений о роли Церкви в жизни Российской империи начала XX в. Считалось, что Церковь была по своей сути реакционной, представляла собой опору самодержавия. М. А. Бабкин изучил огромное количество источников, в том числе архивные материалы, и пришел к выводу, что в 1917 г. Святейший синод поддержал Временное правительство и ничего не сделал для спасения монархии. Духовенство задолго до свержения царского режима сознательно стремилось добиться отдаления Церкви от государства¹². Исследователь делает далеко идущее предположение о возможном наличии заговора среди духовенства с целью свержения царской власти¹³. Хотя такое утверждение требует доказательств, нельзя не согласиться с историком, что высшее православное духовенство ничего не сделало для того, чтобы «уменьшить среди православного населения накал революционных страстей»¹⁴. Недостатком работы представляется довольно поверхностное изучение проблемы «царства» в отличие от проблемы

⁹ С. 884–905; Чемакин А. А. Украинская «черная сотня»: Концепция К. К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа // Русин. 2021. № 63. С. 205–222 и др.

¹⁰ См., напр.: Иванов А. А., Ковалева Е. О. Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Волыни: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 2 (50). С. 46–64; Омельянчук И. В. Правые партии и православное духовенство в 1905–1914 гг. (на примере Владимирской губернии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 87. С. 23–39; Его же. Правые партии, власть и церковь в 1905–1914 гг. (на примере Владимирской губернии) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 2 (14). С. 15–31.

¹¹ Стогов Д. И. Правые салоны Петербурга-Петрограда и Г. Е. Распутин: проблема взаимоотношений // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2024. Т. 8. № 1. С. 213.

¹² Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011.

¹³ Там же. С. 593.

¹⁴ Там же. С. 258–267.

¹⁴ Бабкин М. А. Священство и Царство... С. 259.

«священства», так как и в бюрократическом аппарате Российской империи наблюдались противоречия, отчасти способствовавшие движению страны к революции.

Ряд работ современных историков посвящен известным иерархам Русской православной церкви. В них в той или иной мере также затронута проблема церковно-государственных отношений. Так, С. Л. Фирсов посвятил книгу жизни и деятельности митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова)¹⁵, в которой, используя многочисленные источники, раскрыл характер взаимоотношений митрополита с представителями высшей светской и церковной бюрократии, затронул вопрос о влиянии митрополита на императора и императрицу. Он пришел к выводу, что, хотя это влияние и имело место, однако оно было не столь значительным, как это обычно преподносилось в газетах последних предреволюционных лет¹⁶.

В книге А. А. Калмыкова, посвященной епископу Тобольскому Гермогену (Долганеву), рассмотрены аспекты взаимоотношений между епископом и представителями политической элиты страны, в том числе с лидерами и участниками правомонархических структур¹⁷. На наш взгляд, существенным недостатком книги является ее весьма слабая аналитическая составляющая и обилие огромных цитат, усложняющих восприятие прочитанного.

Значительное количество современных научных исследований посвящено благотворительной деятельности и другим социальным проектам Русской православной церкви. Так, А. В. Ключарева изучила благотворительную деятельность православных монастырей в период Первой мировой войны¹⁸. Она ввела в научный оборот некоторые документы из Государственного архива Тульской области и изучила материалы периодической печати 1914–1916 гг. В статье подчеркивается, что, несмотря на сложные условия (кризисные явления в жизни Церкви в начале XX в., в том числе связанные с необходимостью реформирования синодальной системы, а также реформирования самих основ жизни монастырей, финансовые трудности и др.), монашество горячо откликнулось на призывы государства оказывать помощь¹⁹. А. В. Ключарева подчеркивает, что, по ее мнению, можно говорить о своеобразной мобилизации церковных учреждений в условиях мировой войны, когда монашество (да и вообще Церковь в целом) активно и быстро включилось в работу

¹⁵ Фирсов С. Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М., 2011.

¹⁶ Там же. С. 175–176.

¹⁷ См.: Калмыков А. А. Страж недремлющий и верный: Жизнеописание священномученика Гермогена Тобольского. СПб., 2020. С. 476, 502, 503, 509, 510, 511, 517, 519, 560, 575, 607 и др.

¹⁸ Ключарева А. В. Благотворительная деятельность православных монастырей в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8-2 (14). С. 98–102.

¹⁹ Там же. С. 98.

по организации приютов, лазаретов, богаделен и других социальных учреждений, щедро жертвовало на помочь раненым, изыскивало средства для оказания этой помощи. Многие монашествующие принимали участие в благотворительной деятельности в качестве сестер милосердия и педагогов, обучавших детей-сирот, лишившихся родителей в ходе боевых действий²⁰.

В. Ю. Золотарева изучила благотворительность Русской церкви в Забайкалье в период с конца XIX до середины XX в.²¹ Автор ввела в научный оборот ряд документов Государственного архива Забайкальского края, дала характеристику благотворительной деятельности Церкви в контексте не только церковной политики, но и политики Российского государства в целом. Отмечая, что для изучаемого региона благотворительность стала традицией, В. Ю. Золотарева подчеркивает, что государство стремилось поставить под контроль различные сферы церковной деятельности, в том числе и благотворительную²².

Существуют также работы, посвященные дореволюционной историографии церковной благотворительности. Так, А. В. Власова, анализируя работы XIX – начала XX в., пришла к выводу, что их авторы пытались переосмыслить значение благотворительности в контексте учения Церкви, выделяли основные направления благотворительной деятельности, определяли этапы ее развития в России²³. Отмечается, что уже к середине XIX в. исследователи осознали, что церковная благотворительность постепенно вошла в круг государственных интересов²⁴, оставаясь там вплоть до революции 1917 г.

В последние годы опубликовано довольно большое количество научных и публицистических трудов, посвященных истории дореволюционного трезвеннического движения, которому покровительствовала Церковь, и истории борьбы с пьянством в дореволюционной России²⁵. Часть работ касается деятельности думских парламентариев по утверждению трезвости²⁶, деятельности

²⁰ Ключарева А. В. Благотворительная деятельность православных монастырей в годы Первой мировой войны ... С. 101.

²¹ Золотарева В. Ю. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в конце XIX – середине XX вв. (на примере Забайкалья) // Гуманитарный вектор. 2013. № 3 (35). С. 83–89.

²² Там же. С. 83.

²³ Власова А. В. Благотворительность Русской Православной церкви в исследовательской практике дореволюционного периода // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 138.

²⁴ Там же. С. 135.

²⁵ Акоева Н. Б. Борьба за народную трезвость в России: исторический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5-1. С. 13–17; Афанасьев А. Л. Общества трезвости в Тобольской губернии и Акмолинской области России (1890-е – начало 1910-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 31–37; Клевцова О. В. Вклад Церкви в организацию антиалкогольной политики в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Орловской епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. История и археология. 2019. № 1. С. 105–111 и др.

²⁶ Стогов Д. И. Думские законопроекты, направленные на борьбу с пьянством (1907–1916 гг.) // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней:

правых членов Государственной думы, направленной на борьбу с алкоголизмом²⁷, монархистов, боровшихся с пьянством в годы Первой мировой войны²⁸. В ряде трудов осуществлен анализ борьбы с алкоголизмом в годы Первой мировой войны²⁹.

Помимо перечисленных работ, необходимо особо выделить монографию томского исследователя А. Л. Афанасьева³⁰, который многие годы посвятил изучению дореволюционных обществ и братств трезвости, прежде всего церковных. Автор поставил себе задачу «дать очерк трезвенного движения в 1907–1914 гг., выявить его содержание, основные закономерности и значение для российского общества»³¹. На наш взгляд, с этой задачей А. Л. Афанасьев успешно справился. Ему удалось, используя огромное количество источников, многие из которых (прежде всего, документы фонда канцелярии Святейшего синода из Российского государственного исторического архива, а также материалы периодической печати) впервые введены автором в научный оборот, систематизировать разрозненные сведения о деятельности обществ и братств трезвости. Исследователь воссоздал картину, показывающую гигантский размах трезвеннической деятельности по всей дореволюционной России. Он изучил главным образом общества трезвости Приуральского, Северного, Северо-Западного, Прибалтийского регионов Российской империи. Некоторые лакуны, существующие в работе А. Л. Афанасьева, объясняются, прежде всего, отсутствием необходимых источников. Думается, что работу, которую успешно начал исследователь, нужно в ближайшее время продолжить. Она должна предполагать изучение обществ трезвости, существовавших в остальных регионах империи.

Отметим, что А. Л. Афанасьев дал свою периодизацию трезвенного движения³², которая, однако, является предметом научной дискуссии. В частности, несколько иная периодизация всего трезвеннического движения в царской России – СССР – современной России дана нами³³. Важный и абсолютно

сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / Российская национальная библиотека [и др.]; ред.-сост. А. И. Раздорский. СПб.; М., 2022. С. 675–683.

²⁷ Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / науч. ред. И. В. Алексеева. М.; СПб., 2013. С. 290–297.

²⁸ Иванов А. А. Русские правые и проблема народного пьянства (годы Первой мировой войны) // Актуальные вопросы истории: материалы Межвузовской науч. конференции (20 мая 2009 г.). Н. Новгород, 2009. С. 49–51.

²⁹ Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 153–168.

³⁰ Афанасьев А. Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества: монография. Томск, 2007.

³¹ Там же. С. 12.

³² Там же. С. 102–104.

³³ См.: «Борьба за трезвость в России: вчера, сегодня, завтра» // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность: информационно-аналитическая служба. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/08/borba_za_trezvost_v_rossii_vchera_segodnya_zavtra (дата обращения 20.06.2025).

бесспорный вывод А. Л. Афанасьева состоит в том, что успешное существование дореволюционного трезвеннического движения обусловливалось главным образом успешным соработничеством церковной и светской властей в царской России³⁴.

В работах А. Л. Афанасьева и других трудах по истории трезвости подчеркивается, что на решение императора ввести ограничительные меры по обороту алкоголя в начале Первой мировой войны оказали огромное влияние общества трезвости, большинство которых создавалось при церковных приходах. Таким образом, к началу XX в. сложилась уникальная система взаимодействия церковных институтов и государственной власти, приведшая к конкретным решениям (ограничительные антиалкогольные меры в итоге продержались до 1925 г., пережив не только монархию, но и Временное правительство).

Заключение. Современную историографию истории Церкви отличает разнообразие. В различных научных и учебных заведениях России систематически проводятся конференции, посвященные церковной истории³⁵. Введено в научный оборот множество исторических источников. Разнообразны и подходы к изучению истории Церкви. Единый подход при рассмотрении данного сюжета в настоящее время отсутствует, что определяется прежде всего идеологическим многообразием современной России. Тем не менее в основном преобладают работы, характеризующие деятельность Церкви в положительном ключе. Государство рассматривается как бюрократическая машина, пытавшаяся зажать в тиски церковную иерархию. Новаторской представляется монография М. А. Бабкина, в которой исследователь попытался по-своему объяснить причины пассивности иерархов Церкви в период Февральской революции. Однако проблема противоречий между Церковью и государством требует дальнейшего изучения. Вместе с тем современные историки сходятся во мнении о том, что по ряду вопросов (например, благотворительность) государству и Церкви удалось наладить тесное и плодотворное взаимодействие.

Литература

1. Акоева Н. Б. Борьба за народную трезвость в России: исторический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5-1. С. 13–17. <https://doi.org/10.17748/2075-9908.2015.7.5.013-017>
2. Афанасьев А. Л. Общества трезвости в Тобольской губернии и Акмолинской области России (1890-е – начало 1910-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 31–37.
3. Афанасьев А. Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества: монография. Томск: ТУСУР, 2007. 195 с.

³⁴ Афанасьев А. Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. С. 100.

³⁵ Отметим, например, ежегодную международную конференцию «Государство, общество, церковь в истории России XX века», которую организует Ивановский государственный университет.

4. Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с.
5. Белоусова О. В. Граф С. Д. Шереметев и учреждение Комитета попечительства о русской иконописи // Российская история. 2023. № 4. С. 113–123. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23040089>
6. Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 619 с.
7. Власова А. В. Благотворительность Русской православной церкви в исследовательской практике дореволюционного периода // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 134–139.
8. Золотарева В. Ю. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в конце XIX – середине XX вв. (на примере Забайкалья) // Гуманитарный вектор. 2013. № 3 (35). С. 83–89.
9. Иванов А. А. Культурная политика русских правых в начале XX в. // Российская история. 2023. № 6. С. 56–71. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23060068>
10. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 520 с.
11. Иванов А. А. Правые политические движения России начала XX века: отношение к вооруженным силам // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 376–394. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-376-394>
12. Иванов А. А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 884–905. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.405>
13. Иванов А. А. Русские правые и проблема народного пьянства (годы Первой мировой войны) // Актуальные вопросы истории: материалы межвузовской научной конференции (20 мая 2009 г.). Н. Новгород: НКИ, 2009. С. 49–51.
14. Иванов А. А., Ковалева Е. О. Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Волыни: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 2 (50). С. 46–64. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04>
15. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Изд-во Л. С. Яковлевой, 1994. 349 с.
16. Калмыков А. А. Страж недремлющий и верный: жизнеописание священному ченику Гермогена Тобольского. СПб.: Царское дело, 2020. 768 с.
17. Камалова А. А. Взаимодействие государства и Русской православной церкви в дореволюционной России // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. 2018. № 4. С. 55–69.
18. Клевцова О. В. Вклад Церкви в организацию антиалкогольной политики в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Орловской епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 105–111. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-1-105-111>
19. Ключарева А. В. Благотворительная деятельность православных монастырей в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8-2 (14). С. 98–102.
20. Никольский Н. М. История русской церкви. Минск: Беларусь, 1990. 540 с.

21. Омельянчук И. В. Монархические организации Москвы // Российская история. 2023. № 6. С. 72–84. <https://doi.org/10.31857/S2949124X2306007X>
22. Омельянчук И. В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 123–138. <https://doi.org/10.31857/S086956870013449-4>
23. Омельянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.
24. Омельянчук И. В. Правые партии, власть и церковь в 1905–1914 гг. (на примере Владимирской губернии) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 2 (14). С. 15–31.
25. Омельянчук И. В. Правые партии и православное духовенство в 1905–1914 гг. (на примере Владимирской губернии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 87. С. 23–39. <https://doi.org/10.15382/sturII201987.23-39>
26. Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
27. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
28. Серафим (Кузнецов), игумен. Православный царь-мученик. М.: Православный паломник, 1997. 799 с.
29. Стогов Д. И. Думские законопроекты, направленные на борьбу с пьянством (1907–1916 гг.) // Питетное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / ред.-сост. А. И. Раздорский. СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 675–683.
30. Стогов Д. И. Правые салоны Петербурга-Петрограда и Г. Е. Распутин: проблема взаимоотношений // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2024. Т. 8. № 1. С. 209–246. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-6C>
31. Фирсов С. Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2011. 234 с.
32. Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт; СПбГУ, 1996. 660 с.
33. Чемакин А. А. Украинская «черная сотня»? Концепция К. К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа // Русин. 2021. № 63. С. 205–222. <https://doi.org/10.17223/18572685/63/11>

References

1. Akoeva N. B. Bor'ba za narodnuiu trezvost' v Rossii: istoricheskii aspekt [Fighting for temperance in Russia nationwide: historical aspect] // Historical and social educational ideas. 2015. Т. 7. № 5-1. Р. 13–17. [\(In Russ.\).](https://doi.org/10.17748/2075-9908.2015.7.5.013-017)
2. Afanasiev A. L. Obshchestva trezvosti v Tobol'skoi gubernii i Akmolinskoi oblasti Rossii (1890-e – nachalo 1910-kh gg.) [Temperance Societies in the Tobolsk Province

and Akmola Region of Russia (1890s – early 1910s)] // Tomsk State University Journal of History. 2011. № 1 (13). P. 31–37. (In Russ.).

3. Afanasiev A. L. Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiia. 1907–1914 gody: opyt ozdorovleniia obshchestva [The temperance movement in Russia during the period of peaceful development. 1907–1914: Experience of improving the health of society]: monograph. Tomsk: TUSUR, 2007. 195 p. (In Russ.).

4. Babkin M. A. Sviashchenstvo i Tsarstvo (Rossiiia, nachalo XX v. – 1918 g.). Issledovaniia i materialy [The Priesthood and the Kingdom (Russia, early 20th century – 1918). Research and Materials]. Moscow: Indrik, 2011. 920 p. (In Russ.).

5. Belousova O. V. Graf S. D. Sheremetev i uchrezhdenie Komiteta popechitel'stva o russkoi ikonopisi [Count S. D. Sheremetev and the establishment of the Committee of Guardianship for Russian Icon Painting] // Russian History. 2023. № 4. P. 113–123. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23040089> (In Russ.).

6. Belyaev S. G. P. L. Bark i finansovaia politika Rossii. 1914–1917 gg. [P. L. Bark and Russia's Financial Policy. 1914–1917]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2002. 619 p. (In Russ.).

7. Vlasova A. V. Blagotvoritel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v issledovatel'skoi praktike dorevoliutsionnogo perioda [Charity of the Russian Orthodox Church in the research practice of the pre-revolutionary period] // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. № 4 (142). History. Issue 29. P. 134–139. (In Russ.).

8. Zolotareva V. Yu. Blagotvoritel'naia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v kontse XIX – seredine XX vv. (na primere Zabaikal'ia) [The charitable activities of the Russian Orthodox Church in the late 19th to the middle of the 20th century (exemplified by Transbaikalia)] // Humanitarian Vector. 2013. № 3 (35). P. 83–89. (In Russ.).

9. Ivanov A. A. Kul'turnaia politika russkikh pravykh v nachale XX v. [Culture policy of the Russian Rightists at the beginning of the 20th century] // Russian History. 2023. № 6. P. 56–71. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23060068> (In Russ.).

10. Ivanov A. A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917). [The right in the Russian parliament: from crisis to collapse (1914–1917)]. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Archeo, 2013. 520 p. (In Russ.).

11. Ivanov A. A. Pravye politicheskie dvizheniya Rossii nachala XX veka: otoshenie k vooruzhennym silam [Right-wing political movements in Russia at beginning of 20th century: Relation to armed forces] // Nauchnyi dialog. 2022. Vol. 11. № 3. P. 376–394. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-376-394> (In Russ.).

12. Ivanov A. A. Reaktsionery, chernosotentsy, belogvardeitsy, fashisty: definitsii russkogo pravogo lageria nachala XX veka [Reactionaries, black hundreds, white guards, fascists: Definitions of Russian right-wingers in the early 20th century] // Modern History of Russia. 2022. Vol. 12. № 4. P. 884–905. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.405> (In Russ.).

13. Ivanov A. A. Russkie pravye i problema narodnogo p'ianstva (gody Pervoi mirovoi voiny) [Russian right-wingers and the problem of popular drunkenness (the years of the First World War)] // Aktual'nye voprosy istorii: materialy mezhevuzovskoi nauchnoi konferentsii (20 maia 2009 g.) [Current issues of history: Proceedings of the interuniversity scientific conference (May 20, 2009)]. N. Novgorod: NKI, 2009. P. 49–51. (In Russ.).

14. Ivanov A. A., Kovaleva E. O. Deiatel'nost' arkhimandrita Vitaliia (Maksimenko) na Volyni: politicheskii ekstremizm ili protivodeistvie stikhiinomu radikalizmu? [Activities

of archimandrite Vitaly (Maksimenko) in Volynia: Political extremism or counteraction of spontaneous radicalism] // MCU Journal of Historical Studies. 2023. № 2 (50). P. 46–64. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04> (In Russ.).

15. Ioann, mitropolit Sankt-Peterburgskii i Ladozhskii. Samoderzhavie dukha. Ocherki russkogo samosoznaniia [Autocracy of the spirit. Essays on Russian self-awareness]. St. Petersburg: Publishing House of L. S. Yakovleva, 1994. 349 p. (In Russ.).

16. Kalmykov A. A. Strazh nedremliushchii i vernyi: zhizneopisanie sviashchenomuchenika Germogena Tobol'skogo [A vigilant and faithful guardian: The life story of the holy martyr Hermogenes of Tobolsk]. St. Petersburg: Tsarskoe delo, 2020. 768 p. (In Russ.).

17. Kamalova A. A. Vzaimodeistvie gosudarstva i Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v dorevoliutsionnoi Rossii [State and the Russian Orthodox Church interaction in pre-revolutionary Russia] // Bulletin of Moscow Region State University: e-journal. 2018. № 4. P. 55–69. (In Russ.).

18. Klevtsova O. V. Vklad Tserkvi v organizatsiiu antialkogol'noi politiki v dorevoliutsionnoi Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Orlovskoi eparkhii) [The contribution of the Church to the organization of anti-alcohol policy in pre-revolutionary Russia in the late 19th – early 20th centuries (by the example of the Orel diocese)] // Humanities and law research. 2019. № 1. P. 105–111. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-1-105-111> (In Russ.).

19. Klyuchareva A. V. Blagotvoritel'naia deiatel'nost' pravoslavnnykh monastyrei v gody Pervoi mirovoi voiny [Charitable activities of Orthodox monasteries during the First World War] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice]. Tambov, 2011. № 8-2 (14). P. 98–102. (In Russ.).

20. Nikolsky N. M. Iстория russkoi tserkvi [History of the Russian church]. Minsk: Belarus, 1990. 540 p. (In Russ.).

21. Omelianchuk I. V. Monarkhicheskie organizatsii Moskvy [Moscow Monarchist organizations] // Russian History. 2023. № 6. P. 72–84. <https://doi.org/10.31857/S2949124X2306007X> (In Russ.).

22. Omelyanchuk I. V. «Dom, razdelivshiiia v sebe»: raskol Soiuza russkogo naroda [“The house divided against itself”: Split of the Union of the Russian People] // Russian History. 2021. № 1. P. 123–138. <https://doi.org/10.31857/S086956870013449-4> (In Russ.).

23. Omelianchuk I. V. Monarkhisty v 1905–1917 gg.: ot triumfa k katastrofe [Monarchists in 1905–1917: From triumph to catastrophe] // Voprosy istorii. 2017. № 7. P. 3–21. (In Russ.).

24. Omelianchuk I. V. Pravye partii, vlast' i tserkov' v 1905–1914 gg. (na primere Vladimirskei gubernii) [Right-wing parties, government, and church in 1905–1914 years (Case-Study: Vladimir Province)] // Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaia Grigor'evicha Stoletovykh. Seria: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki [Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. Series: Social Sciences and Humanities]. 2017. № 2 (14). P. 15–31. (In Russ.).

25. Omelianchuk I. V. Pravye partii i pravoslavnoe dukhovenstvo v 1905–1914 gg. (na primere Vladimirskei gubernii) [Right-wing parties and Orthodox Clergy in 1905–

- 1914 (with Vladimirskaya guberniya as an example)] // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriiia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2019. № 87. P. 23–39. <https://doi.org/10.15382/sturII201987.23-39> (In Russ.).
26. Omeliyanchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [The black hundred movement in the Russian empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).
27. Pospelovsky D. V. Russkaia pravoslavnaia tserkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika, 1995. 511 p. (In Russ.).
28. Serafim (Kuznetsov), igumen. Pravoslavnyi tsar'-muchenik [The orthodox tsar-martyr]. Moscow: Pravoslavnyi palomnik, 1997. 799 p. (In Russ.).
29. Stogov D. I. Dumskie zakonoproekty, napravленные на борьбу с пьянством (1907–1916 гг.) [Duma bills aimed at combating drunkenness (1907–1916)] // Piteinoe delo i trezvennicheskoe dvizhenie v Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–30 iiunia 2021 g.) [Drinking and the teetotal movement in Russia from ancient times to the present day: a collection of materials from an International Scientific conference (St. Petersburg, June 28–30, 2021)] / edited and compiled by A. I. Razdorsky. St. Petersburg; Moscow: Stariaia Basmannaia, 2022. P. 675–683. (In Russ.).
30. Stogov D. I. Pravye salony Peterburga-Petrograda i G. E. Rasputin: problema vzaimootnoshenii [Right-wing salons of St Petersburg-Petrograd and Grigori Rasputin: The problem of relations] // Historia Provinciae — the Journal of Regional History. 2024. Vol. 8. № 1. P. 209–246. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-6S> (In Russ.).
31. Firsov S. L. Iskusivshiisia vlast'iu: istoriia zhizni mitropolita Petrogradskogo Pitirma (Oknova) [Tempted by power: the life story of Metropolitan Pitirim (Oknov) of Petrograd]. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, 2011. 234 p. (In Russ.).
32. Firsov S. L. Pravoslavnaia tserkov' i gosudarstvo v poslednee desiatiletie sushchestvovaniia samoderzhaviiia v Rossii [The Orthodox Church and the state in the last decade of the autocracy in Russia]. St. Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut; SPbGU, 1996. 660 p. (In Russ.).
33. Chemakin A. A. Ukrainskaia «chernaia sotnia»? Kontseptsiiia K. K. Fedevicha kak popytka «ukrainizatsii» Soiuza russkogo naroda [The Ukrainian “Black Hundred”? K. K. Fedevich’s concept as an attempt to “Ukrainize” the Union of the Russian People] // Rusin. 2021. № 63. P. 205–222. <https://doi.org/10.17223/18572685/63/11> (In Russ.).

Новейшая
история
России

Modern
History
of Russia

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-102-116

Синин Евгений Юрьевич

Государственный центральный музей современной истории России

Москва, Россия

e.sinin@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1444-5217

**ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БЕЛЕНЬКИЙ:
ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДПОЛЬЯ
ДО СТАЛИНСКОЙ ТЮРЬМЫ**

Аннотация. В статье реконструируется политический портрет Григория Яковлевича Беленького (1885–1938) — революционера, одного из организаторов советской власти на Пресне, секретаря Краснопресненского райкома большевистской партии в 1917–1925 гг. и участника зиновьевской оппозиции в 1926–1927 гг. На основе анализа автобиографических, партийных и архивных документов, а также предметов из фондов Музея современной истории России предлагаются такие тезисы к портрету: 1) политическая и личная смелость, 2) развитые организаторские способности, 3) склонность к революционному действию, 4) стремление подчинять свои интересы партийным.

Ключевые слова: Пресня, внутрипартийная борьба в 1920-е гг., большевики, левая оппозиция, зиновьевцы, Григорий Яковлевич Беленький.

Для цитирования: Синин Е. Ю. Григорий Яковлевич Беленький: от революционного подполья до сталинской тюрьмы // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 102–116. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-102-116>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-102-116

Sinin Evgeny Yu.

The State Central Museum of Contemporary History of Russia
Moscow, Russia
e.sinin@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1444-5217

GRIGORY YAKOVLEVICH BELENKY: FROM THE REVOLUTIONARY UNDERGROUND TO STALIN'S PRISON

Abstract. We reconstruct the political portrait of Grigory Yakovlevich Belenky (1885–1938). He was a revolutionary, one of the organizers of the establishment of Bolshevik power in Presnya, secretary of the Krasnopresnensky district party committee in 1917–1925, and a participant in the Zinoviev opposition in 1926–1927. We analyzed belonging to him autobiographical, party, and archival documents. In addition, we used some items from the collections of the Museum of Contemporary History of Russia. We can propose several theses for the Belenky's political portrait: 1) political and personal courage, 2) developed organizational skills, 3) a penchant for revolutionary action, 4) belonging to opposition ethics, 5) the desire to subordinate one's interests to those of the party.

Keywords: Presnya, the internal party struggle in the 1920s, Bolsheviks, Left opposition, zinovievists, Grigory Yakovlevich Belenky.

For citation: Sinin E. Yu. Grigory Yakovlevich Belenky: from the revolutionary underground to Stalin's prison // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 102–116.
<https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-102-116>

Введение. Экспозиционно-мемориальный отдел «Пресня» Музея современной истории России открылся 8 ноября 1924 г. в двух комнатах деревянного дома на Большевистской улице, 4 (ныне — Большой Предтеченский переулок, 4). В дни Октября там размещались Пресненские военно-революционный комитет и райком РСДРП (б). Членом ВРК, а также руководителем райкома в последующие восемь лет был Григорий Яковлевич Беленький. Партиец с 1901 г. и профессиональный революционер, он прославился как оппозиционер. Именно он организовал подпольное собрание в Подмосковье, которое рассматривалось на июльском (1926) Пленуме ЦК и закончилось исключением Г. Е. Зиновьева из Политбюро. Сам Григорий Яковлевич был отправлен на работу в Сибирь, в конце 1927 г. исключен из партии, позже он раскаялся и был принят обратно, что не спасло его в 1938 г. от расстрела. В данной работе предпринята попытка создать политический портрет Г. Я. Беленьского как представителя большевизма в целом и одного из его оппозиционных течений в частности.

Ход и результат исследования. Пресня — крепость революции, центр декабряского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. После 1917 г. от Трехгорной

мануфактуры избирался в Моссовет Ленин, а в 1920-е гг. на партконференциях района выступали вожди партии. Таким образом, кресло партийного главы Пресни было весомым в ранние советские годы. Однако имя занимавшего в тот период этот пост Г. Я. Беленького ныне почти неизвестно ни публике, ни историкам. Способствовал этому его дальнейший путь — уход в 1926 г. в оппозицию, мытарства и конец на «Коммунарке» в 1938 г.

Многие старые большевики прошли схожий путь: от революционной борьбы и работы через оппозицию до казни и забвения. Люди подпольной закалки, строившие партию и затем оппонировавшие И. В. Сталину, затем прекращали борьбу и каялись перед ЦК. И если в отношении таких вождей, как Г. Е. Зиновьев, механизм этого процесса уже исследовался¹, то рядовые функционеры, как Г. Я. Беленький, оставались вне поля зрения историков.

Родился Гирш Хацкелевич Беленький в 1885 г. в местечке Свержень под белорусским Рогачёвом, в многодетной еврейской семье². В 12 лет он потерял отца, после чего семья выживала на заработок старшего брата в 10 рублей. Для сравнения, прожиточный минимум московского чернорабочего в конце XIX в. был 13–14 рублей³. Семья перебивалась с хлеба на квас, образование Гирш получал как дитя улицы, и все это зажгло в мальчике «пламень ненависти к угнетателям, к богатым, сытым»⁴. В итоге уже в 14 лет он вступил в первый социал-демократический кружок. Тогда же Гирш стал работать переплетчиком. Впрочем, проработав по профессии около трех лет, он окончательно пошел в революционеры⁵. Революционерами также стали его братья и сестры: Ефим, Абрам и Бейла⁶.

Беленький указывал, что в 1901 г. в Минске вступил в РСДРП. Он вспоминал, что, ознакомившись в том году с разными платформами и «усиленно с учением Маркса», выбрал ленинскую «Искру»⁷. В итоге Беленький под кличкой Гриша участвовал в нелегальных рабочих кружках, за что был арестован⁸. Позднее он писал, что арест случился в 1902 г. из-за принадлежности

¹ См.: Орчакова Л. Г., Синин Е. Ю. Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927–1934 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. С. 67–80.

² Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма. Т. 5: Социал-демократы. 1880–1904: Вып. 1: А–Б. М., 1931. Стб. 278; Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. М., 1989. С. 358.

³ Волков В. В. Заработка плата русских рабочих в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 74.

⁴ Деятели СССР и революционного движения России. С. 358.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Р-61. Оп. 2. Д. 33. Л. 1; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 9. Д. 2741. Л. 88.

⁶ Деятели революционного движения в России. Т. 5. Стб. 277–278, 281.

⁷ Деятели СССР и революционного движения России. С. 358.

⁸ Политическая каторга и ссылка: биографический справочник членов О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934. С. 56.

к городской ячейке РСДРП. Но составители антологии о социал-демократах в 1931 г. указали с опорой на документы Министерства юстиции, что это произошло 12 июня 1903 г. по обвинению в принадлежности к Бунду. Разночтение было не только в датах. Хотя еврейский Бунд входил в РСДРП, но он имел свои особые взгляды. Следовательно, Гриша мог быть тогда еще не совсем ленинцем. Впрочем, после недолгой ссылки под Архангельск и партийного раскола он однозначно стал большевиком.

В дальнейшем Беленьского арестовывали трижды: в 1905 г. — в Минске, в 1907-м — в Петербурге и в 1910-м — в Двинске, а в 1911-м сослали на вечное поселение в Енисейскую губернию (см. рис. 1, 2), откуда спустя два года он бежал⁹. Григорий Яковлевич отмечал, что «тюрьма была для меня настоящим университетом»¹⁰. Тогда заключенные имели доступ к литературе, что создавало возможности для самообразования. О важности такого пути к получению

Рис. 1. Г. Я. Беленький, 1912 г. ГЦМСИР, А53030

Рис. 2. Группа ссыльнопоселенцев в Енисейской губернии.
Третий слева стоит Г. Я. Беленький, 1912 г. ГЦМСИР, ГИК 16949/351а

⁹ Деятели революционного движения в России. Т. 5. Стб. 279–280.

¹⁰ Деятели СССР и революционного движения России. С. 359.

образования для революционеров свидетельствуют и воспоминания работавшего с Беленьким в 1914–1916 гг. в Париже Троцкого: «Университетами служили для меня, как и для многих моих сверстников, тюрьма, ссылка, эмиграция»¹¹.

Беленький знал толк в конспирации, агитации и организации. В 1904–1905 гг. он был пропагандистом в Минске, затем по фальшивому паспорту работал в Вильно, в Петербурге стал членом Технической группы большевиков, и даже будучи призванным в 1908 г. на службу в 100-й Островский полк в Двинске развернул там ячейку¹². При этом в полку Беленький был под личным надзором, от которого, впрочем, он быстро освободился, выдав себя за монархиста, а через четыре месяца смог успешно из Двинской крепости бежать¹³. Такого рода работа требовала немалой отваги и уверенности в правоте своего дела.

Однако у рано познавшего тяготы жизни Григория Яковлевича смелости и веры было не занимать. Эти качества пламенный большевик заимствовал в том числе и у Ленина. Познакомился с ним Беленький в конце 1908 г. на V (Парижской) конференции РСДРП, куда его делегировали от Виленской организации, причем пробрался во Францию он нелегально¹⁴. В дальнейшем контакты с Ильичом упрочились в Париже в 1913–1917 гг. — в первой и единственной эмиграции Григория Яковлевича.

Назначение секретарем парижской большевистской секции свидетельствовало о признании организаторского таланта Беленького, а участие с 1914 г. вместе с Троцким и Антоновым-Овсеенко в теоретической работе парижского клуба интернационалистов продемонстрировало его высокий уровень и в этой сфере. По этим вопросам Беленький переписывался с Лениным, звавшим его «дорогой Гриша», просившим присыпать литературу и собирать во Франции сторонников антивоенной позиции большевиков¹⁵. Эту позицию Гриша отстаивал вместе с вождем на Бернской конференции в феврале – марте 1915 г. Кроме Ленина он стал тесно общаться с Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд и Г. Е. Зиновьевым, привлекшим его в будущем в ряды оппозиции¹⁶.

Февральская революция открыла политэмигрантам дорогу домой. Впрочем, если верить Троцкому, власти России и союзники чинили им в этом препятствия¹⁷, поэтому Беленький приехал так же, как и Ленин, через Германию,

¹¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2022. С. 116.

¹² Деятели СССР и революционного движения России. С. 359.

¹³ Беленький Г. Минувшие дни (воспоминания рядового солдата 100-го Островского полка) // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1924. № 6 (13). С. 127, 130–131.

¹⁴ Беленький Г. В рядах РСДРП // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1925. № 4 (17). С. 106; Деятели СССР и революционного движения России. С. 359.

¹⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 49. М., 1970. С. 169, 314.

¹⁶ Деятели революционного движения в России. Т. 5. Стб. 280; Деятели СССР и революционного движения России. С. 359.

¹⁷ Троцкий Л. Указ. соч. С. 325–326.

но лишь в мае 1917 г., причем вместе с лидером меньшевиков Мартовым. По приезде Григорий Яковлевич был направлен на работу в Московскую губернию: два месяца он побывал организатором в Богородской ячейке большевиков.

В июле 1917 г. Беленький стал секретарем Пресненского комитета партии. Пресня была твердыней революционного рабочего движения. Местная группа большевиков действовала еще в 1905 г., а к 1917 г. являлась сплоченной партийной ячейкой (М. С. Жаров, М. М. Костеловская и другие)¹⁸, так что Беленькому нужно было по-новому проявить себя. Рабочий А. С. Кузнецов вспоминал, как в дни Октября в Москве Беленький призывал идти строить баррикады на Поварской улице от наступавших юнкеров¹⁹. Наряду со смелостью он демонстрировал и дипломатичность. В те же дни Беленький успешно вел переговоры с начальством склада Даниловского сахарного завода о выдаче оружия восставшим²⁰. Не всегда Беленькому удавалось добиться успеха. Но независимо от исхода Григорий Яковлевич шел на риск ради общего дела. Так, летом 1917 г. рабочий Дугачёв пошел в компании с Беленьким останавливать работу завода сантехники, где на них «обрушилось пять здоровенных детин», вынудивших их ретироваться²¹.

В сентябре 1919 г. в ячейке при Прохоровской мануфактуре возник конфликт с райкомом. Беленький вместе с коллегами решил обновить состав заводского комитета «дабы он удовлетворял требования масс»²². Под этими требованиями понималось бесперебойное проведение директив Советской власти, о мероприятиях которой на заседаниях местного партруководства всегда докладывал Беленький. Тяжелое время Гражданской войны, когда райком решал даже такие мелкие вопросы, как выдача пальто, требовало единогласия. Это было подчеркнуто в резолюции, составленной Григорием Яковлевичем 5 марта 1920 г. от имени бюро райкома: «Отвергнуть как абсолютный принцип коллегиальность во что бы то ни стало как не отвечающую условиям теперешнего тяжелого момента»²³. В фондах ГЦМСИР есть фотографии того, что он организовывал на Пресне (см. рис. 3, 4).

Тяжелым не только для пресненцев, но и для всех большевиков оказался март 1921-го — матросы Кронштадта подняли мятеж. ЦК воспринял его как экзистенциальную угрозу советской власти и бросил на подавление все силы. Не остался в стороне и Беленький. Студентка Свердловского университета Е. Я. Драбкина вспоминала, как Гриша дал команду немедля собрать первую партию добровольцев, причем мужчин он призвал брать всех, а женщин —

¹⁸ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. П-8654. Оп. 1. Д. 354. Л. 4.

¹⁹ Октябрь на Красной Пресне: воспоминания к X годовщине. М., 1927. С. 46–47.

²⁰ Там же. С. 89.

²¹ Там же. С. 67.

²² ЦГА Москвы. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.

²³ ЦГА Москвы. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 10. Л. 37об; Д. 24. Л. 9.

Рис. 3. Пресненская партийная школа, 1920 г.

Слева, облокотившись на стул, стоит Г. Я. Беленький. ГЦМСИР, ГИК 31036/245

Рис. 4. Рабочие Красной Пресни на демонстрации, начало 1920-х гг.

Пятый слева — Г. Я. Беленький. ГЦМСИР, ГИК 1948/4367

сестер и санитарок²⁴. В те же дни на X партсъезде Беленький проголосовал за резолюцию о запрете фракций и праве ЦК исключать оппозиционеров²⁵. На XII съезде (1923 г.) Григорий Яковлевич заявил: «В период, когда мы окружены мелкобуржуазной стихией, особенно нужно единство и недопустимы

²⁴ Драбкина Е. Я. Зимний перевал. 2-е изд., доп. М., 1990. С. 78.

²⁵ X съезд РКП (б). Март 1921 г.: Протоколы. М., 1933. С. 736.

никакие группировки <...> единый крепкий кулак — это партия»²⁶. Через пару лет Беленький испытал силу кулака партии на себе...

По мнению историка Д. И. Апалькова, единство большевистских рядов в 1920-е гг. строилось вокруг общего для всех страха повторения Кронштадта и преобладавшего мнения о необходимости коллективного руководства в партии²⁷. Страх воплотился в запрете фракционности на X съезде РКП (б), а тезис о коллективном руководстве стал актуальным в конце 1922 г. из-за болезни В. И. Ленина. Бесспорный вождь отошел от дел. Заменить его могло для коммунистов только железное единство на основе ленинизма. На Красной Пресне все шло действительно «железно». Беленький решительно боролся в 1923–1924 гг. с оппозицией в своем районе, а «Вечерняя Москва» живописала, что «вся рабочая Красная Пресня, как один человек» вышла на демонстрацию 7 ноября 1924 г. во главе с «тов. Беленьким»²⁸ (см. рис. 5).

Но вскоре Григорий Яковлевич сам стал оппозиционером. Возникшие в 1923 г. споры между Л. Д. Троцким и тройкой Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева

Рис. 5. Манифестация трудящихся Краснопресненского района, 1924 г.

На балконе посередине — Г. Я. Беленький. ГЦМСИР, ВС 5287/7

²⁶ XII съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 118–119.

²⁷ Апальков Д. И. Внутрипартийная борьба в ВКП (б): от коллективного руководства к сталинской диктатуре. М., 2022. С. 20–21, 25–27.

²⁸ Небывалая демонстрация // Вечерняя Москва. 1924. 10 ноября; Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. М., 2023. С. 657; Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП (б), 1923–1924 годы. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2018. С. 183–184; Халфин И. Автобиография троцкизма: в поисках искупления. Т. 1. М., 2024. С. 131.

и И. В. Сталина стали оформляться в две линии развития партии и страны²⁹. Троцкисты указывали на необходимость расширения внутрипартийной демократии и плановых начал в экономике. Приверженцы тройки говорили об усилении партаппарата и упоре на механизмы нэпа. Размышления о внутрипартийном положении и привели Беленького в оппозицию. В 1926 г. он вспоминал о своем конфликте по кадровым вопросам с новым секретарем Московского комитета партии Н. А. Углановым, разгоревшимся в 1924–1925 гг. Приход Угланова вместо И. А. Зеленского Беленький воспринял как предвестие раскола в партийном руководстве, а его вмешательство в работу Краснопресненского райкома счел нарушающим партийные нормы, однако предпочел за благо уступить ему³⁰. Беленький указал, что ушел в оппозицию не по причинам личного характера, а именно из-за ужесточения внутреннего режима.

Так или иначе, в преддверии открывшегося в декабре 1925 г. XIV партсъезда Григорий Яковлевич уже был критически настроен по отношению к ЦК партии. На этом фоне он сошелся со знакомым ему еще до революции Г. Е. Зиновьевым, в аппарате возглавляемого которым Коминтерна он работал с августа 1925 по май 1926 г.³¹ Григорий Евсеевич со сторонниками (Беленький еще не присоединился к ним) на XIV съезде составили новую оппозицию, осужденную ЦК. А к лету 1926 г. сложилась объединенная оппозиция Троцкого и Зиновьева. Они сошлись в оценке сталинского режима как бюрократического и нарушавшего заветы Ленина, а его концепции построения социализма в одной стране как ревизии марксизма. Но поскольку большинство ЦК уже заклеймило позицию меньшинства и препятствовало публикации его критических текстов, то оппозиционеры начали устраивать частные собрания.

Одно из собраний произошло 6 июня 1926 г. в лесу близ подмосковной станции Долгопрудная. Ораторствовал там зиновьевец М. М. Лашевич, поэтому на Пленуме ЦК 14–23 июля 1926 г. это разбиралось как «дело Лашевича». С точки зрения сталинцев, собрание было фракционным, что запрещалось резолюцией о единстве партии. Пленум его осудил, исключил Лашевича из кандидатов в члены ЦК, а политически ответственным сделал исключенного за это из Политбюро Зиновьева³². 8 июня вызов в Центральную контрольную комиссию (ЦКК) получили еще семь участников сходки, в том числе и обвиненный в ее организации Беленький³³. Историк И. Халфин обратил внимание на то, что Григорий Яковлевич держал себя на допросе практически как перед царскими жандармами, поначалу даже отказываясь отвечать по существу дела, боясь выдать товарищей³⁴. Он отрицал свою оппозиционность,

²⁹ Резник А. В. Указ. соч. С. 261.

³⁰ Халфин И. Указ. соч. С. 131–133.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2741. Л. 88.

³² Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. С. 781–785.

³³ Халфин И. Указ. соч. С. 97, 99.

³⁴ Там же. С. 107–108, 111.

называясь истинным партийцем. Признав в итоге организацию собрания, он счел его допустимым для большевика, заявив при этом: «Я никогда не собирался и не собираюсь порывать с партией <...> кроме партии у меня ничего нет»³⁵. Беленький обвинил членов ЦКК, что на легальные партийные собрания в Москве оппозионерам «вы... не даете возможности... попасть», вследствие чего «у нас пути репрессии стали руководящими» и, дабы это исправить, нужно создать условия, чтобы «каждый мог высказать открыто свое недовольство и не загонять этого настроения вглубь»³⁶. На наш взгляд, прозвучавшая позиция Беленького была схожа с таковой у левой оппозиции 1923 г., желавшей возврата к ленинским нормам и ликвидации «секретарского режима». Однако, будучи секретарем на Красной Пресне, Григорий Яковлевич сам боролся с оппозицией, о чем ему напомнил опрашивавший его Е. М. Ярославский. В ответ тому напомнили о недопустимости преследований ленинских кадров³⁷.

Но опыт борьбы с меньшинством на Пресне для Беленького кардинально отличался от текущей борьбы большинства с ним. Здесь видится принципиальное противоречие. Этика оппозиции предполагала, что ленинская истина не связана навеки с партруководством: если оно отходило от ленинизма, то истина могла быть и с меньшинством, — тогда как в сталинской этике истина и политика ЦК тождественны и только сторонник ЦК мог быть ленинцем. Перешедшие же в оппозицию считались отступниками. На июльском 1926 г. пленуме ЦК это эмоционально выразил А. И. Микоян: «Когда мы с т. Зиновьевым были вместе, он считал позицию т. Троцкого... неправильной, антибольшевистской, а теперь он вместе с Троцким обстреливает наши старые испытанные ленинские позиции. В этом беспринципность у т. Зиновьева и у т. Каменева, а также у всей оппозиции»³⁸.

В свою очередь, оппозиционная этика видна в строках из черновиков Г. Е. Зиновьева за 1926 г.: «Борьба против фракций и группировок совершенно правильная при условии проведения ЦК пролетарской ленинской линии, становится вредной и опасной, когда она направляется против настоящих пролетарских революционеров»³⁹. Поведение и аргументация Григория Яковlevича в ЦКК показывали, что он разделял зиновьевский подход.

Однако и оппозиция, и сталинцы сходились в том, что партия могла быть только одна⁴⁰. Более того, закаленный в борьбе революционер не мог просто так отказаться от дела всей жизни, от партии, поэтому все равно стремился быть в ней. Иное означало политическую смерть. На уже упоминавшемся

³⁵ Халфин И. Указ. соч. С. 110.

³⁶ Там же. С. 116.

³⁷ Там же.

³⁸ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. М., 2023. С. 380.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 55. Л. 65.

⁴⁰ Подробнее см.: Синин Е. Ю. «Принципы партийности» во взглядах Григория Евсеевича Зиновьева // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. С. 8–22.

заседании ЦКК 8 июня Беленький так описал свою позицию: «Я считал, что нужно в рамках нашей партии вести борьбу, чтобы получить свободу и само-деятельность в пределах партии. Как стрелочник, который видит, что поезд мчится в пропасть, ранит свою руку и сигнализирует, пусть я буду жертвой. Я только винтик большой машины пролетариата, но нужно, чтобы партия подумала, куда мы идем. Партия знает меня в течение 25 лет, пусть она рас-судит, действительно ли я пал»⁴¹. А на опросе в ЦКК в июле 1926 г. Григорий Яковлевич примерно так и ответил: «Я уже достаточно получил наказания, совершенно достаточно, вы меня убили политически, заживо похоронили»⁴².

Несмотря на отстаиваемую политическую правоту, именно желание быть с партией и в партии было для Беленького главным. Партия должна беречь «винтиki», поэтому приход в оппозицию он воспринимал пусть и логичной, но траге-дией, а не добрым выбором⁴³. За «выбор» Беленькому вынесли строгий выговор, а в 1927 г. направили на работу в Иркутск директором местного музея Революции. По совместительству также он трудился инспектором городского политпросвета⁴⁴.

Перевод на работу в провинцию, а тем более в Сибирь, было не только партийным, но и вполне себе физическим взысканием: уровень жизни там был куда ниже, — поэтому неудивительна просьба проживавшего в 1-м Доме Сове-тов (здание гостиницы «Националь») Беленького о предоставлении ему льготы по квартплате⁴⁵. Деньги в Сибири были нужнее. И, что интересно, Общество старых большевиков, в которое он обратился, просило ходатайство принять⁴⁶. В конце 1926 г. оппозиционеры еще могли рассчитывать на товарищеское отно-шение и признание былых заслуг.

От «провинившихся» ЦК ждал не только хорошей работы, но и отказа от прежних «ошибок». Но иркутские партийные органы указывали, что Белень-кий лишь развернул работу и, часто бывая в Новосибирске и Москве, приво-зил оппозиционерам-зиновьевцам нелегальную литературу, а осенью 1927 г. участвовал в подпольных собраниях⁴⁷. Например, 29 октября, когда лидеры оппозиции Троцкий и Зиновьев уже были исключены из ЦК, Беленький стал одним из организаторов встречи в Иркутске ехавшего в Москву М. М. Лашеви-ча и вел с тем антисталинские речи⁴⁸. Вместе с тем на одном из партсобраний в Иркутске в 1927 г. Беленький заявлял, что считал себя ленинцем и выступал за «ленинизм 95 пробы»⁴⁹. Сторонники ЦК не оценили порыва, предложив

⁴¹ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. С. 854.

⁴² Халфин И. Указ. соч. С. 121.

⁴³ Там же. С. 134.

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 170. Л. 3–4; Ф. Р-61. Оп. 2. Д. 33. Л. 2, 4 об; Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. С. 784–785; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2741. Л. 88 об; Халфин И. Указ. соч. С. 124, 129, 136.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 113. Л. 2, 5.

⁴⁶ Там же. Д. 113. Л. 6.

⁴⁷ Халфин И. Указ. соч. С. 173, 334, 514–515, 525, 786.

⁴⁸ Там же. С. 338–343.

⁴⁹ Халфин И. Указ. соч. С. 227.

проверить, «беленький» он или «черненький». Как видим, Григорию Яковлевичу нельзя отказать в политической последовательности.

Летом 1927 г. ЦК отказался признавать оппозицию большевиками, обвинив ее в желании создать вторую партию. Мысль о наличии какой-либо другой, кроме ленинской ВКП (б), коммунистической партии была для любого большевика крамольной, о чем сама оппозиция и заявила в сентябре в «платформе тринадцати». Руководство партии в эти заверения не верило, полагая, что меньшинство может доказать их лишь полным отказом от деятельности. После же случившейся 7 ноября оппозиционной демонстрации на десятилетие Октября Троцкий и Зиновьев были исключены из ВКП (б), а на XV партсъезде в декабре встал вопрос о «разоружении» всего меньшинства. Stalin предложил ему выбор: «Либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут — вышибем»⁵⁰.

Ультиматум вызвал внутри оппозиции раскол. Троцкий и сторонники не боялись исключения из ВКП (б) и, не желая создавать вторую партию, сдаваться все же не хотели. Другая часть во главе с Зиновьевым к середине ноября 1927 г. решила капитулировать как раз из-за боязни оказаться вне партии⁵¹. Зиновьевцы были готовы признать линию ЦК, сохраняя внутри свои убеждения. Беленький 26 октября 1927 г. свою позиции изложил письменно. Почти в прежнем духе Григорий Яковлевич критиковал сталинский режим и внутрипартийные репрессии. Но центральным для Беленького был вопрос о партийном единстве. Он его раскрывал так: Stalin «осуществляет раскол партии... методами механического руководства рубит сук единства партии», при этом «оппозиция не пойдет на раскол... будет бороться только внутри партии за исправление линии... за осуществление настоящего единства партии на основе Ленинской линии»⁵².

Здесь мы видим границу: как бы прав ты ни был, пойти против партии нельзя. Истина не всегда с ЦК, но именно ЦК руководит партией, которая должна быть одна и едина. В ноябре 1927 г. Беленький был исключен из ВКП (б). Но он все же присоединился к заявлению зиновьевцев XV съезду от 3 декабря 1927 г., в котором авторы не отказывались от своих взглядов, но заявили о прекращении фракционной работы ради сохранения партийного единства. «Подчинение съезду мы считаем безусловной обязанностью члена партии... Годами и десятилетиями работали мы для нашей партии. Ни на раскол, ни на вторую партию мы не пойдем. Путь второй партии мы отвергаем категорически; всякую попытку в этом направлении считаем решительно противоречащей учению Ленина и обреченной на гибель»⁵³.

Вскоре после XV съезда многих капитулянтов направили на работу в провинцию. Григорий Яковлевич уже был там, поэтому его лишь перевели на новое

⁵⁰ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 82.

⁵¹ Синин Е. Ю. «Единство ВКП (б) во чтобы то ни стало»: капитуляция Г. Е. Зиновьева перед И. В. Сталиным в 1927 году // Советский Союз: история, изучение, оценки: Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 12 декабря 2022 г.: сб. статей. М., 2023. С. 171–182.

⁵² Халфин И. Указ. соч. С. 352.

⁵³ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 1334.

место. С января 1928 г. он стал заместителем заведующего Оренбургского финансово-планового управления, а после восстановления в партии 22 июня был переведен в Тверь секретарем губсовета профсоюзов⁵⁴. Бывший сторонник меньшинства мог заслужить доверие ЦК только полной поддержкой его генеральной линии. И Беленький активно писал просталинские статьи, призывая оппозиционеров к покаянию. В итоге он в 1930–1931 гг. дослужился до постов ответственного секретаря и заведующего агитпропом Тверского горкома⁵⁵. В декабре 1931 г. Григорий Яковлевич вернулся на работу в Москву. Этого желали почти все бывшие оппозиционеры. В столице не только лучше жить, но и легче получать политическую информацию. Например, брат героя Абрам работал в органах госбезопасности и мог сообщать те или иные детали. Впрочем, свидетельств использования Беленьким каких-либо конфиденциальных данных в критике сталинизма нет. Более того, не было и самой критики.

Убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. одинокой Николаевым сталинское руководство использовало как повод для зачистки реальной и мнимой оппозиции.

Для ЦК однажды оступившийся (оказавшийся в оппозиции) был уже навсегда под подозрением. Поэтому еще 18 декабря 1934 г. Беленький в письме к генсеку осудил убийство Кирова, отмежевался от былых связей с обвиненными в нем зиновьевцами и выражал «глубочайшие чувства большевистской беззаветной преданности нашему ленинскому ЦК во главе с нашим великим вождем Сталиным»⁵⁶. В начале 1936 г. Григорий Яковлевич стал директором московского Института повышения квалификации хозяйственников и инженерно-технических работников местной промышленности и успешно прошел кампанию по обмену партбилетов (см. рис. 6). Но старое ему таки припомнили. 30 сентября 1936 г. Беленький был исключен из партии по обвинению в связях с врагами народа. В апреле 1937 г. решение отменили, а 23 июля возобновили, на сей раз окончательно с формулировкой «за неискренность»

Рис. 6. Регистрационная карточка Г. Я. Беленького на его партийный билет № 1190533, 1936 г.

⁵⁴ Корсаков С. Н. Беленький Григорий Яковлевич // Тверские памятные даты на 2015 год. Тверь, 2015. С. 189.

⁵⁵ Там же. С. 189–190.

⁵⁶ Халфин И. Указ. соч. Т. 2. С. 256.

и как «не оправдавшего своей работой преданности партии»⁵⁷. Григорий Яковлевич решил вновь обратиться лично к Сталину. 25 августа он послал ему письмо, где были и такие слова: «Мне хочется с большевистской искренностью поделиться с вами волнующими меня вопросами и просить у вас большевистской товарищеской помощи и защиты»⁵⁸. Здесь вспомним, что еще в 1926 г. он называл себя винтиком большой машины пролетариата и считал, что партия рассудит о его правоте. Теперь партию судил Stalin, и винтик просил его об этом.

Обращение к вождю Беленькому не помогло, и 18 сентября 1937 г. он был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной организации. 14 марта 1938 г., в дни работы Третьего Московского показательного процесса, Беленький был расстрелян на «Коммунарке» по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР и подписанному 5 марта Сталиным списку. 16 июня 1956 г. его реабилитировали за отсутствием состава преступления, партийная реабилитация последовала лишь 6 мая 1959 года⁵⁹. Но даже после этого личность первого партийного руководителя Красной Пресни оставалась в тени.

Заключение. Г. Я. Беленький, выходец из бедной еврейской семьи, опытный подпольщик и организатор, первый партийный вождь важнейшего района Москвы, был уверен в правоте своего дела и готов за него бороться, но с условием во что бы то ни стало остаться внутри ленинской коммунистической партии. Беленький был политиком революционного склада и представителем оппозиционной этики — ЦК в ней не обладал монополией на истину. Но ЦК обладал монополией на руководство партией, поэтому Григорий Яковлевич в результате подчинился ему, надеясь ценой демонстрации лояльности сохранить важнейшее для себя право участвовать в строительстве социализма в рядах коммунистической партии. В этом он следовал общему настроению капитулировавших перед ЦК оппозиционеров во главе с Г. Е. Зиновьевым, чьим сторонником он и был. Однако это не спасло его ни политически, ни лично. Политический портрет Григория Яковлевича Беленького является собой любопытный пример того, как несгибаемый революционер и большевик, пройдя через оппозицию, в итоге капитулировал и признал генеральную линию партии.

Литература

1. Апальков Д. И. Внутрипартийная борьба в ВКП (б): от коллективного руководства к сталинской диктатуре. М.: АИРО-XXI, 2022. 192 с.
2. Волков В. В. Заработка плата русских рабочих в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 67–89.
3. Драбкина Е. Я. Зимний перевал. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1990. 396 с.
4. Корсаков С. Н. Беленький Григорий Яковлевич // Тверские памятные даты на 2015 год. Тверь: Книжный клуб, 2015. С. 188–190.

⁵⁷ Халфин И. Указ. соч. С. 760–761.

⁵⁸ Там же. С. 762–763.

⁵⁹ Корсаков С. Н. Указ. соч. С. 190.

5. Орчакова Л. Г., Синин Е. Ю. Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927–1934 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. С. 67–80. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.2.69722>
6. Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП (б), 1923–1924 годы. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018. 392 с.
7. Синин Е. Ю. «Единство ВКП (б) во что бы то ни стало»: капитуляция Г. Е. Зиновьева перед И. В. Сталиным в 1927 году // Советский Союз: история, изучение, оценки: Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 12 декабря 2022 г.: сб. статей. М.: РГГУ, 2023. С. 171–182. 1 файл PDF.
8. Халфин И. Автобиография троцкизма: в поисках искупления: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2024. Т. 1. 960 с.; Т. 2. 928 с.

References

1. Apalkov D. I. Vnutripartiinaia bor'ba v VKP (b): ot kollektivnogo rukovodstva k stalinskoi diktature [Intra-party struggle in the All-Union Communist Party (Bolsheviks): From collective leadership to Stalin's dictatorship]. Moscow: AIRO-XXI, 2022. 192 p. (In Russ.).
2. Volkov V. V. Zarabotnaia plata russkikh rabochikh v kontse XIX — nachale XX v. [Wages of Russian workers in the late 19th – early 20th centuries] // Voprosy Istorii. 2018. № 10. P. 67–89. (In Russ.).
3. Drabkina E. Ya. Zimniy pereval [Winter pass]. 2nd ed., expanded. Moscow: Politizdat, 1990. 396 p. (In Russ.).
4. Korsakov S. N. Belen'kii Grigorii Iakovlevich [Grigory Yakovlevich Belenky] // Tverskie pamiatnye daty na 2015 god [Tver commemorations for 2015]. Tver': Knizhnyi klub, 2015. P. 188–190. (In Russ.).
5. Orchakova L. G., Sinin E. Yu. Grigorii Zinov'ev: terzaniia i metaniia oppozitsionera (1927–1934 gg.) [Grigory Zinoviev: The torments and throwings of an oppositionist (1927–1934)] // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia [Historical Journal: scientific research]. 2024. № 2. P. 67–80. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.2.69722> (In Russ.).
6. Reznik A. V. Trotskii i tovarishchi: levaia oppozitsiia i politicheskaiia kul'tura RKP(b), 1923–1924 gody [Trotsky and comrades: The left opposition and political culture of the RCP (b), 1923–1924]. 2nd ed., revised and expanded. St. Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2018. 392 p. (In Russ.).
7. Sinin E. Yu. «Edinstvo VKP (b) vo chto by to ni stalo»: kapituliatsiia G. E. Zinov'eva pered I. V. Staliny v 1927 godu [“Unity of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) at any cost”: G. E. Zinoviev’s capitulation to I. V. Stalin in 1927] // Sovetskii Soiuz: istoriia, izuchenie, otsenki: Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Moskva, 12 dekabria 2022 g. [The Soviet Union: History, study, evaluation: All-Russian Scientific Conference of students, postgraduates and young scientists. Moscow, December 12, 2022]: collection of articles. Moscow: RGGU, 2023. P. 171–182. 1 file PDF. (In Russ.).
8. Khalfin I. Avtobiografija trotskizma: v poiskakh iskupleniya [Autobiography of Trotskyism: In search of redemption]: in 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. Vol. 1. 960 p.; Vol. 2. 928 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 321; 930.85

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-117-129

Бессолицын Александр Алексеевич

доктор экономических наук, профессор

Институт российской истории РАН

Москва, Россия

a_bessolisyn@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0550-5852

**СОВЕТСКОЕ ТОРГПРЕДСТВО В ТЯНЬЦЗИНЕ
О КИНОПРОМЫШЛЕННОСТИ КИТАЯ В 1920-х гг.
(ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)**

Аннотация. Введение в 1921 г. в Советской России новой экономической политики способствовало восстановлению и развитию на новой основе отечественного кинопроизводства. Создание акционерных обществ смешанного типа, таких как «Пролеткино», «Межрабпом-Русь», «Совкино» и др., привело к росту не только импорта, но и экспорта кинопродукции в различные страны, в том числе и в Китай. Традиционным направлением в этом плане являлся Харбин, освоенный российскими предпринимателями еще в начале XX в., а новым направлением рассматривался быстро растущий промышленный и культурный центр Шанхай. В представленной статье на основе архивных документов, извлеченных из ГАРФ, РГАЛИ и ЦГА Москвы, проанализировано состояние кинопромышленности Китая к середине 1920-х гг. В центре исследования находится записка советского торгпредства в Тяньцзине, выявленная в ЦГА Москвы. Этот документ был подготовлен по запросу Госкино, которое регулировало прокат отечественных фильмов и в своей деятельности стремилось выйти на азиатский рынок, поэтому в справке содержались сведения о малоизвестных кинофирмах, созданных в 1920-х гг. и действовавших в основном в Шанхае. Установление дипломатических и торговых отношений между Советским Союзом и Китайской Республикой в середине 1920-х гг. открывали новые возможности в развитии сотрудничества в том числе в экспорте российских кинокартин в Китай, которые должны были составить реальную конкуренцию американской кинопродукции. Однако разрыв дипломатических отношений между Советским Союзом и Китайской Республикой в конце 1920-х гг. прервал этот процесс.

Ключевые слова: советское торгпредство, Шанхай, Харбин, «Пролеткино», кинематографические компании.

Для цитирования: Бессолицын А. А. Советское торгпредство в Тяньцзине о кинопромышленности Китая в 1920-х гг. (по архивным документам) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 117–129. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-117-129>

Original article

UDC 321; 930.85

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-117-129

Bessolitsyn Alexander A.

Doctor of Economics, Professor

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

a_bessolitsyn@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0550-5852

SOVIET TRADE MISSION IN TIANJIN ON CHINA'S FILM INDUSTRY IN THE 1920s (BASED ON ARCHIVAL DOCUMENTS)

Abstract. The introduction of the new economic policy in Soviet Russia in 1921 contributed to the restoration and development of domestic production on a new basis. The creation of joint-stock companies of mixed type such as «Proletkino», Mezrabhpom-Rus, «Sovkino», etc. led to the growth of not only imports but also exports of film products to various countries including China. The traditional direction in this regard was Harbin developed by Russian entrepreneurs at the beginning of the 20th century and the rapidly growing industrial and cultural center of Shanghai was considered a new direction. In the presented article based on archival documents extracted from the State Archives of the Russian Federation, the Russian State Archives of Literature and Art and the Central State Archives of Moscow, the state of Chinese industry by the mid-20s is analyzed. The study is centered on a note from the Soviet Trade Mission in Tianjin revealed by the Central State Archive of Moscow. This document was prepared at the request of the State Cinema which regulated the distribution of domestic films and in its activities sought to enter the Asian market. Therefore, the reference contained information about little-known film companies created in the 1920s and operating mainly in Shanghai. The establishment of diplomatic and trade relations between the Soviet Union and the Chinese Republic in the mid-1920s opened up new opportunities for the developing cooperation including the export of Russian films to China which were supposed to provide real competition to American film productions. However, the rupture of diplomatic relations between the Soviet Union and the Chinese Republic in late 1920s interrupted this process.

Keywords: Soviet Trade Mission, Shanghai, Harbin, “Proletkino”, film companies.

For citation: Bessolitsyn A. A. Soviet trade mission in Tianjin on China's film industry in the 1920s (based on archival documents) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 117–129. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-117-129>

Введение. Введение в 1921 г. новой экономической политики (НЭП) в Советской России способствовало активизации не только хозяйственной, но и творческой жизни в стране. В сфере кинопроизводства в сложившихся условиях, когда советская власть обладала крайне ограниченными финансовыми ресурсами, чтобы субсидировать кинопроизводство, появляется реальная возможность оживления рыночной системы

кинематографа за счет привлечения как иностранных, так и отечественных частных инвестиций. Создаются акционерные общества смешанного типа, которые активно включаются в процесс кинопроизводства.

Советский кинематограф периода новой экономической политики — один из самых интересных и необычных моментов мировой истории кино. Новое кино не только удовлетворяет отечественного потребителя, которым становятся самые широкие массы населения, но и открывает для себя зарубежный кинорынок, в том числе и азиатский.

Ведущей отечественной компанией в сфере кинопроизводства в годы НЭПа становится акционерное общество «Пролетарское кино» («Пролеткино»), образованное весной 1923 г. Возникновение этого общества его учредителями объяснялось так: «Пролеткино вызвано к жизни протестом против упадочного состояния кинематографии с ее кинолентами, насыщенными буржуазными тенденциями и является прямым следствием IX съезда Советов, вынесшего резолюцию о необходимости создать кино, действительно отвечающее интересам пролетариата, могущее стать орудием борьбы за коммунизм»¹.

Устав товарищества на паях «Пролетарское Кино» был утвержден Советом труда и обороны (СТО) 28 апреля 1923 г. Именно с этой даты товарищество официально приступило к своей деятельности. Однако на собрании пайщиков 4 мая 1925 г. были внесены изменения в устав: «<...> вместо слов “пай”, “пайщики”, “товарищество” — следует употреблять “акции”, “акционеры”»². Таким образом, товарищество «Пролеткино» превратилось в акционерное общество, ставшее к 1926 г. крупнейшей в СССР киноорганизацией.

В структуре общества было сформировано 11 отделов, которые производили социально-бытовые, исторические, деревенские, научные, детские и другие фильмы. Выпуск собственных картин «Пролеткино» начало производить уже в 1923 г. Только за период с 1 мая 1923 г. по 15 августа 1924 г. акционерное общество выпустило в прокат 41 картину общим метражом 127 324 метра³. Картины отправлялись в Америку, Норвегию, Швецию, Персию и другие страны⁴. При этом картина «Красные дьяволята» была отправлена в Китай, а еще в шесть стран были отправлены такие фильмы, как «Шестая годовщина Октябрьской Революции», «Комбриг Иванов», «1 мая 1923 года», «Комсомольская пасха», «Похороны В. И. Ленина» и др.⁵ Уполномоченные общества находились в 30 городах (в том числе в Тифлисе, Ташкенте, Харбине и др.)⁶.

Уполномоченной «Пролеткино» в Харбине в 1920-х гг. являлась М. М. Свиридова⁷. Харбин, ставший административным центром полосы отчуждения

¹ Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-2237. Оп. 1. Д. 11. Л. 74.

² Там же. Д. 383. Л. 5.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8326. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–9.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8326. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-2240. Оп. 1. Д. 3. Л. 29.

Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), был основан русскими переселенцами в 1898 г. на южном берегу реки Сунгари, притока Амура. Первые харбинцы — это в основном строители, железнодорожные рабочие и служащие, управляющий персонал КВЖД, а также торговцы. В 1911–1914 гг. в Харбине открывались кинематографы, демонстрировались все новинки сезона. Построенный русскими на китайской территории, Харбин долгие годы оставался типичным русским городом, а после окончания Гражданской войны стал центром русской эмиграции (из более чем 60 тысяч эмигрантов, прибывших в Китай из России, большая часть осела в Харбине)⁸.

Среди эмигрантов из России оказалось много представителей русской культуры, чьи имена были известны на родине и за рубежом. Прибывшие в Харбин были людьми разного положения и званий, но большую их часть составляли духовенство и интеллигенция: архиереи и священники, профессора разных российских университетов и преподаватели средних школ, врачи, журналисты, писатели и поэты, артисты оперы, оперетты, балета и драмы⁹.

Когда в 1912 г. была провозглашена Китайская Республика, на 400 млн населения страны насчитывалось менее 20 кинотеатров. В Пекине не было ни одного, в Шанхае — два, в Харбине — восемь. Последний также занимал первое место в Китае по количеству кинотеатров на душу населения: в 1911 г. в Харбине было всего около 60 тыс. человек, а население Шанхая в том же году составляло более 1,4 млн человек¹⁰. Однако к 1920 г. население Харбина перевалило за 200 тыс. человек, из которых свыше 50 тыс. были русскими¹¹. В январе 1925 г. в Харбине открылся новый кинотеатр «Паллас» на 1000 мест, а в октябре этого же года в городе при профсоюзе работников искусства (Рабисе) КВЖД открылась учебная киностудия¹². Всего к началу 1926 г. в Харбине функционировало уже 12 кинематографов, в том числе один японский, два американских, девять принадлежали российским владельцам¹³.

Харбин и полоса отчуждения КВЖД рассматривались как русская территория, и здесь культурные связи с материальной Россией, в том числе и в сфере кинематографии, были традиционно сильны, однако этого нельзя сказать относительно остального Китая. В условиях развития отечественного кинематографа в годы НЭПа интерес к Китаю как потенциальному покупателю стали проявлять не только государственные структуры, но и смешанные акционерные

⁸ Рыкунов Д. Э. Русский кинематограф в Харбине (1900–1945) // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 53.

⁹ Кучина Г. Культурная жизнь Харбина в первой половине XX века // Эмигрантская лира: литературно-публицистический журнал. 2017. № 3 (19). URL: <https://emlira.com/3-19-2017/galina-kuchina/kulturnaya-zhizn-russkogo-kharbina-v-pervoy-polovine-khkh-veka> (дата обращения: 25.09.2025).

¹⁰ Бай Сюэ. Культурная жизнь русского Харбина: деятели театра и киноиндустрии (1898–1931) // Наследие веков. 2022. № 4. С. 33.

¹¹ Русские в Китае. Исторический обзор / под ред. А. А. Хисамутдинова. Шанхай; М., 2010. С. 24.

¹² Рыкунов Д. Э. Указ. соч. С. 53–54.

¹³ Бай Сюэ. Указ. соч. С. 34.

компании, которые стремились открыть для себя новые возможности для экспорта российских кинокартин. Особый интерес, помимо Харбина, в этом плане представлял Шанхай, который в начале XX в. превратился в крупный порт и промышленный центр. После окончания Гражданской войны в Шанхай также хлынул поток русских эмигрантов. Если к началу 1919 г. в Шанхае было всего около 1 600 русских, то к 1925 г. их число уже перевалило за 10 тыс. человек¹⁴.

Общее представление о развитии кинематографа и кинематографической промышленности в Китае, и прежде всего в Шанхае как в наиболее динамично развивающемся регионе Китая, дает справка, подготовленная в 1925 г. уполномоченным советского торгпредства по запросу Сибгосторга в Ново-Николаевске для Госкино с целью изучения кинорынка Китая для экспорта отечественных кинокартин. Справка находилась в папке «Секретная переписка» в фонде Центрального архива литературы и искусства Москвы (ЦАЛИМ), а после его расформирования в 1994 г. была передана в фонд Р-2237 Центрального государственного архива Москвы (ЦГА Москвы) и рассекречена (акт № 24 от 30.12.1994)¹⁵, т. е. данный документ долгое время фактически был недоступен для исследователей.

Записка содержит информацию о состоянии кинопромышленности Китая, а также о китайских и иностранных кинокомпаниях, учрежденных и функционирующих к 1925 г. в основном в Шанхае. Конечно, данная справка не содержит исчерпывающую информацию о состоянии кинопромышленности как в целом в Китае, так и конкретно в Шанхае, прежде всего потому, что само советское торгпредство работало в Китае относительно недавно и только приступило к активной деятельности. Тем не менее в данном документе содержатся важные сведения, дополняющие и уточняющие официальную статистику, посвященную кинопромышленности Китайской Республики 1920-х гг.

Целью статьи является анализ состояния китайской кинопромышленности и кинорынка по документам советского торгпредства в Тяньцзине в период установления политического и торгового сотрудничества между Китайской Республикой и Советским Союзом в середине 1920-х гг. В центре исследования находится записка торгпредства, датированная 26 августа 1925 г. и озаглавленная как «Сведения о кинематографической промышленности в Китае».

Ход и результаты исследования. Торгпредство Народного комиссариата внешней торговли РСФСР — первое полноценное российское торгпредство в Китае со штатом в 21 человек было официально учреждено 24 октября 1921 г., но фактически оно приступило к своей деятельности только через три года, после заключения 31 мая 1924 г. соглашения об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой —

¹⁴ Русские в Китае. С. 150.

¹⁵ Секретная переписка Торгпредства СССР в Китае (Тяньцзин) (рассекречено: акт № 24 от 30.12.94 г.) // ЦГА Москвы. Ф. Р-2237. Оп. 3. Д. 4.

документа, устанавливавшего дипломатические и консульские отношения между СССР и Китаем. 8 июля 1924 г. был назначен первый официальный торговый представитель.

В сентябре 1925 г. была учреждена контора торгпредства в Тяньцзине, которая стала главной: в ней работали торгпред и сотрудники коммерческой части торгпредства¹⁶. Записка торгпредства, в которой дается анализ состояния кинопромышленности в Китае, была направлена в адрес Сибгосторга в Ново-Николаевске для передачи в Госкино. В данном документе практически не содержится никакой информации относительно состояния кинорынка в Харбине, поскольку советские акционерные кинокомпании и Госкино уже работали в этом направлении. Главное внимание в записке было сосредоточено на перспективах экспорта российской кинопродукции на новые китайские рынки. Наиболее интересным в этом отношении, по мнению торгпредства, в 1925 г. представлялся Шанхай.

В связи с реорганизацией образованного в 1919 г. Всероссийского фото-киноотдела Народного комиссариата просвещения (ВФКО) декретом СНК РСФСР от 19 декабря 1922 г. было создано Госкино (государственное фотокинопредприятие). Ему было предоставлено монопольное право на прокат кинолент на всей территории РСФСР. Правление Госкино назначалось и смешалось коллегией Наркомпроса и было ему подотчетно. Госкино контролировало деятельность всех акционерных кинематографических компаний, образованных в годы НЭПа, и через эту структуру шел экспорт (в том числе в Китай) кинокартин, созданных на российских киностудиях, таких как «Пролеткино», «Межрабпом-Русь», «Совкино» и др.

Более того, некоторые студии пытались даже снимать картины на китайские сюжеты. В Дальневосточной краевой конторе «Пролеткино» (Владивосток – Хабаровск) обсуждался сценарий художественной картины «У Тихого океана», посвященной рассказу о детских годах китайского революционера и политического деятеля, основателя партии Гоминьдан и одного из основателей Китайской Республики — Сунь Ятсена. Сценарий этой картины в целом был одобрен художественным советом при агитпропе крайкома РКП(б), однако в ходе заседания художественного совета 31 декабря 1925 г. были высказаны замечания о том, что «отдельные кадры не дают материала для оценки художественной стороны фильма. Отмечается слабость руководящей роли режиссера, игра актеров неудачна (холодные деревянные лица и полное спокойствие, где по ходу действия требуется испуг, ужас, сильное душевное волнение) и т. д.». Тем не менее отмечалось: «Насколько возможно, не засоряя развитие действия в сценарий вкраплены бытовые черты и яркие бытовые особенности современного Китая (жизнь опиумокурилки и чифанки; гейши, авантюристы-промышленники, иностранный патруль, полисмен, китайское официальное

¹⁶ История торгпредства России в Китае // Торговое представительство: сайт. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/about-us/history?ysclid=m8lgq8ql4f716964537> (дата обращения: 25.09.2025).

учреждение, банк, рикши и пр.)»¹⁷. Сведений о том, был ли данный фильм закончен в производстве и пущен в прокат, найти не удалось.

28 мая 1926 г. на собрании акционеров председатель правления «Пролеткино» И. П. Трайнин в ходе обсуждения финансового состояния общества предложил ввести жесткий режим экономии и заявил следующее: «Дальневосточная контора развернула свою работу, но доходов оттуда не было. Поэтому Дальневосточное отделение необходимо также ликвидировать»¹⁸.

Однако интерес к Китаю со стороны отечественных акционерных кинематографических обществ, их желание установить более тесные, в том числе профессиональные, отношения с китайскими кинематографистами вполне очевиден. В 1925 г. в большой прокат вышел первый советский полнометражный мультипликационный фильм «Китай в огне» («Руки прочь от Китая!»). Совместное производство студии «Совкино» и анимационной студии ГТК. Этот фильм протестовал против иностранного вмешательства в дела Китая и выступал в поддержку китайской революции¹⁹.

Уполномоченный торгпредства в Тяньцзине отмечал: «Развитие кинематографической промышленности в Китае не идет еще такими быстрыми шагами, как в Западной Европе. Тем не менее, можно отметить наличие нескольких фирм, производящих фильмы и рост их работы заметно прогрессирует. Определенные иностранные фирмы производили раньше съемки в Китае, но их работа главным образом была направлена к удовлетворению исключительно вкусов европейцев, и они не предпринимали каких-либо серьезных шагов к популяризации этих фильмов среди китайского народа.

Развитию кинематографического дела и популяризации кинокартин среди широких слоев населения Китая мешало то, что фильмы имели надписи на английском языке и показываемые картины с описанием незнакомых китайцу обычаям, нравов и европейской морали не вызывали интереса у большей части китайской аудитории. В этом отношении американские фильмы с их напыщенным счастливым концом и триумфом права и справедливости, имели больший успех у китайского зрителя, чем европейские картины. Кинокритики полагали, что развитие кинематографической индустрии в Китае до больших размеров будет зависеть от продукции фирм, показывающих сцены, нравы и обычаи, знакомые китайскому народу»²⁰.

В представленной справке сделан краткий анализ становления китайской кинопромышленности. При этом главное внимание уделено компаниям, которые были учреждены и работали в Шанхае.

Отмечается, что первые китайские кинокартины были произведены китайской компанией «Коммерциаль Пресс» («Коммерческая пресса») в Шанхае,

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-2242. Оп. 1. Д. 14. Л. 118–119.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-8326. Оп.1. Д. 30. Л. 227.

¹⁹ «Китай в огне (Руки прочь от Китая!)» // Российская анимация в буквах и фигурах: сайт. URL: https://www.animator.ru/db/?p=show_film&fid=2318 (дата обращения: 25.09.2025).

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-2237. Оп. 3. Д. 4. Л. 58.

которая основала свою студию в 1919 г. Первая драма называлась «Хей Хси». Картина появилась впервые в Шанхае в июле 1921 г. и была запущена в прокат компанией «Коммершиаль Пресс» в шанхайском электротеатре «Олимпик» (по другим сведениям — в кафешантане «Олимпик»). Студия фирмы «Коммершиаль Пресс» снимала картины с драматическим сюжетом, а также научные и изредка картины комического характера. Эта компания может считаться пионером китайского кинематографа.

Данная компания также считается первой по количеству выпущенных фильмов. Фирма произвела к августу 1924 г. 21 драму и 24 картины с другими сюжетами, т. е. за 5 лет было произведено 45 кинокартин. Согласно записке, «Студия “Коммершиаль Пресс” состоит из помещения величиной 60 × 80 фут. (18 × 24 м), освещается 20 угольными фонарями. Студия имеет свои собственные машины для проявления и печатания.

Студия использует два типа артистов:

1) артистов-профессионалов; 2) членов студенческих ассоциаций — любителей кинематографического искусства.

Главным артистам уплачивается 10 мек. долл. в день (во время игры). Помощники и второстепенные артисты и любители получают не более 1 мек. долл. в день²¹.

Вторая китайская кинематографическая компания, о которой идет речь в справке, называется «Стар». Количество снятых на этой студии фильмов со-поставимо с фирмой «Коммершиаль Пресс». Согласно записке, «фирма была создана в 1922 г. с капиталом в 50 000 мек. дол. В августе 1924 г. капитал был увеличен до 100 000 и все акции по 10 мек. дол. за штуку были распроданы. Эта компания производит съемки своих фильмов не в оборудованной студии, а при естественном свете. Поэтому работа артистов всегда зависит от состояния погоды. Постройка студии фирмой предполагается в самое короткое время. Большая часть картин снята этой фирмой в Сучау и Ханьччау, окрестности которых известны и славятся своей красотой. Компания организовала школу с шестимесячными курсами. Лекции и практические работы в школе ведутся каждый вечер в течение двух часов, где с курсантами проходят как игру для кино, так и технику съемок (проектирование, обращение с камерой, проявление и печатание и т. д.). Первый выпуск курсов состоял из 34 курсантов, из которых 24 мужчины и 10 женщин. Кинематографическая компания “Стар” подобно другим китайским компаниям предполагает в различных частях Китая основать ряд театров. Сущность плана сводится к следующему: когда организованные театры будут в состоянии в финансовом отношении оправдать свое существование, они будут проданы отдельным лицам для продолжения, начатого компанией дела. Помимо снабжения фильмами своего собственного производства Компания “СТАР” представляет из себя агента иностранных фирм»²².

²¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-2237. Оп. 3. Д. 4. Л. 35.

²² Там же. Л. 35–36.

Шанхайская кинематографическая компания была создана «гр. Танг Ту-Го, который является профессиональным артистом и ранее работал в Кинематографической Компании “СТАР”. Большая часть труппы завербованы из его личных друзей. Сам организатор работает оператором. В китайских театрах уже были показаны несколько его фильмов и картины эти имели коммерческий успех. Один из актеров является племянником директора и считается здесь китайским “Джекки Коганом”, ему всего 5 лет, но тем не менее его участие в картинах уже замечено»²³.

Американо-китайская кинематографическая компания «Дикок» («Павлин») была создана в ноябре 1922 г. «Во главе предприятия стоят Чау Тзи Чи, Чунг Шуи Квей и еще 11 других членов. Компания имеет в Шанхае собственную студию и лабораторию. Капитал Компании 5 000 000 американских долларов. Цель организации Компании — производство, снабжение и демонстрирование научных, коммерчески-промышленных картин в Китае и постройка новых театров. Компания эта является главным представителем в Китае нескольких иностранных компаний, производящих фильмы и аппаратуру»²⁴.

Кинематографическая компания «Великая стена», как пишет автор записки, «появилась в Китае совершенно недавно. Представляет из себя также Американо-Китайскую компанию. Компания была организована сначала в Нью-Йорке в 1922 г., с капиталом в 200 000 американских долларов. Все акционеры — китайские купцы, но живущие вне Китая. Главная контора была перенесена из Нью-Йорка в Шанхай в мае 1923 г. В этом же году фирмой были построены студия и другие необходимые сооружения. Первые картины, произведенные этой фирмой, были: бокс и китайские танцы»²⁵.

«Патэ Ориент» (также известна как «Патэ Азия») — «звукозаписывающая компания, основанная в 1908 году в Шанхае. Имеет свою собственную студию. Работы студии практически ограничены производством картин, снятых в результате различных путешествий по Китаю. Причем эти фильмы по большей части вырабатываются для Европы и Америки. Специальность фирмы — продажа кинематографических установок и аппаратов. Кроме того, компания “Патэ Ориент” в Шанхае в августе 1924 г. произвела ряд фильмов, демонстрирующих новейшие способы шелководства в Китае. Эти картины показывались в различных провинциях Китая для ознакомления фермеров с новейшими усовершенствованиями в деле шелководства»²⁶.

Созданная в 1902 г. британско-американская табачная компания также решила попробовать свои силы в кинематографе. Она «производит большие экспериментальные работы в кинопроизводстве. Студия этой фирмы целиком обставлена аппаратурой фирмы “Патэ Ориент”. Британско-Американская

²³ ЦГА Москвы. Ф. Р-2237. Оп. 3. Д. 4. Л. 36.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ Там же. Л. 37.

²⁶ Там же.

табачная компания ограничивает свою работу фильмами, которые могут быть произведены без труппы артистов, но не исключена возможность, что в студии будут разыгрываться драмы. Студией заведует иностранец, имеющий в своем распоряжении штат фотографов и техников»²⁷.

Вышеперечисленные фирмы — это ранее сложившиеся компании, которые уже занимались кинопроизводством. Среди новых кинематографических фирм, организованных в Шанхае, в справке советского торгпредства перечисляются следующие.

1. Кинематографическая компания «Луна» «открыта гр. Чен-Тан-Шен. Фирма старается довести свой капитал до 120 000 мек. дол. и если это ей удастся, то она будет оперировать капиталом в 60 000 мек. дол. Во всяком случае, компания уже сделала заказы на кинокамеры, печатные машины и др. оборудование».

2. Кинематографическая компания «Великий Китай» создана «гр. Коу Кен Фу и Нован Чонг. Предполагается, что эта фирма впоследствии будет преобразована в Лимитированную Компанию. По примеру других Компаний они организуют школу для фотографов, артистов и администраторов. Курсанты за время слушания курса и работы в студии в качестве учеников не получают никакого вознаграждения»²⁸.

3. Кинематографическая компания «Пу-Ю» учреждена «гр. Хсиав-Чиен, специализирующемся в фотографическом деле во Франции. Капитал компании 500 000 мек. дол. Компания будет иметь три отдела, работающих независимо друг от друга. Первый из них будет заведовать выработкой сюжетов для фильмов и их производством; Второй отдел будет заниматься прокатом фильмов, выпущенных иностранными компаниями и Третий отдел будет заведовать учебными курсами. Как только будут расписаны акции на 250 000 мек. дол., все отделы Компании приступят к работе одновременно, в противном случае будет открыт только Прокатный отдел. Кампанией намечена организация подвижных кинотеатров для внутренних провинций Китая.

Кроме того, Отделом земледелия Нанкинского университета открыт Отдел по производству фильмов, иллюстрирующих методы обработки земли, как новейшим способом, так и древним»²⁹.

Всего же к августу 1924 г. число действующих китайских кинематографических компаний достигло 12³⁰.

В записке также перечислены еще несколько компаний, которые только планируют свое открытие в Шанхае в 1924 г. или только начали работу:

- 1) воскресная кинематографическая компания;
- 2) «Шунхва» — кинематографическая компания;

²⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-2237. Оп. 3. Д. 4. Л. 37.

²⁸ Там же. Л. 38.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 34.

- 3) кинематографическая компания «Пуса»;
- 4) кинематографическая компания «Союз»;
- 5) интернациональная кинематографическая компания;
- 6) кинематографическая компания «Лирик» и др.

«Последняя из перечисленных компаний работает пока исключительно, как прокатная контора американских и европейских фирм. Эта фирма имеет свои отделения в Гонконге и Кантоне и проектирует постройку собственно-го кинотеатра в Шанхае и других городах Китая», — сообщалось в записке торгпредства.

Согласно этому документу, заявленный основной капитал перечисленных выше компаний «составляет в среднем от 100 000 до 200 000 мек. дол. Исключением является только новая Китайско-Американская компания, открытая в Шанхае в июле 1925 г. с уставным капиталом в 500 000 мек. дол., которая официально зарегистрирована в Соединенных Штатах Америки»³¹.

В справке также содержится информация и о провинциальных китайских кинокомпаниях:

«1) В Нанкине с августа 1924 г. начала работать новая Нанкинская кинематографическая компания. Картины берутся на прокат в Шанхае.

2) С ноября 1924 г. в Тяньцзине открыл действия театр “Три кастльс”. Театр этот открыт на Японской концессии, и эксплуатируется “Британско-Американской Табачной К°”».

Конечно, в справке, подготовленной в советском торгпредстве в Тяньцзине, приступившем к работе только в 1924 г., не содержалось всей информации о китайском кинематографе. Надо заметить, что к 1925 г. в Китае открылись уже не менее 170 киностудий и более 140 из них были размещены в Шанхае (в основном частные), а кинотеатры становились новым культурным феноменом, привлекающим все больше зрителей³². По другим данным, в 1924–1926 гг., на которые в Китае пришелся пик развития киноиндустрии, существовали не меньше 175 кинокомпаний³³.

В 1920-е гг. в Шанхае были созданы крупные кинокомпании, во многом определившие развитие китайского кино. Ведущей в этом плане являлась компания «Минсин», созданная в 1922 г. Хотя о ней в справке торгпредства не упоминается, следует отметить, что именно эта фирма в 1922 г. открыла первую в Китае киношколу, где сначала преподавались основы режиссуры, актерского мастерства, техники съемки, проявления пленок, грима, а также общие знания по кино и театру. Позже школа начала специализироваться только на подготовке актеров³⁴.

³¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-2237. Оп. 3. Д. 4. Л. 39.

³² Место действия: Шанхай. 13 августа 2024 // LiveJournal: сайт. URL: slovo-online.livejournal.com/19335.html (дата обращения: 25.09.2025).

³³ Син Лили. Кинематограф в Китае // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира: материалы IX Международной студенческой научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 9 апреля 2018 г.). Комсомольск-на-Амуре, 2018. С. 231.

³⁴ Торопцов С. А. Очерк истории китайского кино. 1896–1966 гг. М., 1979. С. 11.

Китайский кинорынок рос быстро. Однако, хотя производство фильмов в стране быстро развивалось, средний уровень картин был невысок³⁵, поэтому в справке делался вывод о том, что данный рынок крайне привлекателен для экспорта российских картин и открытия там русского представительства по типу Харбина. Однако при этом подчеркивается, что продажа картин русского производства в Шанхае может иметь место при условии, что «наша контора будет своевременно снабжена синопсисом (описанием фильма), фотографиями, плакатами, альбомами и другим рекламным материалом, исключительно на английском и китайском языках». Подготовленные таким образом картины «должны посыпаться в Шанхай для просмотра, где может быть закончена и оформлена сама сделка. Наибольший интерес могут вызвать исторические картины из жизни России, интересны также художественные инсценировки по произведениям русских писателей и различные научные картины, как-то экспедиции, путешествия и т. п.».

В справке также отмечалось, что в Шанхае постоянно работают четыре европейских кинотеатра и шесть китайских. В ближайшее время ожидается открытие еще четырех больших театров. «При этом наибольшая посещаемость кинотеатров замечается с августа по апрель, а цена за вход в большие театры составляет от 60 мек. центов до 2 мек. долларов, а в китайские театры — от 20 цент. до 1 долл. Обычно театры заполнены на 50–75 %»³⁶.

По мнению работников советского торгпредства, интерес для сотрудничества, помимо Шанхая, представляют и такие города, как Тяньцзинь, Гонконг, Пекин, Ханькоу, Мукден и Циндао, где также имеются электротеатры для просмотра кинофильмов.

Заключение. Таким образом, по сведениям, приведенным в справке торгпредства, к 1925 г. в Китае были созданы и работали или должны были приступить к работе в самое ближайшее время не менее 25 кинокомпаний, которые занимались производством и прокатом как собственных картин, так и покупкой и арендой картин иностранных, в основном американских и частично европейских. Наиболее быстрыми темпами развивался в этом плане Шанхай, который рассматривался как более перспективный рынок для экспорта российских картин.

Однако реального сотрудничества в кинопромышленности между Советским Союзом и Китайской Республикой во второй половине 1920-х гг. не получилось. Дело в том, что межгосударственные отношения начали портиться уже в 1926 г., а вследствие драматических событий 1927–1929 гг. (налет на полпредство СССР в Пекине, провокации в отношении советского Генерального консульства в Харбине, захват КВЖД и массовые аресты советских рабочих и служащих дороги) дипломатические отношения между двумя странами были разорваны в июле 1929 г.

³⁵ Торопцов С. А. Очерк истории китайского кино. С. 12.

³⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-2237. Оп. 3. Д. 4. Л. 39–40.

Литература

1. Бай Сюэ. Культурная жизнь русского Харбина: деятели театра и киноиндустрии (1898–1931) // Наследие веков. 2022. № 4. С. 28–38. <https://doi.org/10.36343/SB.2022.32.4.002>
2. Русские в Китае / под общ. ред. А. А. Хисамутдинова и др. Шанхай: Координационный совет соотечественников в Китае и Русский клуб в Шанхае, 2010. 572 с.
3. Рыкунов Д. Э. Русский кинематограф в Харбине (1900–1945) // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 51–60.
4. Син Лили. Кинематограф в Китае // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира: материалы IX Международной студенческой научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 9 апреля 2018 г.). Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2018. С. 231–234. 1 электрон. опт. диск.
5. Торопцов С. А. Очерк истории китайского кино. 1896–1966 гг. М.: Наука, 1979. 228 с.

References

1. Bai X. Kul'turnaia zhizn' russkogo Kharbina: deiateli teatra i kinoindustrii (1898–1931) [Cultural life of Russian Harbin: Theatre and film industry figures (1898–1931)] // Heritage of Centuries. 2022. № 4. P. 28–38. [\(In Russ.\).](https://doi.org/10.36343/SB.2022.32.4.002)
2. Russkie v Kitae [Russians in China] / under the general editorship of A. A. Khismutdinov et al. Shanghai: Koordinatsionnyi sovet sootechestvennikov v Kitae i Russkii klub v Shankhae, 2010. 572 p. (In Russ.).
3. Rykunov D. E. Russkii kinematograf v Kharbine (1900–1945) [Russian cinematography in Harbin (1900–1945)] // Izvestiia Vostochnogo instituta [Izvestia of the Oriental Institute]. 2013. № 1 (21). P. 51–60. (In Russ.).
4. Sin Lili. Kinematograf v Kitae [Cinema in China] // Dialog kul'tur — dialog o mire i vo imia mira: materialy IX Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Komsomol'sk-na-Amure, 9 aprelia 2018 g.) [Dialogue of cultures — dialogue about peace and for the sake of peace: Proceedings of the IX International Student Scientific and Practical Conference (Komsomolsk-on-Amur, April 9, 2018)]. Komsomolsk-on-Amur: AMGPU, 2018. P. 231–234. 1 electronic optical disc. (In Russ.).
5. Toroptsov S. A. Ocherk istorii kitaiskogo kino. 1896–1966 gg. [Essay on the history of Chinese cinema. 1896–1966]. Moscow: Nauka, 1979. 228 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-130-138

Малхозова Фатима Викторовна

кандидат исторических наук

Институт российской истории Российской академии наук

Москва, Россия

fa-m@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8207-5414

НОВОСЕЛЬЕ В ДОМЕ СОВЕТОВ: БУДНИ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ НА КРАСНОПРЕСНЕНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Аннотация. Статья посвящена организации работы народных депутатов, избранных в 1990 г. в Верховный совет РСФСР. Народным депутатам России, работающим на постоянной основе, было отведено здание Дома советов (другое название — Белый дом) на Краснопресненской набережной. Арендаторами здания являлись хозяйственное управление Совета министров РСФСР и хозяйственное управление Верховного совета РСФСР, поэтому первая задача, которую предстояло решить, это разделить здание между депутатами и министрами. При кажущейся простоте задачи выяснилось, что удовлетворить запросы сторон достаточно сложно, учитывая, что штатное расписание аппарата, количество комитетов и комиссий увеличивались с каждым днем. Так как соседями по «коммунальной квартире» стали представительная и исполнительная ветви власти, соперничество переходило на новый уровень. Споры за метры и гаражи перерастали в выяснение отношений: чей статус выше?

Разрешить бытовые конфликты депутатов с министрами было возможно законодательным путем. С этой целью депутаты приступили к разработке закона о государственной службе и постановлениям Верховного совета об аппарате Совета министров и Верховного совета России.

Ключевые слова: Верховный совет, съезд, представительная власть, депутат, Дом советов, Белый дом, гарантии депутатской деятельности, статус депутатов, Ельцин, Хасбулатов, Шахрай.

Для цитирования: Малхозова Ф. В. Новоселье в Доме советов: будни народных депутатов на Краснопресненской набережной // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 130–138. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-130-138>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-130-138

Malkhozova Fatima V.

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
fa-m@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8207-5414

HOUSEWARMING IN THE HOUSE OF SOVIETS: THE EVERYDAY LIFE OF PEOPLE'S DEPUTIES ON KRASNOPRESNENSKAYA EMBANKMENT

Abstract. The article is devoted to the organization of work of people's deputies elected in 1990 to the Supreme Soviet of the RSFSR. People's deputies of Russia, working on a permanent basis, were allocated the rear of the House of Soviets (another name is the "White House") on Krasnopresnenskaya Embankment. The tenants of the building were the Economic Administration of the Council of Ministers of the RSFSR and the Economic Administration of the Supreme Soviet of the RSFSR, so the first task that had to be solved was to divide the building between the deputies and the ministers. Despite the apparent simplicity of the task, it turned out that it was quite difficult to satisfy the requests of the parties, given that the staffing schedule of the apparatus, the number of committees and commissions increased every day. Since the representative and executive branches of power became neighbors in the "communal apartment", the rivalry moved to a new level. Arising from disputes over square meters and garages, the competition ended with the clarification of "whose status is higher"?

It was possible to resolve everyday conflicts between deputies and ministers by legislative means. For this purpose, the deputies began to develop a law on civil service and resolutions of the Supreme Council on the apparatus of the Council of Ministers and the Supreme Council of Russia.

Keywords: Supreme Council, congress, representative power, deputy, House of Soviets, White House, guarantees of deputy activity, status of deputies, Yeltsin, Khasbulatov, Shakhray.

For citation: Malkhozova F. V. Housewarming in the House of Soviets: The everyday life of people's deputies on Krasnopresnenskaya Embankment // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 130–138. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-130-138>

Обеспечение материально-финансовых условий для осуществления народными депутатами своих обязанностей были гарантированы законом «О статусе народного депутата РСФСР»¹. Депутату, перешедшему на работу в Верховный совет или его органы на постоянной основе,

¹ Закон РСФСР «О статусе народного депутата РСФСР» от 15 ноября 1990 г. // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 22 ноября 1990 г. № 15. М., 1990. С. 369–376.

выплачивалась заработка плата. Ему возмещались все служебные расходы, он получал право пользоваться правительственные и другими видами связи, которыми располагали государственные и общественные органы. На территории РСФСР депутат пользовался правом бесплатного проезда по всем железнодорожным, воздушным, автомобильным, водным путям сообщения и на всех видах транспорта, за исключением такси. Администрация гостиниц обязана была представить народному депутату отдельный номер с телефоном в течение часа после обращения. Депутат, избранный от территориального избирательного округа, был вправе иметь до трех, а избранный от национально-территориального — до 5 помощников². Народным депутатам РСФСР, избранным в состав Верховного совета РСФСР или его органов и освобожденным от выполнения служебных или производственных обязанностей, бесплатно предоставлялись на соответствующий период в Москве служебные жилые помещения для совместного проживания с членами семьи.

Официальной резиденцией Верховного совета стал Дом советов на Краснопресненской набережной. Здание было построено по проекту архитектора Д. Чечулина в 1965–1981 гг. для размещения Верховного совета РСФСР и Комитета народного контроля. При строительстве Чечулин вернулся к своему не реализованному проекту центрального дома «Аэрофлота» 1934 г. и частично воплотил в нем свои наработки, в частности узнаваемую композицию здания с овальной башней. Монументальное здание с элементами ар-деко, изначально выбывающее из облика набережной, с течением времени вместе с высоткой СЭВ сформировало свое окружение и стало одной из знаковых точек столицы.

Здание, в котором предстояло разместиться Верховному совету, представляло собой уникальное сооружение в инженерном, техническом и конструкционном плане. Арендаторами здания были хозяйственное управление Совета министров РСФСР и хозяйственное управление Верховного совета РСФСР, которым предстояло разделить рабочее пространство. 17 сентября 1990 г. Президиум Верховного совета РСФСР образовал депутатскую комиссию по контролю за размещением и обеспечением необходимых условий деятельности комиссий палат и комитетов Верховного совета РСФСР под председательством В. И. Жигулина.

20 сентября 1990 г. Совет Республики принял постановление «Об организации работы Верховного совета РСФСР»³, в котором предписал Президиуму Верховного совета РСФСР решить вопросы о размещении палат, комиссий и комитетов Верховного Совета РСФСР до 1 октября 1990 г. Секретариату Совета Республики было поручено разработать предложения по ведению делопроизводства в палатах, комиссиях и комитетах Верховного совета РСФСР.

² Закон РСФСР «О статусе народного депутата РСФСР» от 15 ноября 1990 г. ... С. 371–375.

³ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 20 сентября 1990 г. № 16. М., 1990. С. 216.

Комиссия из числа членов Президиума Верховного совета обследовала здание и поделилась своими выводами на заседании Президиума Верховного совета 9 августа 1990 г. По информации одного из членов комиссии, Е. К. Пудовкина, на девятом этаже депутаты нашли комплекс, оборудованный «очень дорогой техникой и мебелью», так называемые «кабинеты образцово-показательные советской работы и местных органов». Впечатленный Е. К. Пудовкин рассказывал: «Там такая оргтехника стоит за витринами, что, если эти витрины разбить, нам на пятилетку всем хватит. Но, к сожалению, взять оттуда пока ничего нельзя»⁴.

Сначала комиссия решила пойти простым путем, разделив все пополам на основе двух критериев: по площади и по комфорту. Но сделать так, чтобы помещения Верховного совета и Совета министров были бы абсолютно равнозначны, не получалось. И если по площади здание еще можно было разделить, то «по комфортности» возникли такие противоречия, что, по определению Пудовкина, у всех «нервы были на пределе». Часть кабинетов была оборудована радиофицированной связью, обеспечивая возможность вести запись, работать с переводчиками и пользоваться другими современными достижениями техники. В то же время по тем же причинам целый ряд помещений нельзя было переформатировать из-за подведенных к ним коммуникаций, кабельных сетей, фельдъегерской связи, а также привязанности к ним сервисных служб.

Первым делом предстояло разделить здание между депутатами и министрами. В Доме советов был спроектирован целый ряд кабинетов для руководителей с прилегающими приемными и местами для помощников. Именно кабинетная система легла в основу разделения здания на зоны Совета министров и Верховного совета⁵.

В конце концов хозяйственным службам Верховного совета и Совета министров удалось договориться и даже запланировать празднование новоселья не позже 1 октября. Дом советов был разделен на три зоны: одна отводилась Совету министров, другая — Верховному совету, а третью, довольно значительную часть занимали технические службы. Хозяйственные управления Совета министров и Верховного совета было решено объединить, это позволяло сэкономить около 30 процентов на штатной численности и помещениях. На седьмом этаже располагалась столовая и технические службы, такой же служебный этаж был в 15-й башне. В Доме советов имелось также несколько парадных помещений, где предполагалось принимать делегации на самом высоком уровне. Они были общими для обоих ведомств.

Первоначально площадь, занимаемая Верховным советом в здании на Краснопресненской набережной, составляла 9 923 кв. м, в то время как у Совета министров было 13 087 кв. м, более чем на три с половиной тысячи квадратных метров больше. Для соблюдения паритета Совет министров передал Верховному

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1254. Л. 6.

⁵ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1254. Л. 2.

совету 53 кабинета общей площадью 1 293 кв. м⁶, но достичь полного равенства снова не получилось. Проблема не решалась из-за разницы в количестве руководящих работников, которых надлежало обеспечить соответствующими их статусу рабочими местами. По состоянию на август 1990 г. в списке высокопоставленных работников Верховного совета насчитывалось 54 человека. Они занимали 59 кабинетов общей площадью 1 610 кв. м, в среднем 25 кв. м на одного руководящего работника. В Совете министров было 158 таких работников и 159 кабинетов (в том числе приемные и т. д.) общей площадью 4 700 кв. м. Но без учета мест для руководящих работников Верховный совет и правительство получили равные площади⁷.

В общей сложности Верховный совет получил в свое распоряжение 406 кабинетов, в то время как аппарат комитетов и постоянно работающих депутатов составлял 1 039 человек. Очевидно, что рассадить всех людей, «даже если сажать по два человека за одним столом»⁸ на этой площади было невозможно. Следовательно, предстояло решить, какие комитеты и комиссии будут работать в другом здании. Сначала предложили выселить Высший экономический совет, но в Президиум поступил звонок с требованием оставить его на Краснопресненской набережной. Тогда было решено собраться в узком кругу председателей комитетов и комиссий, чтобы решить эти вопросы «окончательно, без внутренних претензий и обид»⁹. Заехав в здание, комитеты и комиссии произвольно заняли свободные места: одни сидели в лучших условиях, другие в худших. Те, кто получил более комфортные условия, требовали эти помещения за ними закрепить.

Еще на июльском заседании Президиума председатель Верховного совета Б. Н. Ельцин сразу предупредил депутатов, что каждый комитет может рассчитывать не более чем на 7–8 комнат. Заявки, которые подали депутаты на техническое оснащение комитетов, по оценке Ельцина, были нереальные. Сумма всех заявок от 13 комитетов составляла «около 60 млн инновационных рублей» («...нас не поймут избиратели, если сразу будем такие суммы тратить»)¹⁰.

Но у его первого заместителя Р. И. Хасбулатова был другой взгляд: «Коль скоро мы взяли ориентир на действительный парламент, такой как его представляют веками люди, у каждого депутата, у каждого члена Верховного Совета должен быть хорошо оборудованный свой кабинет с хорошим вышколенным секретарем, помощником, с информационной технологией... А то что мы сейчас делим и воюем по поводу отдельных технических работников, это как вы сами знаете, от бедности, а не потому, что мы этого не понимаем, как должно быть». Не забывал Хасбулатов и о работниках аппарата, тем более что

⁶ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1254. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Д. 1248. Л. 14.

«работники аппарата разные. Это вчерашние парламентарии, крупные руководители, наши помощники сегодня»¹¹.

Первый проект штатного расписания аппарата Президиума Верховного совета включал в себя 520 человек. Это были отделы, обеспечивающие деятельность Президиума Верховного совета, комитетов и комиссий. В дополнение к ним штат включал 169 человек технических работников, которые закреплялись для работы непосредственно в комитетах и комиссиях.

Забегая вперед отметим, что с усложнением работы и изменением статуса Верховного совета вследствие распада СССР количество работников представительного органа неуклонно росло. Штатная численность секторов комитетов и комиссий на 1 октября 1992 г. составила 266 человек, т. е. возросла, по сравнению с 1 января 1992 г., на 61 человек, или на 29,8 %¹². По состоянию на 1 октября 1992 г. в 9 секретариатах, 30 секторах комитетов и комиссиях, 13 отделах и управлениях, а также в прочих подразделениях Верховного совета работали 1 154 человека¹³.

Половина всей штатной численности аппарата приходилась на шесть структурных подразделений Верховного совета: общий отдел — 237 человек, финансово-хозяйственное управление — 190, редакционно-издательский отдел — 68, отдел информационного обеспечения — 56, организационный отдел — 51, юридический отдел — 47.

При определении условий своего существования депутатам приходилось руководствоваться своими решениями, принятыми на первом Съезде народных депутатов РСФСР и направленными на борьбу с привилегиями. В целях «углубления демократических преобразований» Президиум Верховного совета РСФСР 17 июля 1990 г. принял постановление о привилегиях в РСФСР¹⁴. Документ провозгласил недопустимость каких-либо привилегий для отдельных должностных лиц (или групп лиц), какой бы пост они ни занимали, или для отдельных организаций и их работников. Отвергались привилегии всех видов и форм: на власть; на нетрудовое вознаграждение; на незаслуженные льготы; не заработанные трудом комфортные условия труда и жизни и пр. Все виды и формы должностных привилегий упразднялись, с 1 августа 1990 г. признавались недействительными законодательные акты, постановления, инструкции, распоряжения, прямо либо косвенно обеспечивающие должностные привилегии.

В свете общественных дискуссий о льготах и привилегиях номенклатуры важным представлялось соблюдение равноправия всех работников. Р. И. Хасбулатов сообщал членам Верховного совета: «Ко мне приходили несколько человек из обслуживающего персонала и высказывались в том плане, что их лишили возможности пользоваться какими-то буфетами. Я не знаю, есть, видимо,

¹¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1254. Л. 11.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 943. Л. 91.

¹⁴ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 26 июля 1990 г. № 8. М., 1990. С. 159.

несколько буфетов. Я давно привык кушать один раз в день... Все работающие здесь должны иметь, на мой взгляд, права в части использования каких-то буфетов»¹⁵.

Демократ Н. И. Травкин соглашался: «Вопрос очень щепетильный. В этом здании, я считаю, должны быть открыты все буфеты и столовые. Сначала на 7-й этаж в столовую я не мог пройти. Стоят два здоровых мужика, смотрят волками на депутатов: не наши. Потом депутаты стали наши. Но сюда идут люди и без значков. Разблокировали 7-й этаж, теперь про какой-то 12-й говорят... Воплощать в жизнь постановление о привилегиях придется долго. Ничего не ликвидировано в этой стране»¹⁶.

Начались и первые дрязги с соседями по «коммунальной квартире». Но так как соседями стали представительная и исполнительная власти республики, это соперничество переходило на новый уровень. Споры за метры и гаражи заканчивались выяснением отношений: чей статус выше? Депутат В. С. Ревякин возмущался: «Сегодня Совет Министров непонятно, чем располагает. Я вчера дважды позвонил в гараж, нужна была срочно машина, и меня два раза мордой о стол били. Если исполнительная власть не будет стоять и отдавать честь проходящим парламентариям, то давайте будем менять эту исполнительную власть»¹⁷.

Ситуацию с автомобилями прокомментировал Р. И. Хасбулатов: «Здесь я могу сказать несколько слов. На второй день, как вы нас избрали, вот Юрий Георгиевич свидетель, я ему дал указание сделать нам гараж. <...> Оказывается здесь и гаража нет. Я знаю, наши помощники очень активно начали создавать инфраструктуру. Борис Николаевич [Ельцин] договаривался, нам и машины дадут. Но сейчас вы немножко потерпите». Наличие своего парка автомобилей считалось делом государственной важности, Р. И. Хасбулатов заявлял: «Председатели областных Советов приезжают, председатели автономий. Все-таки надо на машинах их встретить, это наш авторитет, наше уважение к своим же собственным работникам, руководителям. И это надо упорядочить».

Претензии к правительству появились и у заместителя председателя Верховного совета Б. М. Исаева: «Я работал председателем исполнительного комитета, звонил, приезжал, передо мной сразу все было и честь отдавали. Стал председателем Совета областного, говорят: нет, вы не наш. <...> И между прочим, отношение со стороны Совета Министров по отношению к Верховному Совету, к депутатам сохраняется не совсем нормальное. Надо сделать однозначный вывод и менять это отношение»¹⁸. «Более того, — продолжал Б. М. Исаев, — сел я на половину Совета Министров, у помощника в секретариате стояла “вертушка”, на второй день сняли. Три раза сказал Управляющему делами: восстановите. Почему у зампредов Совмина стоят «“вертушки”, а у заместителя Председателя

¹⁵ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1254. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 15.

¹⁸ Там же.

Верховного Совета не должно быть?». Р. И. Хасбулатов соглашался: «Даже такие вещи есть. ВЧ¹⁹ у первого секретаря обкома есть традиционно, у председателя облисполкома есть, а у председателя Совета нет»²⁰.

Перевести дискуссию в конструктивное русло предложил председатель комитета по законодательству С. М. Шахрай: «Я в течение месяца разбирался с санаториями, домами отдыха, с пошивом и другими вещами в аппарате Совмина. Есть уже наши новые министерства, которые требуют больше 100 персональных машин на одно министерство и т. д. и т. п. Поэтому перечислением этих льгот мы ничего не решим. Нам нужен законодательный акт: Закон России о государственной службе и постановление Верховного Совета об аппарате Совмина и Верховного Совета. То, что там будет названо кому и по какому рангу полагается машина, получит. Но не более того. Сейчас миллионы рублей идут по телефонному звонку от управляющего ХОЗУ Совмина, и ни одного документа: куда они ушли. Вот вам и бюджет»²¹. С. М. Шахрай сообщил, что в его комитете уже подготовлены проекты закона о государственной службе и аппарате законодательного и исполнительного органов. Р. И. Хасбулатов поддержал председателя комитета и предложил «раскрутить» постановление о привилегиях и на этой базе подготовить материал.

Но проблема взаимоотношений с министрами только начинала набирать обороты. На заседании Президиума 12 сентября председатель комитета по промышленности и энергетике В. А. Федорченко поставил вопрос о статусе членов Президиума, их взаимоотношениях с Советом министров: «Считаю, что нужно написать статус: к кому приравнивается сейчас председатель комитета и комиссии, что мы можем делать?»

В обновленном Верховном совете снова воскресла похороненная на десятки лет советской власти проблема взаимоотношений представительной и исполнительной ветвей власти России, проблема ответственности министров перед депутатами. «Сегодня не существует ни одного министерства, которое бы с нами работало. Мы потеряли два месяца», — негодовал депутат. В. А. Федорченко предложил принять конкретные меры: «Мы решили в среду или какое-то время собираться в зале президиума, давайте возьмем себе правило: здесь каждую неделю перед нами должен стоять один из министров, который должен рассказать о проделанной работе... Ничего же не делается! Не претворяются ни наши законы, ни то, что нам обещал вчера Силаев»²².

Причину дезорганизации работы Президиума В. А. Федорченко видел в нерешенности бытовых проблем. Для их решения он предлагал следующие меры:

¹⁹ ВЧ-связь — закрытая система телефонной связи, использующая высокие частоты (ВЧ). Телефонный аппарат ВЧ-связи вместе с «вертушкой» был важным свидетельством статуса советского руководства.

²⁰ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1254. Л. 16.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 1260. Л. 46.

«1. Во-первых, надо сохранить среднюю зарплату. Что мы тянем три месяца? Давайте скажем людям, что ее не будет, или решим наконец этот вопрос. <...>

2. Определимся с жильем: или нам будут выделены квартиры к 7 ноября или не будут. Жены не приезжают сюда, потому что не знают, где они будут работать. Кто будет этим заниматься».

В. А. Федорченко напомнил присутствующим: «Товарищи, мы же члены президиума. Прочтите любой документ — решения принимает президиум! Я извиняюсь, не Борис Николаевич, а президиум. Мы с вами сейчас собрались и можем внести в повестку дня любое решение. Просто только неудобно и некрасиво без нашего председателя эти вопросы поднимать. <...> Я был маленьким руководителем, но у меня такого беспорядка не было»²³. До избрания народным депутатом и перехода на постоянную работу в Верховный совет РСФСР В. А. Федорченко работал начальником базы производственного обслуживания нефтепромыслового и бурового оборудования в г. Нягань Ханты-Мансийского автономного округа.

Его поддержал председатель комиссии Совета Республики по транспорту, связи и информатике А. Н. Закопырин, в прошлом начальник строительства Братского лесопромышленного комбината: «Сформировать комиссию невозможно: не хотят идти к нам работать. Но если узнают о той большой зарплате, которую получал Басин (до начала работы в Президиуме Е. В. Басин был начальником Главбамстроя — управления строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. — *Ф. М.*) или я, или другие люди, которые работали на Севере, то это будет неэтично. У меня есть простое предложение: приравнять президиум, Верховный Совет и наш аппарат к статусу Совета Министров, не говорить о сумме зарплаты, а сказать: приравнять статус, скажем, Фильшина²⁴ к вашему статусу, а статус ваш — выше. Вот и все. И не надо расписывать, что Басин и Закопырин получали на Севере 1300 и вот он теперь живет в Москве и мы ему оставляем те же 1300»²⁵.

В декабре 1990 г. было принято постановление Президиума Верховного совета РСФСР об установлении должностных окладов руководителей Верховного совета РСФСР, в том числе председателей и секретарей комитетов и комиссий. Бытовые споры депутатов и министров были разрешены принятием закона о государственной службе и постановлениями Верховного совета об аппарате Совета министров и Верховного совета России.

²³ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1260. Л. 46.

²⁴ Г. И. Фильшин — заместитель председателя Совета министров РСФСР.

²⁵ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1260. Л. 47.

Научная статья

УДК 94 (38)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-139-153

Мирзоев Евгений Бахлулович

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

evgenymirzoev@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2075-6783

ПОРАЖЕНИЕ ГАЛАТОВ ПОД ДЕЛЬФАМИ В 279 г. до н. э.: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРИЧИНЫ

Аннотация. Неудачное нападение галатов на Дельфы оказалось ключевым событием экспедиции Бренна в Македонию и Грецию в 279 г. до н. э. и предопределило ее провал. В статье рассматриваются особенности вооруженного противостояния в районе Дельф, а также причины неудачи нападения галатов на Дельфы. Описание боевых действий позволяет приблизительно определить локации, в которых они происходили. Особенности боевых действий в горах, а также погодные условия позволяют объяснить рассказы источников о сверхъестественных явлениях, сопровождавших нападение на святилище.

Ключевые слова: галаты, Дельфы, Брэнн, храм Аполлона, фокейцы, этолийцы.

Для цитирования: Мирзоев Е. Б. Поражение галатов под Дельфами в 279 г. до н. э.: обстоятельства и причины // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 139–153. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-139-153>

Original article

UDC 94 (38)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-139-153

Mirzoev Evgeny B.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

evgenymirzoev@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2075-6783

**DEFEAT OF THE GALATIANS AT DELPHI IN 279 BC:
CIRCUMSTANCES AND CAUSES**

Abstract. The unsuccessful attack of the Galatians on Delphi turned out to be the key event of Brennus' expedition to Macedonia and Greece in 279 BC and predetermined its failure. The article examines the peculiarities of the armed confrontation in the Delphi area, as well as the reasons for the failure of the Galatians' attack on Delphi. The description of the military actions allows us to approximately determine the locations in which the military operations took place. The specifics of the fighting in the mountains, as well as the weather conditions, allow us to explain the stories in the sources about the supernatural phenomena that accompanied the attack on the sanctuary.

Keywords: Galatians, Delphi, Brennus, Temple of Apollo, Phocians, Aetolians.

For citation: Mirzoev Ev. B. Defeat of the Galatians at Delphi in 279 BC: Circumstances and causes // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 139–153. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-139-153>

Введение. Нападение галатов на Дельфы произошло в ходе большого вторжения кельтской армии в Македонию и Грецию под общим командованием Бренна в 279 г. до н. э. Исследователи расходятся в оценках масштабов, значения боев в районе Дельф, а также по-разному решают вопрос о том, удалось ли галатам разграбить святилище Аполлона. Наиболее обстоятельным исследованием по данному вопросу остается монография Г. Нахтергеля, изданная еще в 1977 г. Задачей данной статьи является прояснение обстоятельств и масштабов вооруженного столкновения между галатами и греками в районе Дельф, определение причин поражения армии вторжения.

Наиболее подробные сведения об этих событиях сохранились в сочинениях Павсания и Юстина. Основным источником, которым пользовались эти поздние авторы, был, вероятно, труд современника событий Иеронима из Кардии¹, хотя в исследовательской литературе высказываются и иные

¹ Segrè M. La più antica tradizione sull'invasione gallica in Macedonia e in Grecia (280 /279 a. Cr.) // Historia. Studi storici per l'Antichità classica. 1927. Vol. 1. № 4. P. 18–42; Elsner J. Structuring ‘Greece’: Pausanias’s Periegesis as a literary construct // Pausanias: Travel and memory in Roman Greece / ed. by S. E. Alcock, J. F. Cherry, J. Elsner. Oxford, 2001. P. 18–21; Strobel K. Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen

предположения². Степень достоверности рассказов Павсания и Юстина установить весьма сложно. Исследователи уже давно отметили возможное влияние на их сочинения повествования Геродота (VIII.37) о нападении на Дельфы персов в 480 г. до н. э³. Однако сходство некоторых деталей повествования может частично объясняться тем, что дельфийцы действовали в похожих обстоятельствах⁴. Следует отметить, что аналогии между рассказами о событиях 480 и 279 гг. до н. э. относятся преимущественно к описаниям проявлений божественного гнева и сверхъестественных явлений (см. ниже), а не к основным событиям, боевым действиям. Это указывает на самостоятельность информации, передаваемой Павсанием и Юстином, и позволяет с известной осторожностью использовать их сведения для реконструкции событий 279 г. до н. э. Ценные сведения об интересующих нас событиях сохранились также в сочинениях Диодора, Тита Ливия, в декрете с о. Кос (Syll. 398.1-4), который датируется первой половиной 278 г. до н. э.⁵, а также в гимне Каллимаха «К острову Делос».

Ход и результаты исследования. На основании сообщения Павсания (Paus. X.23.9) нападение Бренна на Дельфы датируется 279 г. до н. э. Боевые действия Бренна в Македонии относят к лету – осени, начало его вторжения в Грецию — к поздней осени, а нападение на Дельфы — к началу зимы 279 г. до н. э.⁶ На конец осени – начало зимы как время нападения на Дельфы указывают два обстоятельства, упомянутые в источниках. По утверждению Юстина, в момент прихода войска Бренна в селениях в округе Дельф имелись большие запасы продовольствия (Just. XXIV.7.4), что указывает на время после сбора урожая. В то же время при описании боев в районе святилища Юстин Павсаний и другие источники упоминают о холодах и снегопаде (см. ниже). Видимо, Бренн предпринял вторжение в Грецию осенью, рассчитывая пройти в Центральную Грецию до зимы, однако медленное продвижение его армии привело к тому, что атаковать Дельфы ему пришлось уже в конце ноября или в декабре, когда в районе святилища была возможна упоминаемая в источниках метель⁷.

Kleinasiens. Band 1: Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie des hellenistischen und römischen Kleinasiens. Berlin, 1996. P. 221; Lampinen A. Narratives of impiety and epiphany: Delphic galatomachy and Roman traditions of the Gallic sack // Studia Celtica Fennica. 2008. № 5. P. 38–53.

² В качестве источника для обоих описаний предлагаются труды Тимагена или Филарха (см. Pierozzi A. Reconsidering Pausanias' possible source for the Gallic invasion of Greece (279/278 BC) // Dialogues d'histoire ancienne. 2023. Vol. 49. № 1. P. 25–36).

³ Tarn W. Antigonus Gonatas. Oxford, 1913. P. 155.

⁴ Nachtergael G. Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes. Recherches d'histoire et d'épigraphie hellénistiques. Bruxelles, 1977. P. 154–155.

⁵ Nachtergael G. Op. cit. P. 172; Champion C. The soteria at Delphi: Aetolian propaganda in the epigraphical record // The American Journal of Philology. 1995. Vol. 116. № 2. P. 215.

⁶ Nachtergael G. Op. cit. P. 174–175; Hammond N. G. L., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 581.

⁷ Nachtergael G. Op. cit. P. 152.

Павсаний сообщает, что Бренн с частью войска двинулся к Дельфам из района Фермопил через горы. За ним следовала другая часть армии под командованием Акихория. Она двигалась медленнее, так как шла с обозом⁸. Кроме того, движение войска Акихория задерживали своими атаками этолийцы (Paus. X.23.2). Единственным логическим объяснением такого разделения сил является предположение о намерении Бренна, двигаясь налегке, с частью сил быстрым маршем выйти к Дельфам и, застав греков врасплох, захватить укрепленное святилище. Бренн явно рассчитывал атаковать Дельфы в момент, когда эллины еще не успеют организовать оборону. Юстин (XXIV.7.9) называет шедших с Бренном воинов «пехотинцами, отобранными из всей армии». Очевидно, что предводители галатов имели общие сведения о расположении святилища, а также информацию о проходе к нему из района Фермопил⁹. Выйдя из района Гераклеи и течения р. Асоп, Бренн шел на юг и должен был спуститься на равнину между горами массива Парнас и горой Гъона. Так воинство Бренна оказалось в районе Амфисы или восточнее этого места и далее проследовало на восток к Дельфам через равнину Крисы¹⁰.

Говоря о составе защитников святилища, Павсаний (I.4.4) упоминает самих дельфийцев, фокейцев и отряды этолийцев. Жившие поблизости от Дельф фокеи, видимо, составляли основу войска, оборонявшего святилище. Павсаний утверждает, что фокеи более всех отличились при обороне Дельф (X.8.2). Юстин оценивает численность защитников в четыре тысячи человек, причем отряды из соседних городов продолжали подходить уже после того, как галаты Бренна прибыли в район Дельф и временно разбрелись по окрестностям (Just. XXIV.7.7). Павсаний (X.23.2) сообщает о том, что в какой-то момент подошло подкрепление из 1 200 этолийцев во главе с Филомелом. Г. Нахтергель предположил, что оно подошло к утру второго дня боев¹¹, но из слов Павсания такой вывод не следует. О подходе подкреплений Павсаний сообщает только перед описанием первого дня противостояния. Юстин также ничего не говорит о подходе подкреплений к эллинам после нападения галатов на святилище. Не ясно, входят ли эти 1 200 этолийцев в четыре тысячи, указанных у Юстина, или они пополнили войско защитников и довели его численность примерно до пяти тысяч человек. В любом случае у нас есть достаточные основания, чтобы оценивать численность защитников святилища в 4–5 тыс. человек.

Говоря об общей численности армии Бренна в ходе вторжения в Грецию, Диодор (Diod. XXII.9) и Павсаний (Paus. X.19.6) называют огромные цифры

⁸ Это могли быть выночные животные или даже повозки. Диодор упоминает о повозках в объединенной армии галатов Бренна и Акихория на этапе отступления из района Дельф (Diod. XXII.9).

⁹ Юстин упоминает о том, что некие энианы и фессалийцы сопровождали Бренна, присоединившись к нему ради добычи (Just. XXIV.7.2).

¹⁰ В стихах гимна Каллимаха (*Hymnes*, IV.179), относящихся к событиям в районе Дельф, перед описанием событий у самого святилища упоминается Крисейская долина (*πεδία Κρισσαῖα*) как район действий галатов.

¹¹ Nachtergael G. Op. cit. P. 153.

(более 150 тыс. человек), что является явным преувеличением¹². Для войска Бренна, вышедшего непосредственно к Дельфам, Павсаний (Paus. X.22.5) указывает численность в 40 тыс., а Юстин (Just. XXIV.7.9) — в 65 тыс. человек. Эти цифры также можно считать завышенными¹³, так как они не соответствуют описанию боев в районе Дельф и указанным у Павсания цифрам понесенных галатами потерь. Однако войско Бренна не было и небольшим передовым отрядом¹⁴, так как с отрядом численностью, например, в 3–5 тыс. человек Бренн не решился бы вторгнуться в Фокиду, а также атаковать сами Дельфы, когда обнаружил, что защитники этого труднодоступного для штурма святилища собирались в количестве нескольких тысяч человек.

Общую численность армии вторжения, включая отряд, оставшийся у Гераклеи, отряд, действовавший в Этолии, и войско, шедшее с Акихорием, можно оценить в несколько десятков тысяч человек. На такие масштабы армии Бренна указывает информация Тита Ливия (Liv. XXXVIII.16.2-4) о том, что еще до вторжения в Грецию от основной армии Бренна отделилось 20 тыс. человек, 10 тыс. из которых были воинами. Эта информация позволяет говорить о том, что основная армия Бренна насчитывала больше, чем 10 тыс. человек. Следует учесть, что даже после отступления галатов из Дельф греки не решились атаковать противника в ближнем бою. Это указывает на то, что войско Бренна под Дельфами даже после понесенных потерь превосходило греков числом. Однако войско Бренна под Дельфами не могло достигать 40 и тем более 65 тыс. человек. Павсаний (X.23.6) сообщает о том, что в ходе боев под Дельфами нападавшие потеряли менее 6 тыс. человек, а также некоторое количество погибших при отступлении. Очевидно, что такие потери, даже при наличии значительного количества раненых, не могли быть критическими для армии в 40–65 тыс. человек и привести к ее отступлению перед 4 тыс. эллинов. Кроме того, по описанию Павсания на второй день боев защитники святилища решились атаковать галатов, спускаясь по склону горы. Если бы 4 тыс. греков противостояла армия в 40 тыс., то такая атака была бы слишком рискованной и не привела бы к общему отступлению галатов от Дельф. С учетом этих соображений реальную численность войска Бренна, атаковавшего Дельфы, можно определить очень приблизительно в 12–20 тыс.

Добравшись до долины Крисы и окрестностей Дельф, воины Бренна уже истратили припасы, которые имели при себе. Согласно рассказу Юстина, дельфийские жрецы (по указанию оракула) запретили местным жителям увозить продовольствие из своих хозяйств (XXIV.7.6). По словам Юстина, энианы и фесалийцы, бывшие с галатами, советовали Бренну атаковать святилище сразу

¹² Nachtergael G. Op. cit. 139; Hammond N. G. L., Walbank F. W. Op. cit. P. 255.

¹³ Strobel K. Op. cit. P. 225.

¹⁴ Д. Кэмпбелл без достаточных оснований называет войско Бренна под Дельфами small detachment (*Campbell D. R. J. The so-called Galatae, Celts, and Gauls in the Early Hellenistic Balkans and the Attack on Delphi in 280–279 BC. PhD thesis. University of Leicester. Leicester, 2009. P. 260.*)

«пока враги не готовы и испуганы их неожиданным приходом» (XXIV.7.2), не дожидаться, когда пройдет ночь и защитники «воспрянут духом, может быть, подойдут к ним подкрепления, а горные тропы, которые сейчас открыты для прохода, окажутся прегражденными» (XXIV.7.3). Думается, что в тексте Юстина отразились реальные особенности стратегии и тактики галатов в этом походе: Бренн действительно рассчитывал захватить святилище, используя эффект неожиданности. Из рассказа Юстина становится ясно, что галаты оказались у Дельф под вечер. Далее Юстин сообщает, что кельты, обнаружив, что «деревни полны вина и всяких съестных припасов», рассеялись по окрестностям в поисках продовольствия (XXIV.7.4-5). Юстин называет приказание оракула «спасительным», так как «изобилие вина и прочих запасов надолго задержало галлов» и к грекам «подошли вспомогательные отряды из соседних городов», «дельфийцы, силы которых возросли благодаря помощи союзников, успели укрепить свой город раньше, чем галлы, накинувшиеся на вино, как на добычу, были собраны опять под знамена». (XXIV.7.8). Иными словами, произошло то, о чем, по утверждению историка, предупреждали Бренна: к защитникам успело подойти подкрепление (вероятно, упомянутые выше 1 200 этолийцев), защитники святилища успели усилить его оборону и частично укрепить стены города (что указывает на то, что оборонительные стены Дельф нуждались в укреплении или в ремонте), перекрыть подходы по тропам на склонах Парнаса. Вероятно, речь у Юстина идет о тропах, по которым можно было пройти к святилищу с запада, так как с востока возвышались почти неприступные скалы Федриады.

Учитывая информацию Юстина, следует считать, что галаты провели ночь в лагере, а также частично разойдясь в поисках продовольствия по окрестностям. Такая ситуация позволила отряду в 1 200 этолийцев под покровом ночи пройти к святилищу. Бренн без сомнения расположил свое войско лагерем в непосредственной близости от Дельф. В этот лагерь галаты должны были снести продовольствие из окрестных селений. Лагерь, в котором разместилось многотысячное войско, должен был иметь прямой доступ к воде, основным источником которой в Дельфах был Кастальский источник (небольшая река Плист протекает в долине существенно дальше от Дельф). Предположительно установить расположение этого лагеря помогают некоторые детали, сообщаемые Павсанием. По его словам, в ночь после первого боя некоторые отдыхающие галаты пострадали от падающих с Парнаса камней, что предполагает расположение лагеря недалеко от крутого склона. Учитывая сообщение Геродота (VIII.39) об обломках скал, упавших со склонов Парнаса на воинов Ксеркса в 480 г. до н. э. (во время греко-персидской войны) и долго сохранявшихся на территории святилища Афины Пронайи, расположенного недалеко от скал Федриад, можно предположить, что лагерь Бренна находился недалеко от этого святилища ниже теменоса Аполлона.

Рассказывая о событиях второго дня боев, Павсаний (X.23.4) говорит о том, что греки вышли из Дельф, спустились по склону и атаковали галатов, обойдя

противника (см. ниже). Если верить Павсанию, то эллины могли обстреливать галатов, находясь сами в безопасности, что предполагает наличие некоего препятствия между их позицией и расположением галатов. Лагерь не мог непосредственно примыкать к склонам Федриад, так как в этом случае фокейцам пришлось бы обходить их, спускаясь непосредственно по отрогам Федриад и атаковать галатов с этого направления метательным оружием, что едва ли возможно, учитывая крутизну и высоту этих скал. Маловероятно, что лагерь был расположен непосредственно на территории святилища Афины Пронайи, так как Павсаний не сообщает о захвате каких-либо объектов в Дельфах до первого дня боев. Вероятнее всего Бренн разместился где-то ниже Дельф по течению Кастальского ручья, но недалеко от святилища Афины Пронайи и склонов Федриад. К югу – юго-востоку от святилища галаты могли обнаружить не вполне ровное пространство, ныне поросшее оливковыми деревьями и ограниченное с востока расщелиной, образованной руслом Кастальского ручья. На другом берегу ручья на некотором расстоянии расположено святилище Афины Пронайи. Ниже и выше этого пространства склон более крутой. Расположив свой лагерь в этом районе, совсем рядом с Дельфами, Бренн имел доступ к воде и в то же время мог держать под наблюдением город и святилище. Именно здесь галаты могли находиться под обстрелом греков с другого берега Кастальского ручья, не имея при этом возможности атаковать эллинов в ближнем бою из-за разделявшей их расщелины. На наш взгляд, лагерь Бренна мог располагаться примерно на этой территории у Кастальского ручья. Другие районы вокруг Дельф плохо соответствуют некоторым или всем фактам, отраженным в источниках.

Рассказывая о Дельфах, Павсаний отмечал, что не только сам город, но и священный участок Аполлона, ограждены стеной (X.8.5). При описании боев в Дельфах ни Павсаний, ни Юстин не упоминают о стенах. Однако рукотворные укрепления в Дельфах, несомненно, существовали, причем с учетом археологических изысканий последних десятилетий следует говорить о двух линиях обороны. В северо-западной части Дельф высоко на гребне западного склона была обнаружена система укреплений, которые большинство исследователей датируют IV в. до н. э.¹⁵ Здесь находилась каменная стена толщиной около 3,3 м, которая спускалась по склону. В верхней части стены располагался небольшой форп с башнями¹⁶. Аналогичные стены на юге или востоке Дельф пока не обнаружены, но сомневаться в их наличии не приходится, так как возведение стены только на одном направлении не имело бы смысла. Кроме того, святилище, несомненно, имело периметрическую стену, окружавшую непосредственно теменос храма Аполлона. Эта стена толщиной около 1,2 м была возведена

¹⁵ См.: Bommelaer, J.-Fr. Guide de Delphes. Le site (Sites et Monuments, VII). Athènes, 2015. P. 263; Kyriakidis N., Petridis P., Zugmeyer S. Current research on the fortifications attributed to Philomelos in Delphi // AETHSE. 2015. Vol. 5. P. 965–966.

¹⁶ Kyriakidis N., Petridis P., Zugmeyer S. Op. cit. P. 966.

преимущественно в VI в. до н. э. и подновлялась в IV в. до н. э.¹⁷ Высоту разных участков этой стены определить трудно, но на современных научных графических реконструкциях представлена стена высотой порядка двух метров¹⁸. На основе процитированного выше замечания Юстина можно предположить, что некоторые участки стен нуждались в восстановлении.

Атака галатов на святилище началась на следующий день после прибытия Бренна. Данные источников позволяют приблизительно реконструировать ход событий. Первым этапом боя был штурм внешних стен. Сложный рельеф местности не позволял войску Бренна свободно маневрировать вокруг укреплений. Галаты выдвинулись из лагеря и атаковали оракул с одного-двух направлений. Учитывая сообщение Юстина об укреплении города защитниками непосредственно перед нападением, можно предположить, что внешние стены Дельф в некоторых местах находились в неудовлетворительном состоянии. Это могло сыграть решающую роль в успешном прорыве атакующих и объяснить, почему у Павсания не упоминаются штурмовые лестницы, тараны и вообще бой на стенах. Согласно описанию Юстина, во время боя греки «сопротивлялись, презирая врагов и сбрасывали с вершины скалы карабкающихся вверх галлов, то бросая в них камни, то поражая их оружием» (XXIV.8.2). Описание сражения у Юстина может быть неточным, но использованные историком выражения в этой части повествования указывают на атаку вверх по склону. В таком случае речь может идти об атаке с юга. Если галаты и атаковали стены Дельф с запада, то на небольшой высоте, причем им все равно приходилось карабкаться вверх по склону.

После прорыва через внешнюю стену укреплений галаты атаковали стену теменоса. Греки, пытавшиеся помешать кельтам проникнуть в город, должны были отступить на территорию святилища Аполлона. Удобные подходы к теменосу (по не очень крутым подъемам) существуют с юго-востока (со стороны основного входа в святилище) и с юго-запада. Менее вероятным представляется атака стен оракула с юга, где (под современной автодорогой) вниз уходит более крутой склон. Учитывая, что галатам не удалось прорваться к храму Аполлона (см. ниже), можно заключить, что они не проникли через западную или восточную стены теменоса на значительной высоте, так как в этом случае нападавшие, прорвавшись внутрь, получили бы прямой доступ к храму. С учетом численного превосходства галатов в такой ситуации защитникам не удалось бы их остановить.

Думается, что относительно невысокие и нетолстые стены теменоса не могли стать непреодолимой преградой для галатов. В некоторых местах на стены можно было ворваться без специальных приспособлений. Так, сокровищница

¹⁷ Luce J.-M. L'aire du pilier des Rhodiens. A la frontière du profane et du sacré. Fouilles de Delphes II. Athènes, 2008. P. 95–97; Bommelaer J.-Fr. Delphica 2. Les périboles de Delphes // Pallas. 2011. № 87. P. 17–25.

¹⁸ См., например: Jacquemin A., Laroche D. Notes sur quatre édifices d'époque classique à Delphes // Bulletin de Correspondance Hellénique. 2012. Vol. 136. № 1. P. 83–122.

фиванцев была построена в IV в. до н. э. прямо на стене и к ней, судя по современной реконструкции, вел проход извне¹⁹. Кроме того, без применения серьезных осадных средств с помощью бревен или плит можно было проломить ворота, которые закрывали несколько проходов в теменос. На стену высотой около двух метров можно было подняться, навалив груду камней. Не исключено также, что и стены теменоса местами имели неудовлетворительное состояние, что могло облегчить задачу нападавшим.

Из рассказа Павсания (Х.23.3) становится ясно, что в ходе штурма имел место кровопролитный бой, в ходе которого погибло «большое число фокейцев», включая Алексимаха, который, по словам географа, особенно отличился, поражая варваров. Речь здесь, видимо, идет о ближнем бое. В другом месте Павсаний прямо говорит о рукопашной схватке (*χεῖρας συνήσαν*) (I.4.4). Ожесточенный ближний бой и большие потери у оборонявшихся на защищенной позиции греков указывают на ситуацию, когда галаты прорвались через укрепления и большие массы воинов столкнулись в бою на тесном пространстве внутри святилища.

После прорыва через ограду теменоса галаты могли продвигаться вверх к храму по «священной дороге», вдоль которой располагались сокровищницы греческих городов. Павсаний и Юстин ничего не сообщают о захвате галатами самого храма Аполлона. В декрете демоса Коса (Syll. 398.1-4), составленном по свежим следам событий, прямо утверждалось, что святилище при нападении галатов осталось совершенно нетронутым (τὸ δὲ ἱερὸν διάτεφυλάχθαι). Само по себе это свидетельство весьма весомый аргумент в пользу того, что по крайней мере сам храм не был захвачен и разграблен галатами²⁰. По словам Диодора (XXII.9.5), еще до сражения пифия сообщила дельфийцам, что «бог велел им оставить на месте в оракуле (*μαντείῳ*) посвящения и все, что относилось к украшению богов, ибо бог, а с ним Белые девы, защитит все это». Данное сообщение хорошо согласуется с представлением о том, что храм (место прорицаний) остался нетронутым.

Сообщения о разграблении галатами Дельф содержатся в некоторых сравнительно поздних источниках, но практически не встречается прямых указаний на разграбление храма Аполлона. Тит Ливий (XXXVIII.48.2) вкладывает в уста полководца Гнея Манлия слова, якобы произнесенные в сенате: «но некогда галлы разграбили даже Дельфы, общий оракул всего рода людского, средоточье земного круга». Из данной фразы нельзя сделать вывод о том, идет ли речь о разграблении храма Аполлона или об ограблении города и территории теменоса. Критиковавшаяся Страбоном версия о связи между сокровищами тектосагов в Галлии и дельфийским святилищем (Strabo IV.I.13) никак не фигурирует

¹⁹ *Jacquemin A., Laroche D.* Op. cit. P. 111–113.

²⁰ На важность этого сообщения указывал У. Тарн (*Tarn W.* Op. cit. P. 156). Г. Нахтергель также признавал ценность этой информации, но допускал, что дельфийские жрецы могли искажить события и скрыть факт осквернения храма, что и отразилось в декрете (*Nachtergael G.* Op. cit. P. 94).

в ранних источниках и предположительно возникла не ранее II в. до н. э²¹. Краткое упоминание Диона Кассия (Cass. Dio XXVII.90) о разграблении галлами храма Аполлона, судя по всему, восходит к той же поздней традиции. Иногда как возможное свидетельство проникновения галатов в храм Аполлона интерпретируют сообщение Диодора о посещении Бренном некоего греческого храма²². Однако в этом сообщении не упоминается, о каком именно храме идет речь: в ходе вторжения в Грецию галаты Бренна разграбили немало святилищ.

Тем не менее есть основания считать, что в ходе боя галаты продвинулись почти до самого храма Аполлона. В гимне Каллимаха (современника событий) к острову Делос (Нумн. IV.181-185) в уста Аполлона вкладываются слова о том, что фаланги нечестивых врагов явятся у самого храма (ἀλλ' ἥδη παρὰ νηὸν ἀπαυγάζοιντο φάλαγγας δυσμενέων), «у моих треножников» (ἥδη δὲ παρὰ τριπόδεσσιν ἐμεῖο) «засверкают мечи и доспехи дерзко, и с ними щиты ненавистные²³» (пер. С. С. Аверинцева). Вероятно, в этих стихах отразились реальные детали сражения²⁴. Эти детали указывают на бой, происходивший непосредственно рядом с храмом, но намеков на разграбление храма гимн не содержит. Ситуации противостояния поблизости от храма хорошо соответствует сообщение Юстина (XXIV.8.7-8) о том, что в разгар боя в ряды греков с заклинаниями ворвались жрецы, обещавшие победу эллинам, и воодушевили защитников. Возникает вопрос: если галатам удалось подойти близко к храму, почему они его не разграбили? Была ли на территории святилища удобная оборонительная позиция, опираясь на которую, защитники могли остановить галатов? Такая позиция в Дельфах есть и располагается она как раз непосредственно у храма. Храм Аполлона (а также алтари, знаменитая Змеиная колонна с треножником, вотивные треножники Дейоменида) располагались на платформе, укрепленной полигональной стеной. Проход снизу на платформу был узким, что резко осложняло задачу штурма этого участка и лишало нападавших преимущества в численности. На защиту храма должны были сбраться все эллины, оборонявшие Дельфы. Именно на этой удобной позиции в непосредственной близости от храма защитники могли остановить воинство Бренна.

На наш взгляд, галаты прорвались наверх до полигональной стены, что позволяло им разграбить сокровищницы и все, что располагалось в теменосе ниже платформы с храмом Аполлона. Такая ситуация вполне могла

²¹ См.: Segre M. Op. cit. P. 18–42; Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic oracle*. Vol. I. Oxford, 1956. P. 257.

²² Parke H. W., Wormell D. E. W. Op. cit. P. 257.

²³ В оригинале у Каллимаха говорится о ненавистных поясах и щитах. Речь, видимо, идет о специфических для культуры Ла Тен (La Tène B2) и непривычных для греков воинских поясах в виде металлической цепи и о типичных длинных кельтских щитах-туресах. См.: Pérez Rubio A. Fabio Píctor y el doble de Breno // *Mélanges de l'Ecole française de Rome // Antiquité*. 2017. Vol. 129. № 2. P. 374–375.

²⁴ Nachtergael G. Op. cit. P. 99.

расцениваться как святотатство и частичное разграбление святилища, но не означала осквернения самого храма Аполлона. Г. Нахтергель высказал сомнения в том, что 4 тыс. защитников вообще были в силах остановить наступление 65 тыс. галатов, поэтому с учетом других сведений предположил, что храм Аполлона все же мог быть на короткое время захвачен и осквернен галатами²⁵. Однако если следовать этой логике, то четыре тысячи греков тем более не могли сами успешно атаковать огромную армию галатов. Между тем они предприняли такую атаку на следующий день. Оборонительная же позиция на полигональной стене позволяла войску, сильно уступавшему нападавшим в численности, держать оборону. Предположение о том, что дельфийские жрецы скрыли факт ограбления храма Аполлона галатами Бренна²⁶, представляется малоубедительным: на месте присутствовало множество свидетелей из разных греческих полисов (в следующие дни их стало еще больше). Можно предположить, что, столкнувшись со стойким сопротивлением оборонывшихся на узком пространстве, понеся значительные потери и разграбив часть территории теменоса, галаты отступили, не желая продолжать атаки на фоне снежной бури.

Рассказывая о штурме Дельф галатами, Павсаний и Юстин упоминают о явлении божеств и призраков героев, а также о грозных природных явлениях, сопровождавших бой: землетрясении, скатывании больших камней со склонов Парнаса, грозе и молнии. После отступления Бренна из святилища оба автора упоминают о снеге и морозе (Paus. X.23.3; Just. XXIV.8.9-10). В кратком сообщении Тита Ливия (XL.58. 3) отражена одновременность святотатства галлов в Дельфах и их божественного наказания²⁷, причем римский историк также упоминает о буре: «когда-то галлов, грабивших Дельфы, говорят, уничтожила буря» (*tempestate Gallos spoliantes Delphos fama est peremptos esse*). Обратим внимание на то, что и в данной фразе также нет указания на разграбление самого храма Аполлона. Сообщения источников о буре, молниях, землетрясении, обрушении скал в результате божественного вмешательства частично объясняются погодными условиями данного сезона, а частично — переосмыслением реальных действий защитников. Определенное влияние на описание событий в Дельфах в 279 г. до н. э. у Павсания и Юстина мог оказывать рассказ Геродота о нападении на Дельфы персов. Геродот сообщает о том, что при появлении персов у святилища Афины Пронайи якобы ударили молнии, а с Парнаса на них обрушились скалы (VIII.37). Историк добавляет, что обломки скал в его время видны на территории святилища Афины Пронайи (VIII.39). Не касаясь степени достоверности всего рассказа Геродота, отметим, что в наличии обломков на территории святилища Афины и в периодических обрушениях камней со склонов высоких Федриад сомневаться не приходится.

²⁵ Nachtergael G. Op. cit. P. 99.

²⁶ Ibid. P. 94; Parke H. W., Wormell D. E. W. Op. cit. P. 257.

²⁷ Nachtergael G. Op. cit. P. 99.

Думается, что снежная буря во время боя с галатами, о которой упоминают разные источники, вполне исторична²⁸, как и сильное похолодание в течение суток. Павсаний (X.23.4) упоминает о снеге, покрывшем за ночь склоны вокруг Дельф. У Юстина камни скатываются прямо во время сражения, но все события в Дельфах в его рассказе сжаты до одного боя. Павсаний же пишет об обрушении камней с Парнаса уже ночью после боя, причем от обрушения якобы пострадали спавшие и стоявшие на страже кельты (Paus. X.23.3). Обрушение камней с Федриад происходило время от времени. Что касается землетрясения, то совпадение такого сравнительно редкого явления с моментом атаки представляется маловероятным. Наряду с эпифанией (чудесным явлением) божеств и героев оно может быть отнесено к распространившимся вскоре²⁹ рассказам, усиливающим впечатление о прямом божественном вмешательстве.

Возможно, именно в этот вечер галаты захватили оставшееся без защиты святилище Афины Пронайи. У Диодора (XXII.9.4) сохранилось сообщение о посещении Бренном некоего храма, в котором вождь не нашел «посвящения из золота или серебра» и насмехался над скульптурными изображениями богов. Вероятно, следует согласиться с предположением А. Лампинена о том, что у Диодора речь идет, скорее всего, о посещении Бренном святилища Афины Пронайи³⁰. Трудно поверить в то, что в случае захвата храма Аполлона галаты не обнаружили бы ценных предметов и украшений. Как мы помним, тот же Диодор рассказывает, что оракул повелел дельфийцам оставить на месте все посвящения и украшения.

По мнению К. Штробеля, вечером галаты могли временно закрепиться на части территории теменоса³¹. Однако на очень ограниченной территории внутри теменоса войско Бренна не могло расположиться на ночь и рассчитывать на безопасный отдых. Учитывая ход событий следующего дня, можно заключить, что галаты поставили лагерь где-то поблизости³². Представляется, что галаты должны были разместиться в своем лагере, разбитом накануне, так как именно там находилось собранное в окрестностях продовольствие, имелся доступ к воде. Стоявшие недалеко от лагеря на территории святилища Афины Пронайи часовые могли оказаться в зоне обрушения камней, но в целом дистанция между нападавшими и защитниками позволяла галатам надеяться на отдых после боя.

В сильно сокращенном повествовании Юстина события второго дня боев в Дельфах почти не отражены. Зато рассказ Павсания весьма информативен: «С восходом солнца эллины напали на них из Дельф. Все другие напали на них с фронта (*εὐθεῖαν*), фокейцы же, которые особенно хорошо знали местность,

²⁸ Parke H. W., Wormell D. E. W. Op. cit. P. 258.

²⁹ А. Лампинен подчеркивает быстрое распространение представлений об эпифании Аполлона и божественной сотерии в Дельфах. См.: Lampinen A. Op. cit. P. 42.

³⁰ Ibid. P. 43.

³¹ Strobel K. Op. cit. P. 225.

³² Parke H. W., Wormell D. E. W. Op. cit. P. 257.

спустились по снегу по откосам Парнаса, незаметно зашли в тыл (*νότου*) кельтам и стали поражать врагов дротиками и стрелами, находясь сами в полной безопасности» (Х.23.4). Можно предположить, что греки, обнаружив, что галаты понесли серьезные потери и страдают от холода и снега, решились перейти в наступление в расчете на выгодность своей позиции, а также на комбинированную атаку с двух сторон. Галаты были едва ли готовы к бою на рассвете. Воины Бренна, многие из которых были ранены накануне и страдали от холода, находились не в лучшем состоянии. Идти навстречу нападавшим грекам было бессмысленно: двигаясь вверх по склону, галаты в любом случае оказались бы в невыгодном положении ниже нападавших. Таким образом, кельты должны были дать бой рядом с местом, на котором расположились лагерем на ночь. Согласно нашему предположению, это было пространство прямо под Дельфами, к западу от русла Кастальского источника. Павсаний говорит о том, что фокейцы обстреливали галатов, находясь в безопасности. Такая ситуация могла возникнуть, если греки спустились под склоном Федриад и вышли на восточный берег Кастальского ручья. Так как русло ручья образует достаточно глубокую, идущую вниз по склону расщелину, фокейцы могли обстреливать галатов, стоя на другом берегу ручья, не боясь быть атакованными в ближнем бою.

Обороняясь от атаки греческих отрядов сверху и одновременно находясь под обстрелом с фланга, галаты неизбежно несли тяжелые потери от метательного оружия. Павсаний (Х.23.4) так описывает происходившее: «Когда началось сражение, галаты, особенно свита Бренна — а это были из галатов наиболее отличающиеся и ростом и силой, — бодро выдерживали бой, осыпаемые со всех сторон дротиками и стрелами и еще более страдая от мороза, особенно те, которые были ранены. Когда же и Бренн получил сильную рану и его едва живого вынесли из сражения, то, теснимые со всех сторон наседавшими на них эллинами, они, полные злобы, стали отступать и своих, которые не были в состоянии следовать за ними или вследствие ран или слабости, они сами же избивали». Судя по описанию Павсания, греки, атаковавшие галатов с фронта, находились выше кельтов, что затрудняло для галатов возможность эффективно их атаковать. Фокеицы, оказавшиеся в тылу (в реальности, скорее, на фланге) у галатов, пользуясь неровностью местности, также обстреливали противника, держась на расстоянии. Перелом произошел после того, как был ранен вождь галатов³³. Кельты отступали, сохраняя порядок и добивая тяжело раненых (вероятно, для того чтобы они не попали в руки к врагам). Наседавшие греки явно не вступали в ближний бой, поэтому у галатов была возможность решить судьбу тяжелораненых и отступить, унося раненого вождя. Видимо, кельты в этот момент все еще численно превосходили греков, но многие галатские воины были ранены, а продолжать борьбу на явно невыгодной позиции было губительно. На этом боевые действия непосредственно в районе Дельф завершились.

³³ О ранении Бренна сообщает и Юстин (XXIV.8.11).

Заключение. Нападение отряда Бренна на Дельфы, задуманное как внезапная атака части кельтских сил, обернулось не только тактическим поражением данной части армии, но и предопределило общий провал галатского вторжения в Грецию. Баланс сил изменился в пользу эллинов: к грекам подходили подкрепления, а погодные условия для продолжения боевых действий были неблагоприятны. Поражение отборного войска Бренна переросло в общее отступление галатов из Эллады. Можно назвать несколько факторов, предопределивших победу эллинов. Важную роль сыграл фактор времени. На стратегическом уровне Бренн не учел проблемы, связанные с холодным временем года в горных районах Греции, решив начать вторжение осенью. На тактическом уровне сыграла роль задержка атаки на Дельфы, которая дала возможность защитникам лучше подготовиться к обороне и пополнить свои ряды за счет подходивших подкреплений. Эта задержка была спровоцирована хорошо продуманным решением дельфийских жрецов оставить продовольствие в окрестных селениях. Застать врасплох дельфийцев не получилось. Сам факт наличия значительного количества вооруженных защитников в Дельфах разрушал замысел вождя о внезапной атаке на оракул. Благодаря атакам этолийцев важную роль сыграла и задержка корпуса, двигавшегося с Акихорием³⁴. Если бы галаты Акихория появились недалеко от Дельф на второй день боев, ситуация могла решительно измениться в пользу Бренна.

Другим важным фактором, предопределившим поражение Бренна в Дельфах, стало тактическое преимущество в условиях горной местности легковооруженных греческих воинов, использовавших метательное оружие, над галатами, вооруженными для ведения ближнего боя и не имевшими (в массе своей) защитного вооружения кроме щитов (Paus. X.21.2). В отличие от фокейцев и этолийцев, галаты не имели навыков быстрого перемещения на горных склонах. Бои в районе Дельф являются ярким примером разгрома превосходящих сил противника благодаря использованию правильной тактики, а также особенностей вооружения в условиях гор.

Определенную роль в поражении галатов сыграло также незнание местности, в результате чего они не смогли блокировать Дельфы и помешать подходу к защитникам подкреплений. Немалую роль в победе греков сыграл высокий боевой дух защитников. Особенно это касается фокейцев, которые стремились реабилитироваться в глазах дельфийцев и восстановить свои права в амфикионии (Дельфийском союзе), что им в итоге и удалось (Paus. X.8.2).

³⁴ Дж. Шолтен считает, что именно появление этолийцев смешило баланс сил в сторону обронявшихся на второй день боев, в то время как другое этолийское войско задержало подход к Дельфам второй галатской армии (Cм. Scholten J. B. The politics of plunder: Aitolians and their Koinon in the early Hellenistic Era, 279–217 BC. Berkley; Los Angeles; London, 2000. P. 36). Однако, как отмечалось выше, появление 1 200 этолийцев в Дельфах произошло, скорее, накануне первого дня боев.

Литература / References

1. Bommelaer J.-Fr. *Delphica 2. Les périboles de Delphes* // Pallas. 2011. № 87. P. 13–38.
2. Bommelaer J.-Fr. *Guide de Delphes. Le site (Sites et Monuments, VII)*. Athènes: École française d’Athènes, 2015. 334 p.
3. Campbell D. R. J. *The so-called Galatae, Celts, and Gauls in the Early Hellenistic Balkans and the attack on Delphi in 280–279 BC*. PhD thesis. University of Leicester. Leicester, 2009. 355 p.
4. Champion C. *The soteria at Delphi: Aetolian propaganda in the epigraphical record* // *The American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116. № 2. P. 213–220.
5. Elsner J. *Structuring ‘Greece’: Pausanias’s Periegesis as a literary construct* // *Pausanias: Travel and memory in Roman Greece* / ed. by S. E. Alcock, J. F. Cherry, J. Elsner. Oxford: Oxford University Press. 2001. P. 3–21.
6. Hammond N. G. L., Walbank F. W. *A history of Macedonia*. Vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1988. 692 p.
7. Jacquemin A., Laroche D. *Notes sur quatre édifices d’époque classique à Delphes* // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 2012. Vol. 136. № 1. P. 83–122.
8. Kyriakidis N., Petridis P., Zugmeyer S. *Current research on the fortifications attributed to Philomelos in Delphi* // *The Archaeological Meeting of Thessaly and Central Greece (AETHSE)*. 2015. Vol. 5. P. 965–972.
9. Lampinen A. *Narratives of impiety and epiphany: Delphic galatomachy and Roman traditions of the Gallic sack* // *Studia Celtica Fennica*. 2008. № 5. P. 37–54.
10. Luce J.-M. *L’aire du pilier des Rhodiens. A la frontière du profane et du sacré. Fouilles de Delphes II*. Athènes: École française d’Athènes, 2008. 576 p.
11. Nachtergael G. *Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes. Recherches d’histoire et d’épigraphie hellénistiques*. Bruxelles: Palais des Académies, 1977. 546 p.
12. Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic oracle*. Vol. I. Oxford: Blackwell, 1956. 436 p.
13. Pérez Rubio A. *Fabio Píctor y el doble de Breno* // *Mélanges de l’Ecole française de Rome. Antiquité*. 2017. Vol. 129. № 2. P. 373–398. <https://doi.org/10.4000/mefra.4478>
14. Pierozzi A. *Reconsidering Pausanias’ possible source for the Gallic invasion of Greece (279/278 BC)* // *Dialogues d’histoire ancienne*. 2023. Vol. 49. № 1. P. 9–43. <https://doi.org/10.3917/dha.491.0009>
15. Scholten J. B. *The politics of plunder: Aitolians and their Koinon in the Early Hellenistic Era, 279–217 BC*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. 339 p.
16. Segrè M. *La più antica tradizione sull’invasione gallica in Macedonia e in Grecia (280 /279 a. Cr.)* // *Historia. Studi storici per l’Antichità classica*. 1927. Vol. 1. № 4. P. 18–42.
17. Strobel K. *Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasiens. Band 1: Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie des hellenistischen und römischen Kleinasiens*. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung, 1996. 296 p.
18. Tarn W. W. *Antigonos Gonatas*. Oxford: Clarendon Press, 1913. 501 p.

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-154-168

Петров Михаил Дмитриевич

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

petrovvm1995@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1658-6259

Исаков Владимир Алексеевич

доктор исторических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

isakov-va@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-7804-990X

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
РОБЕРТА ДЕВЕРЁ, ВТОРОГО ГРАФА ЭССЕКСА**

Аннотация. В статье рассмотрены взгляды Роберта Деверё, второго графа Эссекса и фаворита королевы Елизаветы I, на систему государственного управления Англии рубежа XVI–XVII вв. В ходе исследования затрагивается проблематика его отношения к существующей в королевстве социальной структуре общества, административно-правовой системе, а также привилегиям монархии и прерогативам парламента. В контексте произошедшего в 1601 г. восстания поднимается вопрос о том, могли ли все эти идеи в совокупности стать основой его полноценной программы переустройства Англии. Авторы приходят к выводу о том, что в случае успеха вооруженного выступления парламент, вероятнее всего, сохранил бы свои привилегии, в частности по утверждению новых субсидий короне, а монархия не лишилась бы прерогатив. Однако социальная структура могла действительно претерпеть большие изменения, связанные с вытеснением представителей «невоенной аристократии» с ведущих позиций в системе государственного управления, что в будущем могло привести и к более радикальной социальной трансформации.

Ключевые слова: Роберт Деверё, граф Эссекс, Елизавета Тюдор, джентри, английский парламент, привилегии монархии, политическая система Англии XVI–XVII вв.

Для цитирования: Петров М. Д., Исаков В. А. Социально-политические взгляды Роберта Деверё, второго графа Эссекса // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 154–168. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-154-168>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-154-168

Petrov Mikhail D.

Postgraduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

petrovvm1995@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1658-6259

Isakov Vladimir A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

isakov-va@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-7804-990X

THE SOCIO-POLITICAL VIEWS OF ROBERT DEVEREUX, 2nd EARL OF ESSEX

Abstract. The article examines the views of Robert Devereux, the second Earl of Essex and a favourite of Queen Elizabeth I, on the system of state administration in England at the turn of the 16th – 17th centuries. The study addresses the issues of his attitude towards the existing social structure of society in the kingdom, the administrative-legal system, as well as the privileges of the monarchy and the prerogatives of Parliament. In the context of the uprising that occurred in 1601, the question is raised as to whether all these ideas, taken together, could have formed the basis of his comprehensive programme for the restructuring of England. The authors conclude that in the event of a successful armed uprising, Parliament would most likely have retained its privileges, particularly in the approval of new subsidies to the Crown, and the monarchy would not have lost its prerogatives. However, the social structure could have indeed undergone significant changes related to the displacement of representatives of the «non-military aristocracy» from leading positions in the system of state administration, which in the future could have led to more radical societal transformation.

Keywords: Robert Devereux, Earl of Essex, Elizabeth Tudor, gentry, English parliament, privileges of the monarchy, political system of England in the 16th – 17th centuries.

For citation: Petrov M. D., Isakov V. A. The socio-political views of Robert Devereux, 2nd Earl of Essex // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 154–168.
<https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-154-168>

Введение. 25 февраля 1601 г. во дворе лондонского Тауэра был обезглавлен Роберт Деверё, второй граф Эссекс, до этого совершивший неудачную попытку государственного переворота. В своей монографии «Англия Тюдоров», вышедшей в свет еще в 1988 г., но изданной на русском языке лишь в 2023 г., британский историк Д. Гай утверждал, что этот амбициозный аристократ считал идеальными инструментами управления Англией те, что уже практиковались королевскими чиновниками в Ирландии. К ним можно

отнести «прямой (то есть жесткий) подход к администрации через использование военного положения, произвольное налогообложение и скорее военное, чем гражданское покровительство». В случае успеха своего предприятия, по мнению автора, Эссекс «мог бы собрать армию» и «вычистить» своих оппонентов в графствах и при дворе. В связи с этим историк утверждает, что если бы граф одержал победу, то «ключевые проблемы взаимоотношений короны с подданными — законность принудительных займов, произвольное налогообложение, расквартирование войск и введение военного положения — могли бы навсегда решиться в пользу короны»¹. В другом своем труде Д. Гай указал, что «причиной, сподвигшей Эссекса на совершенный им акт безумия, явилась его убежденность в том, что его вот-вот убьют» его политические противники и приближенные Елизаветы², без намеков на какие-либо подобные политические цели.

Другие исследователи либо делают акцент на иных целях восставших, или же утверждают, что успех вооруженного выступления мог бы привести к другим последствиям. Так, Р. Лэйси, один из биографов графа, в своей работе высказал предположение, что «они (мятежники. — М. П., В. И.) вполне могли бы свергнуть [государственного секретаря] Сесила, казнить своих врагов, получить контроль над Елизаветой и даже сделать Эссекса королем». При этом мотивами их выступления были названы «заявленные ожидания» от «вложения значительных средств в погоню за благосклонностью двора» при ее полном или частичном отсутствии, «хроническая нехватка денег», стремление установить свободу совести для различных категорий нонконформистов и даже валлийский национализм³.

В биографии Эссекса, написанной С. Б. Уоткинсом, также говорится о жизни фаворита не по средствам и о его злобе на Елизавету из-за того, что она отказалась решить его финансовую проблему путем продления срока действия монополии на сладкие вина. Тем не менее историк поднимает вопрос о связях графа с шотландским королем Яковом VI, в письмах к которому «он осуждал Сесила и Рэли как людей, которые не приветствовали бы его наследование английской короны, если бы это произошло»⁴.

Крупнейший отечественный исследователь елизаветинской Англии О. В. Дмитриева указывала, что, помимо смещения с занимаемых должностей Р. Сесила, У. Рэли и У. Кобэма и суда над ними, Эссекс и его сторонники своим восстанием стремились реализовать и иные цели, а именно «продолжение войны с Испанией, широкая раздача рыцарских званий и других пожалований воинственно настроенному дворянству, поддержка феодальной аристократии за счет буржуазных слоев

¹ Гай Дж. Англия Тюдоров: Полная история эпохи от Генриха VII до Елизаветы I. М., 2023. С. 611, 613.

² Гай Дж. Елизавета: Золотой век Англии. М., 2021. С. 407.

³ Lacey R. Robert, Earl of Essex: An Elizabethan Icarus. London, 2001. P. 270–277. Здесь и далее перевод авторов статьи.

⁴ Watkins S. B. Elizabeth I's last favourite. Robert Devereux, 2nd Earl of Essex. Winchester; Washington, 2021. P. 124.

путем монополий и других торгово-промышленных привилегий»⁵. Однако в более поздней биографии Елизаветы I О. В. Дмитриева высказалась куда более абстрактно и написала, что Эссекс «решил поднять мятеж, цели которого, похоже, до конца оставались неясны даже ему самому»⁶.

Таким образом, значительная часть историков склонна рассматривать потенциальные последствия успеха восстания Эссекса в духе «перемены основных действующих лиц» на высших должностях: Елизавету — на Якова VI или на самого графа, а текущих советников королевы — на доверенных лиц лидера мятежников. Перспективы радикальной трансформации института «короля в парламенте» и, как следствие, увеличение прерогатив короны в ущерб привилегиям парламента в их работах не затрагивается.

Целью данного исследования является комплексное рассмотрение взглядов графа Эссекса на систему государственного управления Англии рубежа XVI–XVII вв. Для ее достижения необходимо, во-первых, проанализировать личное отношение графа к сложившейся к 1601 г. социальной структуре английского общества, в значительной степени определившей вектор дальнейшего развития всей политической сферы. Во-вторых, обозначить его точку зрения на административно-правовую систему королевства в целом, в том числе прерогативы и привилегии монархии и парламента. В-третьих, выявить, были ли у него идеи изменения определенных элементов существующей социально-политической и государственно-правовой конструкции. В-четвертых, обосновать, могли ли эти идеи в совокупности стать основой его полноценной программы переустройства английского королевства.

Ход и результаты исследования. XVI в. ознаменовался для Англии заметным увеличением численности нетитулованного мелкопоместного дворянства — джентри⁷. Если в 1524 г. насчитывалось около 200 семей рыцарей и от 4 до 5 тыс. эсквайров и джентльменов⁸, то к 1600 г. их количество возросло до 500 и 16 тыс. соответственно. При этом все население королевства

⁵ Дмитриева О. В. Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI – начале XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 133.

⁶ Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М., 2012. С. 254.

⁷ Живший во второй половине XVI – начале XVII в. учений и дипломат, сэр Томас Смит в своем труде *De Republica Anglorum* так описывает социальную структуру современной ему Англии: мы «обычно делим наших людей на четыре категории: джентльмены, горожане, юмены-ремесленники и работники (*laborers*). Среди джентльменов первыми и главнейшими являются король, принц, герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны... и все они зовутся Лордами и знатью. За ними следуют рыцари, эсквайры и простые джентльмены». Именно последних и принято называть джентри. См.: *Smith T. De republica Anglorum; a discourse on the commonwealth of England / ed. by L. Alston. Cambridge, 1906. P. 31.*

⁸ Вновь обратимся к сочинению Т. Смита: джентльменом имеет право называться «всякий, кто изучает законы королевства, кто учится в университетах, кто преподает свободные науки, короче говоря, кто имеет возможность жить праздно и не заниматься физическим трудом». См.: *Smith T. Op. cit. P. 39–40.*

к концу столетия лишь удвоилось. Представители данного слоя общества занимали различные должности как в государственном аппарате, так и в местных органах власти. Многие из них стали избранными членами парламента, мировыми судьями или заместителями лордов-лейтенантов. В связи с этим в третьей четверти XX в. в англоязычной историографии был распространен тезис о том, что на протяжении длительного периода, с 1558 по 1641 г., происходил «фундаментальный переход власти и богатства от титулованной аристократии к растущему классу семей джентри, процесс, который неумолимо привел к гражданской войне в Англии, рассматриваемой в этой перспективе как эпический конфликт между приходящей в упадок знатью и набирающими силу джентри». И хотя это утверждение было во многом опровергнуто дальнейшими исследованиями⁹, внутри английского социума существовал принципиально иной антагонизм, оказавший сильное влияние на мировоззрение и политические действия графа Эссекса.

Чтобы понять его суть, для начала необходимо обратиться к «Апологии» Ф. Бэкона, бывшего клиента сэра Роберта. В ней в числе прочего приводится такой разговор философа с его патроном: «Я всегда отговаривал его (Эссекса. — М. П., В. И.) от стремления к величию» на военном поприще, так как «это могло вызвать ревность королевы, самонадеянность в нем самом, а также возмущения внутри государства». Ф. Бэкон намекал графу, что ему будет выгоднее занять высокую гражданскую должность, где он сможет использовать свое влияние для «распространения достоинства и добродетели, а также уменьшения несправедливости и тягот» среди королевских подданных. Однако сэр Роберт не стал прислушиваться к совету и ответил своему визави так: «Данное мнение исходит не от Вашего разума, но от Вашей мантии (robe)»¹⁰.

В своей же собственной «Апологии» Эссекс описывает различия, существовавшие, по его мнению, между английскими воинами (*men of war*) и судьями (*judes*). О первых он с восторгом заявляет, что любит их «за их добродетель, за величие их ума», «за их понимание», «за их привязанность». «Я люблю их ради моей страны, ибо они для Англии лучшие доспехи в обороне и оружие при нападении», — писал Эссекс. Вторые же — «маленькие человечки (*little men*)», «любящие легкость, удовольствие и выгоду». Граф подчеркивал: «То, что в целом я испытываю симпатии к военным, не должно казаться странным; каждый человек любит представителей той профессии, к которой принадлежит сам. Важные судьи благоволят изучающим юриспруденцию, преподобные епископы — духовенству, а я, с тех пор как Ее Величество ежегодно призывала меня на службу в своих последних предприятиях, должен причислять себя к ее воинам. Таким образом, Проведение указывает мне ценить последних за ту службу,

⁹ Dickinson J. Nobility and gentry // The Elizabethan world / ed. by N. Jones and S. Doran. London; New York, 2014. P. 286–288, 297–298.

¹⁰ Sir Francis Bacon his apologie, in creative imputations concerning the late Earle of Essex. 1604. // The letters and the life of Francis Bacon / ed. by J. Spedding. Vol III. London, 1868. P. 145.

которую они могут оказать; их же действия, опыт и благодарность заставляют меня ценить их и за то, что они уже сделали»¹¹.

Таким образом, на примере рассуждений Эссекса можно утверждать, что неприязнь между так называемыми дворянами шпаги (*noblesse d'épée*) и дворянами мантии (*noblesse de robe*), порой выливавшаяся в своеобразный антагонизм, была актуальна не только для стран континентальной Европы (Франции, Савои, Испанских Нидерландов)¹², но и для Англии. При этом было бы ошибочно однозначно утверждать, что к первым относились исключительно представители старой аристократии, а ко вторым — выходцы из джентри. Так, одним из обвинений Елизаветы в адрес теряющего ее расположение фаворита было то, что во время своего пребывания в Ирландии (1599)¹³ граф посвятил в рыцари 82 человека. Аналогичные ситуации произошли ранее в Нормандии (1591) и Кадисе (1596), где новый статус получили 29 и более 60 человек соответственно¹⁴. Это были люди незнатного происхождения, но проявившие себя на поле боя и являвшиеся носителями той самой воинской доблести, которая особо ценилась сэром Робертом. По выражению Д. Мервина, они «принадлежали к особой социальной субкультуре». Она, в свою очередь, «требовала наличия специфических качеств от тех, кто был ее членом». Последние же «в глазах их обладателей были намного ценнее, нежели те, которые были характерны для обладателей мантий или сутан»¹⁵.

В результате можно не просто говорить о том, что граф «сознательно стремился возродить воинственный характер рыцарства в противовес тому, что он считал чрезмерной огражданственностью (*civilization*) английской земельной элиты», произошедшей во время длительного периода мира с 1563 по 1585 г.¹⁶ Он и его сподвижники хотели создать внутри благородного сословия особую военную корпорацию, имеющую свой собственный кодекс чести, положения которого в определенных случаях могли бы противоречить (*sic!*) существующим правовым нормам. В этом случае показательны рассуждения одного из сторонников Эссекса — Джона Литтелтона. В его письме к отцу есть следующие строки: если джентльмен «не в состоянии по закону и мирным путем отстоять справедливость, необходимо обратиться к главному закону,

¹¹ Lives and letters of the Devereux Earls of Essex. Vol. I. London, 1853. P. 487–488; Mervin J. Society, politics and culture. Studies in early modern England. Cambridge, 1986. P. 429.

¹² Clark S. State and status: The rise of the state and aristocratic power in Western Europe. Montreal; Kingston; London; Buffalo, 1995. P. 185–186.

¹³ Кампания Эссекса на Изумрудном острове 1599 г. была как частью локальной Девятивалентной войны (1593–1603) между мятежными ирландскими лордами во главе с Хью О'Нилом, графом Тироном и английской администрацией, так и составляющей более масштабного противостояния между Англией и Испанией в 1585–1604 гг.

¹⁴ Hammer P. E. J. “Base rogues” and “gentlemen of quality”: the earl of Essex’s Irish knights and royal displeasure in 1599 // Elizabeth I and Ireland / ed. by B. Kane, V. McCowan-Doyle. Cambridge, 2014. P. 203, 208.

¹⁵ Mervin J. Op. cit. P. 429.

¹⁶ Hammer P. E. J. Op. cit. P. 204.

закону природы (здесь и далее курсив в цитатах наш.— *M. P., B. I.*), который утверждает, что необходимо отвечать на насилие силой»¹⁷.

И хотя их автор был человеком скорее гражданским, нежели военным, он до конца был предан Эссексу и умер во время судебного процесса над восставшими в тюрьме Королевской скамьи¹⁸. Согласно Мервину, он был, «возможно, самым умным и красноречивым из простых эссецов» и выполнял в кругу сторонников сэра Роберта функцию своеобразного идеолога. Скорее всего, именно благодаря его влиянию «приверженность этому “древнейшему” принципу закона природы была широко распространена в кругу Эссекса»¹⁹. К примеру, сам сэр Роберт во время суда заявил, что именно «закон природы вынудил его» совершить мятеж²⁰. Еще один ближайший сторонник Эссекса — Генри Ризли, третий граф Саутгемптон, на заключительном этапе восстания, во время осады правительственными отрядами Эссекс-Хауса, так ответил сэру Роберту Сидни: «Вы являетесь человеком военным, и Вы знаете, что природа обязывает нас защищаться от равных нам, и особенно от тех, кто по статусу ниже нас». Такого рода мировоззрение, естественно, предполагало повсеместное использование его носителями оружия для разрешения различных споров, причем не только в рамках дуэлей, но и столкновений с участием отрядов вооруженных слуг. Обращение же в случае конфликтной ситуации в судебные органы могло трактоваться как слабость и презиралось²¹.

Таким образом, Эссекс и его сторонники противопоставляли закон природы нормам общего права точно так же, как корпорацию военных юристам, судьям, гражданским чиновникам и прочим «выскочкам». Последних граф постоянно обвинял в том, что они его и его последователей «топчут ногами»²² и призывал к борьбе с ними. При этом необходимо отметить, что к «выскочкам» сэр Роберт и Елизавета относили совершенно разных людей. Так, королева могла применить эту характеристику к новоявленным рыцарям ее фаворита, которых она называла пустышками и бездельниками (*idle*)²³. Сам же Эссекс так обозначал исключительно тех представителей новых дворянских семей, которые «обогатились прежде всего благодаря своей деятельности в качестве юристов и придворных» и «бросили вызов» старой аристократии, претендую

¹⁷ John Littleton, to Gilbert Littleton, his father. From my lodgings in Black Fryers // Nash T. R. Collections for the history of Worcestershire. Vol. I. London, 1781. P. 494.

¹⁸ Birch T. Memoirs of the reign of Queen Elizabeth, from the year 1581 till her death. Vol II. London, 1754. P. 497.

¹⁹ Mervin J. Op. cit. P. 432.

²⁰ Cobbett's complete collection of State Trials and proceedings for high treason, and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the present time. Vol. I. London, 1809. P. 1337.

²¹ Mervin J. Op. cit. P. 430, 432.

²² Gieskes E. Representing the professions: Administration, law, and theater in early modern England. Newark, 2006. P. 112.

²³ Watkins S. B. Op. cit. P. 114.

на «их давно установившееся место в иерархии графств»²⁴. Наиболее ярким примером последних стал клан Сесилов, глава которого, сэр Уильям, первый барон Бёрли, сделал выдающуюся карьеру на государственной гражданской службе и считал, что «пылкий дух» графа, искавшего славу исключительно в «военных и опасных предприятиях», может «подтолкнуть нацию к опрометчивым и неосмотрительным действиям»²⁵.

Из вышесказанного следовал один из важнейших аспектов самооценки эссексцев — «чувство родословной», осознание своей принадлежности к древним родам²⁶. Однако этот взгляд не противоречил политике графа, направленной на привлечение в свою «фракцию» новых членов из «худородных» джентльменов, к которым Эссекс относился так же уважительно, как и к своим титулованным соратникам. Для того чтобы разобраться в этом, казалось бы, противоречии, необходимо обозначить одну важную особенность военной системы Англии описываемого периода. Она состояла в том, что экспедиционные войска, отправляемые за границу, были укомплектованы в основном из двух категорий бойцов: зачастую неопытных рекрутов, эффективность которых на поле боя зависела от способности капитанов и их младших офицеров успешно обучать их и руководить ими, а также «самофинансируемых джентльменов-добровольцев». Последние, вследствие тяжелого бюджетного кризиса в стране, снаряжались и вооружались исключительно за свой счет, но были в высшей степени мотивированы проявить себя на поле боя²⁷. К примеру, один из таких участников экспедиции Эссекса в Ирландии — сэр Джон Харингтон — потратил на это предприятие около 300 фунтов стерлингов²⁸, что было весьма значительной суммой.

Такие люди, готовые не просто вложить свои деньги в военные кампании, но и отдать жизнь за королеву и Англию на поле боя, особенно ценились графом. Именно поэтому акколада²⁹ подразумевала дальнейшее выстраивание «особых отношений с самим Эссексом», «что предполагало взаимный мир и дружбу». Все эти взаимные «обязательства и близость, связанные с рыцарством, усиливали романтический ореол его лидерства и, следовательно, укрепляли его престиж и популярность». Таким образом, внутри военной «фракции» сэра Роберта доминировала атмосфера «корпоративной солидарности». Каждый ее член, вне зависимости от своего места в сословной иерархии, был воспринимаем в качестве своего в противовес тем «выскочекам», которые возвысились не на армейском поприще. Последние при этом были в высшей

²⁴ Gieskes E. Op. cit. P. 112.

²⁵ Memoirs of the life and administration of the right honourable William Cecil, Lord Burghley / ed. by E. Nares. Vol III. London, 1828. P. 383.

²⁶ Mervin J. Op. cit. P. 432.

²⁷ Hammer P. E. J. Op. cit. P. 193.

²⁸ To master Thomas Combe [Ireland, August 31, 1599] // Harington J. Letters and epigrams of Sir John Harington, together with the prayse of private life. Philadelphia, 1930. P. 74.

²⁹ Церемония посвящения в рыцари.

степени презираемы, так как не только не рисковали собой в многочисленных битвах, но и постоянно критиковали тех, кто это делал³⁰. При этом также следует отметить, что в рамках этого сообщества религиозная идентичность играла второстепенную роль — среди его членов были как англикане, так и пуритане с католиками³¹.

И все же, несмотря на вышеописанное презрение к существующим законам и нормам общего права, сэр Роберт позиционировал себя искренним патриотом Англии и верноподданным Елизаветы I, что постоянно подчеркивалось им во время публичных речей. Точно так же и во время судебного процесса над ним он утверждал: «Я никогда... не пытался сделать что-то, кроме как для того, чтобы служить своей Стране и госпоже, [я хотел] сделать так, чтобы Ее Величество поняла меня, что я не смог сделать из-за силы моих врагов, которые окружали ее. И потому я возлагаю обвинение на всех тех, кто... пытался выставить меня предателем, папистом, сектантом и атеистом и тем, кто стремится узурпировать корону... и я не сомневаюсь, что, идя мужественно и спокойно на смерть, я докажу, что умер как добный христианин, никогда не стремившийся выйти за рамки статуса подданного»³².

Считая себя лишь «предателем закона» и жертвой «строгости и прищуд» юристов³³, Эссекс в рамках своего собственного мировоззрения оставался самым преданным дворянином Елизаветы, желающим «освободить» ее от «злых советников», а также «очистить» государственный аппарат от людей, стремящихся лишь к финансовой выгоде и чуждых идеалам жертвенности во имя родины. Исходя же из рыцарских идеалов графа, непременным аспектом которых было беззаветное служение монарху, сложно представить, что он стремился к ограничению монархии, как это указывается в труде Д. Бернарда. Конечно, определенные сторонники сэра Роберта и могли «находиться под влиянием чтения Тацита, древнеримского историка, описывающего злодеяния тиранов, особенно императора Нерона», а также воспринимать последнюю представительницу династии Тюдоров, как Ричарда II, «английского Нерона», свергнутого за тиранию в конце XIV в.³⁴, но не он сам.

Будучи человеком безрассудным, высокомерным, упрямым, импульсивным и в определенной степени инфантильным³⁵, но в то же время верным средневековым представлениям о чести, лояльности и идеалам общественного устройства, Эссекс стремился своим восстанием «привлечь внимание

³⁰ Lacey R. Op. cit. P. 233.

³¹ Mervin J. Op. cit. P. 428–429, 435–436.

³² The arraignment of the Earles of Essex and Southampton in Westminster hall on Thursdaes ye xix. of Februarie 1600 // The dr. Farmer Chetham MS., being a commonplace-book in the Chetham Library, temp. Elizabeth, James I. and Charles I., consisting of verse and prose, mostly hitherto unpublished. Manchester, 1873. P. 22.

³³ Mervin J. Op. cit. P. 430.

³⁴ Bernard G. W. Who ruled Tudor England: Paradoxes of power. London, 2023. P. 50.

³⁵ Гай Дж. Елизавета: Золотой век Англии. С. 402–403, 417.

королевы». И, как это ни парадоксально, своим поступком он пытался «вернуть ее расположение», а также наказать тех, кто «несправедливо» занял возле нее его «законное» место, « злоупотреблял ее доверием и клеветал»³⁶. С другой же стороны, он, как истинный «консерватор» своего времени, хотел замедлить (если не обратить вспять) процесс, который благодаря профессору Д. Элтону получил в англоязычной историографии название «Тюдоровская революция в правительстве». В его рамках в Англии начала формироваться модель бюрократического государства, характерного для Нового времени. В нем значительный объем власти стал постепенно концентрироваться в руках чиновников и специальных ведомств³⁷, т. е. тех самых «выскочек» и «законников», которых так ненавидел граф.

Само же поведение сэра Роберта, во время его заключения в Тауэре и на эшафоте не перестававшего демонстрировать верноподданнические чувства перед лицом смерти³⁸, красноречиво говорят о его отношении к королевским прерогативам — неотъемлемым правам казнить и миловать, даровать титулы, земли и должности, а также лишать их. Конечно, он хотел бы, чтобы Елизавета использовала их исключительно с целью продвижения интересов самого графа и его «военной фракции». Как утверждает А. Гайда, граф стремился «“завоевать” королеву или “изменить ее мнение”, манипулируя необоснованными эмоциями» правительницы, убедить ее «руководствоваться справедливостью его аргументов и уважением... к его добродетелям»³⁹. Однако он просчитался.

Каково же было отношение Эссекса к парламенту и его привилегиям? Для того чтобы ответить на этот непростой вопрос, для начала необходимо разобраться с определенным противоречием. С одной стороны, граф, как лидер армейской «партии», в условиях постоянного саботажа со стороны депутатов палаты общин по вопросам утверждения новых субсидий на ведение затянувшейся Англо-испанской войны⁴⁰, казалось бы, должен был рассматривать представительный орган как серьезное препятствие на пути скорейшей победы над «экзистенциальным» противником. Считалось, что именно он был автором многих непопулярных налогов, целью которых было финансирование боевых действий. К тому же коммонеры на рубеже XVI–XVII вв. активно выступали за отмену монополий, с одной из которых (на сладкие вина) королевский фаворит получал немалый доход, и отказываться от нее явно не было в его планах⁴¹.

³⁶ Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М., 2012. С. 258.

³⁷ Elton G. R. The Tudor revolution in government. Cambridge, 1953. P. 415.

³⁸ Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. С. 259–260.

³⁹ Gajda A. The Earl of Essex and late Elizabethan political culture. Oxford, 2012. P. 166.

⁴⁰ Петров М. Д. «Военная революция» на Западе и политические изменения в елизаветинской Англии (1558–1603 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 119–120.

⁴¹ Gajda A. Op. cit. P. 167.

С другой же стороны, сэр Роберт, постоянно стремившийся увеличить свою популярность среди народных масс, зачастую мог выступать как «друг общин», заботившийся «об экономических проблемах низших слоев населения». Именно во втором качестве он запомнился многим потомкам. К примеру, в одной из распространявшихся вариаций его предсмертной речи утверждается, что он, стоя на эшафоте, произнес следующие слова: «Я не желал палате общин зла на протяжении всей своей жизни и любил ее всем своим сердцем»⁴². Сохранилась и анонимная «Элегия о графе Эссере» (под этим выдуманным титулом подразумевается Эссекс), в которой граф перед казнью «молился... за Общины, чтобы долгим было их мирское благополучие»⁴³.

Можно ли на основании этого утверждать, что для королевского фаворита была свойственна изменчивость политических убеждений? Действительно ли он, в зависимости от текущих обстоятельств и сиюминутных тактических задач, мог легко отказаться от своих «провоенных» взглядов в пользу популизма и наоборот? Обратимся к собственным высказываниям графа, а также к словам его друзей и сторонников, так как они во многом были рупором его «фракции» в палате общин.

Начнем с последних. Упомянутый ранее Ф. Бэкон в ходе парламентской сессии 1593 г. утверждал, что единовременный сбор тройной субсидии опасен из-за вероятности социальных волнений. В ходе своего выступления философ отмечал: «Для бедных рента такова, что они пока не в состоянии ни сбрать ее, ни заплатить так много. Чтобы выплатить субсидии, джентльменам придется продать все свое столовое серебро, а фермерам — свою медную посуду». Это приведет к тому, что «мы прежде всего посеем недовольство... и тем самым поставим под удар безопасность Ее Величества, которая в большей мере должна опираться на любовь народа, а не на его благосостояние». В конце же своей речи он заявил следующее: «В итоге мы создаем плохой прецедент для себя и для нашего потомства. И в исторических трудах станут отмечать, что среди прочих наций англичане известны как покорные, принужденные и легко облагаемые налогами». За эти слова Елизавета очень сильно невзлюбила сэра Фрэнсиса, что стоило ему карьеры на государственной службе в период ее правления. Здесь следует отметить, что Эссекс затем всячески хлопотал об опальном Бэконе перед королевой⁴⁴, что говорит о том, что действия его клиента не вызвали у него раздражения.

Несколько с иной стороны подошел к проблеме субсидий другой сторонник графа — сэр Ф. Гревилл. На той же парламентской сессии он утверждал: «Что касается бедности нашей страны, то у нас нет причин считать ее бедной. Наша роскошь в одежде, посуде и всех других вещах доказывает это». Однако

⁴² Gajda A. Op. cit. P. 168.

⁴³ Elegy on the Earl of Essex // Ballads from manuscripts. Vol. II / ed. by R. Williams, F. J. Furnivall, W. R. Morfill. Hertford, 1873. P. 249.

⁴⁴ Дмитриев И. С. Остров концентрированного счастья. Судьба Фрэнсиса Бэкона. М., 2022. С. 118, 125.

«мы должны уважать тех, кто послал нас сюда» (т. е. электорат). В связи с этим необходимо «увеличить наше собственное налоговое бремя, ибо в противном случае слабые ноги будут жаловаться на слишком тяжелое тело». Всем тем же, кто не захочет этого сделать, следует опасаться, так как «если бы ноги знали свою силу так же, как мы знаем их высоту, они не были бы такими (покорными. — М. П., В. И.), как сейчас»⁴⁵. Схожим образом критиковал фискальную политику монархии и сэр Г. Унтон, также бывший клиент сэра Роберта. Он, не называя напрямую имени Р. Сесила, но намекая на него как на автора и горячего сторонника введения новых обременительных для низших слоев налогов, привлек такое внимание Елизаветы, что, по словам фаворита, королева «вздрагивала при упоминании его имени, приписывала ему популярность в народе и знала подробности всех его выступлений в парламенте»⁴⁶.

Сам же Эссекс высказывался практически в том же ключе, что его клиенты и друзья. В своей «Апологии» он как «выражал сочувствие “бедным земледельцам”, у которых “в эти последние суровые годы, как и сейчас, очень мало средств на то, чтобы жить”», так и критиковал введение новых субсидий. Решить же проблему с финансированием боевых действий против испанцев он предложил, помимо утверждения дополнительных сборов для богатых, весьма оригинальным способом. Необходимо было всего лишь взять и заставить французов с голландцами в два раза (*sic!*) увеличить свой денежный вклад в борьбу с Филиппом II. Следовательно, по подсчетам графа, Елизавета могла бы получить 150 тыс. фунтов стерлингов, не прибегая к экстраординарному налогообложению⁴⁷.

Тем не менее для нас прежде всего важно не в высшей степени наивное (или популистское?) понимание сэром Робертом нюансов международной дипломатии, а его стремление переложить тяжесть войны на тех, кто обладал огромными состояниями, но стремился прежде всего удовлетворить собственные эгоистические потребности, а не служить на благо обществу. Купцам и банкирам из Сити, наживающимся на финансировании боевых действий и кaperских экспедиций с помощью кредитов⁴⁸, и богачам-юристам Эссекс противопоставлял тех своих рыцарей, которые отдавали последние деньги на покупку снаряжения и вооружения для себя и своих слуг, а затем сами отправлялись за границу, не зная, вернутся ли они обратно домой.

Граф не имел ничего против парламента, палаты общин или ее привилегии утверждать новые налоги. Скорее всего, он воспринимал их как неотъемлемую часть сложившейся в Англии политической системы. Однако он выступал против тех депутатов и лордов, которые, предлагая новые фискальные биллы,

⁴⁵ Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I. Vol. III / ed. by T. E. Hartley. London; New York, 1995. P. 102.

⁴⁶ Gajda A. Op. cit. P. 170.

⁴⁷ Gajda A. Op. cit. P. 169.

⁴⁸ Kimmel M. S. Absolutism and Its Discontents: State and Society in Seventeenth Century France and England. New Brunswick, Oxford, 1988. P. 134.

стремились переложить большую часть финансовой нагрузки со своих кошельков на плечи низших слоев общества. Точно так же он, разумеется, не имел и ничего против гражданских должностей или титулов, но искренне ненавидел тех «выскочек», которые их получили вопреки закону природы.

Смогли ли интеллектуалы, входящие в «армейскую фракцию» графа, или же он сам обобщить свои социально-политические идеи и создать некое произведение, в котором бы они приобрели черты программы преобразования английского общества? И хотя на этот вопрос можно ответить отрицательно, следует констатировать, что в определенной степени такие попытки все же предпринимались. Однако большинство писателей, драматургов и поэтов из окружения Эссекса больше стремились в своих творениях прославить и возвеличить самого графа, нежели создать какой-то стройный идеологический нарратив, похожий на политическую программу⁴⁹.

Заключение. Таким образом, сэр Роберт и его сподвижники действительно не имели четко обозначенного плана административных реформ на случай, если бы их мятеж удался. Исходя из анализа множества разрозненных источников, мы можем сделать вывод о том, что система государственного управления Англии вряд ли бы претерпела какие-либо кардинальные изменения (во всяком случае в ближайшей к 1601 г. перспективе). Парламент, вероятнее всего, сохранил бы свои привилегии, в частности по утверждению новых субсидий короне, а монархия не лишилась бы ее прерогатив. Даже Елизавета I могла сохранить трон, если бы вновь стала любезна с сэром Робертом. Однако социальная структура английского общества могла бы действительно претерпеть значительные изменения, связанные с вытеснением представителей невоенной аристократии с государственных должностей, что в будущем могло привести и к более радикальной социетальной трансформации, затрагивающей и политическую сферу.

Литература

1. Гай Дж. Англия Тюдоров: Полная история эпохи от Генриха VII до Елизаветы I / пер. с англ. О. В. Строгановой. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2023. 736 с.
2. Гай Дж. Елизавета: Золотой век Англии / пер. с англ. В. И. Фролова. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. 592 с.
3. Дмитриев И. С. Остров концентрированного счастья. Судьба Фрэнсиса Бэкона. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 632 с.
4. Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 308 с.
5. Дмитриева О. В. Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI – начале XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 260 с.
6. Петров М. Д. «Военная революция» на Западе и политические изменения в елизаветинской Англии (1558–1603 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 107–124. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2023-14-1-107-124>

⁴⁹ Mervin J. Society, politics and culture. Studies in early modern England. Cambridge, 1986. P. 437.

7. Bernard G. W. Who ruled Tudor England: Paradoxes of power. London: Bloomsbury Publishing, 2023. 240 p.
8. Clark S. State and status: The rise of the state and aristocratic power in Western Europe. Montreal; Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1995. 520 p.
9. Dickinson J. Nobility and gentry // The Elizabethan World / ed. by N. Jones and S. Doran. London; New York: Routledge, 2014. P. 285–301.
10. Elton G. R. The Tudor revolution in government. Cambridge: Cambridge University Press, 1953. 466 p.
11. Gajda A. The Earl of Essex and late Elizabethan political culture. Oxford: Oxford University Press, 2012. 308 p.
12. Gieskes E. Representing the professions: Administration, law, and theater in early modern England. Newark: University of Delaware Press, 2006. 365 p.
13. Hammer P. E. J. “Base rogues” and “gentlemen of quality”: The Earl of Essex’s Irish knights and royal displeasure in 1599 // Elizabeth I and Ireland / ed. by B. Kane and V. McCowan-Doyle. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 184–208.
14. Kimmel M. S. Absolutism and its discontents: State and society in seventeenth century France and England. New Brunswick; Oxford: Transaction Books, 1988. 265 p.
15. Lacey R. Robert, Earl of Essex: An Elizabethan Icarus. London: Phoenix Press, 2001. 338 p.
16. Lives and letters of the Devereux Earls of Essex. Vol. I. London: John Murray, 1853. 503 p.
17. Mervin J. Society, politics and culture. Studies in early modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 485 p.
18. Watkins S. B. Elizabeth I’s last favourite. Robert Devereux, 2nd Earl of Essex. Winchester; Washington: Chronos Books, 2021. 167 p.

References

1. Guy J. Anglia Tudorov: Polnaia istoriia epokhi ot Genrikha VII do Elizavety I [Tudor England: A complete history of the era from Henry VII to Elizabeth I] / translated from English by O. V. Stroganova. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2023. 736 p. (In Russ.).
2. Guy J. Elizaveta: Zolotoi vek Anglii [Elizabeth: The golden age of England] / translated from English by V. I. Frolov. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2021. 592 p. (In Russ.).
3. Dmitriev I. S. Ostrov kontsentrirovannogo schast’ia. Sud’ba Frensisa Bekona [Island of concentrated happiness. The fate of Francis Bacon]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 632 p. (In Russ.).
4. Dmitrieva O. V. Elizaveta Tudor [Elizabeth Tudor]. 2nd ed. Moscow: Molodaia Gvardiia, 2012. 308 p. (In Russ.).
4. Dmitrieva O. V. Sotsial’no-politicheskaiia bor’ba v Anglii v kontse XVI – nachale XVII v. [Social and political struggle in England in the late 16th – early 17th centuries]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1985. 260 p. (In Russ.).
6. Petrov M. D. «Voennaia revoliutsiia» na Zapade i politicheskie izmeneniiia v elizavetinskoi Anglii (1558–1603 gg.) [“Military revolution” of Western Europe and political transformation in England during the reign of Elizabeth I] // Locus: People, Society, Culture, Meanings. 2023. T. 14. № 1. P. 107–124. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2023-14-1-107-124>

7. Bernard G. W. Who ruled Tudor England: Paradoxes of power. London: Bloomsbury Publishing, 2023. 240 p.
8. Clark S. State and status: The rise of the state and aristocratic power in Western Europe. Montreal; Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1995. 520 p.
9. Dickinson J. Nobility and gentry // The Elizabethan World / ed. by N. Jones and S. Doran. London; New York: Routledge, 2014. P. 285–301.
10. Elton G. R. The Tudor revolution in government. Cambridge: Cambridge University Press, 1953. 466 p.
11. Gajda A. The Earl of Essex and late Elizabethan political culture. Oxford: Oxford University Press, 2012. 308 p.
12. Gieskes E. Representing the professions: Administration, law, and theater in early modern England. Newark: University of Delaware Press, 2006. 365 p.
13. Hammer P. E. J. “Base rogues” and “gentlemen of quality”: The Earl of Essex’s Irish knights and royal displeasure in 1599 // Elizabeth I and Ireland / ed. by B. Kane and V. McCowan-Doyle. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 184–208.
14. Kimmel M. S. Absolutism and its discontents: State and society in seventeenth century France and England. New Brunswick; Oxford: Transaction Books, 1988. 265 p.
15. Lacey R. Robert, Earl of Essex: An Elizabethan Icarus. London: Phoenix Press, 2001. 338 p.
16. Lives and letters of the Devereux Earls of Essex. Vol. I. London: John Murray, 1853. 503 p.
17. Mervin J. Society, politics and culture. Studies in early modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 485 p.
18. Watkins S. B. Elizabeth I’s last favourite. Robert Devereux, 2nd Earl of Essex. Winchester; Washington: Chronos Books, 2021. 167 p.

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-169-183

Медоваров Максим Викторович

кандидат исторических наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
mmedovarov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9921-2219**УИЛЬЯМ ГЛАДСТОН
КАК ПОЛИТИК И ЧЕЛОВЕК
В ОСВЕЩЕНИИ «РУССКОГО ОБОЗРЕНИЯ»**

Аннотация. В сфере изучения англо-русских отношений и представлений в России о Великобритании остается недостаточно изученным отношение русского общества конца XIX в. к Уильяму Юарту Гладстону, который пользовался репутацией союзника России. Целью исследования является реконструкция отношения консервативного журнала «Русское обозрение» к Гладстону в 1890–1898 гг. Уникальность ситуации заключалась в том, что информационную кампанию по созданию положительного образа «великого старца» как идеального христианина, богослова, филолога и политика организовали лица, тесно сотрудничавшие с ним самим: Ольга Новикова и Уильям Стэд. В той или иной степени, к ней примкнули другие журналисты и три редактора «Русского обозрения» (князь Дмитрий Цертелев, Николай Боборыкин, Анатолий Александров). Российская читающая публика познакомилась с биографией Гладстона, характеристиками членов его семьи, особенностями его риторики и взглядов на все стороны жизни. Особенное сочувствие у русских консерваторов вызывали реформы в Ирландии и ее стремление к самоуправлению (англ. Home Rule — рус. гомруль). Интерес журнала к деятельности Гладстона то возрастал (вплоть до публикаций трех стенограмм его речей), то на какое-то время почти исчезал (конец 1891 – первое полугодие 1892 гг., а также 1894–1897 гг.), но в целом за восемь лет «Русское обозрение» создало целостный образ «великого старца» как союзника России, освободителя дружественной Ирландии и защитника христианства от враждебных ему начал справа и слева.

Ключевые слова: Уильям Юарт Гладстон, «Русское обозрение», общественное мнение России, русско-английские отношения 1890-х гг.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

Для цитирования: Медоваров М. В. Уильям Гладстон как политик и человек в освещении «Русского обозрения»// Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 3 (59). С. 169–183. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-169-183>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-359-169-183

Medovarov Maxim V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

mmedovarov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9921-2219

WILLIAM GLADSTONE AS A POLITICIAN AND A PERSON IN THE COVERAGE OF THE “RUSSKOE OBOZRENIE” JOURNAL

Abstract. In the field of investigating English-Russian relations and Russian ideas about Great Britain, the attitude of Russian society of the late nineteenth century to William Ewart Gladstone, who enjoyed a reputation as an ally of Russia, remains insufficiently studied. The aim of the paper is to reconstruct the attitude of the conservative journal “Russkoe Obozrenie” (“Russian Review”) to Gladstone in 1890–1898. The uniqueness of the situation was that the information campaign to create a positive image of the “great elder” as an ideal Christian, theologian, philologist and politician was organized by people who closely collaborated with him namely with Olga Novikova and William Stead. To varying degrees, other journalists and three editors of the “Russkoe Obozrenie” (Prince Dmitry Tsertelev, Nikolai Boborykin, Anatoly Alexandrov) joined it. The Russian reading public became acquainted with Gladstone’s biography, the characteristics of his family members, the peculiarities of his rhetoric and views on all aspects of life. The reforms in Ireland and its desire for Home Rule evoked particular sympathy among Russian conservatives. The journal’s interest in Gladstone’s activities sometimes grew (up to the publication of three transcripts of his speeches), sometimes almost disappeared for a time (in late 1891 – first half of 1892, as well as 1894–1897), but overall, over the course of eight years, the “Russkoe Obozrenie” created a complete image of the “Great Old Man” as an ally of Russia, the liberator of friendly Ireland, and a defender of Christianity from hostile principles on the right and left.

Keywords: William Ewart Gladstone, “Russkoe Obozrenie”, Russian public opinion, English-Russian relations in the 1890s.

Acknowledgments: the present research was funded by the RSF, project number 22-78-10006, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006/>

For citation: Medovarov M. V. William Gladstone as a politician and a person in the coverage of the “Russkoe obozrenie” journal // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 3 (59). P. 169–183. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-359-169-183>

Введение. Активное развитие исследований образа России в британском обществе второй половины XIX – начала XX в., венцом которого стали работы А. Н. Зашихина¹, не сопровождалось соответствующим по интенсивности исследованием формирования русского общественного мнения о внутренних делах Великобритании и об англо-русских отношениях данного периода. Немалый интерес представляют публикации о британской политике в ведущих российских ежемесячных журналах. В своих статьях по данной теме на примере «Русского обозрения» 1890-х гг.² мы в основном ограничились религиозными, литературными и культурными вопросами, лишь вскользь упомянув о значении ежемесячных рубрик «Письма из Лондона» и «Письма об Англии»³, а также «Современная летопись», представленных на страницах данного журнала. Содержание этих статей, относящихся к периоду борьбы за ирландское самоуправление (англ. Home Rule — рус. гомруль), четвертого правления У. Ю. Гладстона (1892–1894) и его борьбы с консерваторами Солсбери, никогда не анализировалось историками. Популярность фигуры Гладстона, имевшего репутацию пророссийского политика, среди русских консерваторов считается общим местом, но специально также не изучалась.

Специфика эпохи во многом определялась исключительной ролью близкой к Гладстону и его команде О. А. Новиковой, на протяжении более полувека почти монополизированной ролью представителя России в Англии (за исключением революционного лагеря)⁴. Деятельность Новиковой в сфере русско-английских отношений как между государствами, так и между народами не раз становилась предметом внимания в отечественных и зарубежных диссертациях⁵ и научных статьях⁶, однако и в этом случае приоритетное внимание

¹ Зашихин А. Н. «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX в.: Очерки. Архангельск, 1994; Его же. Британская Россика второй половины XIX – начала XX века. Архангельск, 2008.

² Медоваров М. В. Протоиерей Евгений Смирнов и церковная жизнь Англии 1890-х годов на страницах журнала «Русское обозрение» // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 178–188; Его же. Британская тема на страницах журнала «Русское обозрение» в 90-е годы XIX века // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 228–234.

³ Медоваров М. В. Британская тема на страницах журнала «Русское обозрение» в 90-е годы XIX века. С. 227–229.

⁴ The M. P. for Russia: Reminiscences and correspondence of madame Olga Novikoff / ed. by W. T. Stead. London, 1909. Vol. 1–2; Russian memories by madame Olga Novikoff “O. K.” / introd. by S. Graham. New York, 1916.

⁵ Mellon M. Friend or femme fatale? Olga Novikova in the British press, 1877–1925. PhD Thesis. Chapel Hill, 2010; Токтонызова Ф. М. Общественно-политическая и публицистическая деятельность О. А. Новиковой во второй половине XIX – начале XX в.: дис. .... канд. ист. наук. М., 2016.

⁶ Baylen J. O. Madame Olga Novikov, propagandist // American Slavic and East European Review. 1951. Vol. 10. № 4. P. 255–271; Алексеев М. П., Левин Ю. Д. В лондонском салоне О. А. Новиковой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 2005–2006. СПб., 2009. С. 513–579; Бородавкина Н. В. Ольга Новикова глазами современников // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 2.

отдавалось 60-м и особенно 70-м и 80-м гг. XIX в., а не последующему периоду⁷. Недавно мы затронули позднейший период деятельности О. А. Новиковой на данном поприще (1904–1917)⁸, однако в работах о влиянии Новиковой и ее английских друзей на периодическую печать России до сих пор остается крайне слабо изучен период 90-х гг. XIX в., когда она вместе со своим неизменным союзником Уильямом Стэдом вела активнейшую информационную и пропагандистскую деятельность как в британской, так и в российской («Русское обозрение», «Московские ведомости») прессе.

Целью настоящего исследования является определение отношения консервативного журнала «Русское обозрение» к У. Ю. Гладстону с 1890 по 1898 г. (хронологические рамки определяются как существованием самого журнала, так и смертью политика в начале 1898 г.). В качестве источников базы используется полная совокупность всех материалов в журнале на данную тему, а также неопубликованные письма в редакцию.

Ход и результаты исследования. Изменение отношения «Русского обозрения» к У. Ю. Гладстону как к политику и человеку поддается периодизации, как внешней, так и внутренней. Внешняя периодизация определяется основными вехами политической жизни Британии в рассматриваемое время: союзом Гладстона с ирландцами, несколькими международными кризисами 1890–1891 гг., в том числе резким обострением антироссийской кампании в Англии по вопросам об угнетении евреев в России и о положении заключенных революционеров в Сибири; триумфальным возвращением Гладстона в кресло премьер-министра (1892–1894); вето палаты лордов на принятый закон о гомруле; сменой Гладстона на Розбери и недолгими заигрываниями последнего с Россией (конец 1894 – начало 1895 г.); наконец, приходом к власти Солсбери и трудным характером англо-русских взаимоотношений в ходе армянского и критского кризисов в Османской империи (1895–1897); последними публичными выступлениями Гладстона и его смертью в мае 1898 г.

С. 58–64; Третьякова С. Н. О. А. Новикова — «неофициальный посол» России в Англии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 4. С. 103–118; Ее же. Лондонский салон О. А. Новиковой: женщина в мире мужской политики // Социальная история. 2013. № 2 (2). С. 27–43; Чикалова И. Р. Ольга Алексеевна Новикова: «неофициальный агент русского правительства» в Лондоне // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 268–286.

⁷ Кизима М. П. Русская литература и английская политическая элита: о чем говорит век XIX веку XXI (некоторые наблюдения) // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2 (2). С. 150–158; Дмитриев А. П. К специфике славянофильской позиции Н. П. Гиляровы-Платонова (письмо к О. А. Новиковой о России и Англии) // Соловьевские исследования. 2019. № 1 (61). С. 104–112.

⁸ Медоваров М. В. Ольга Новикова и англо-русские отношения (1904–1917 гг.): личные усилия и общественное мнение // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Международной научной конференции (Иваново, 27–28 марта 2024 г.) / отв. ред. А. А. Корников. Иваново, 2024. С. 425–431.

Внутренняя периодизация определяется сменой редакторов журнала «Русское обозрение» (Д. Н. Цертелев (1890–1892), Н. М. Боборыкин (июнь – сентябрь 1892 г.), А. А. Александров (1892–1898); сменой авторов рубрик «Современная летопись» и «Иностранные обозрения» (к примеру, в 1890–1891 гг. это был Д. Н. Цертелев и ведущий «Текущих вопросов международной политики» В. А. Грингмут, в 1895 г. — С. Ф. Шарапов, в 1897 г. — А. И. Елишев, в 1898 г. — С. С. Татищев; статьи за 1896 г. анонимны), а также периодами сотрудничества в журнале О. А. Новиковой и протежируемого ею У. Т. Стэда. На протяжении первых полутора лет существования журнала (январь 1890 – июль 1891 гг.) в нем публиковались «Письма из Лондона» Стэда в переводе Новиковой, причем позиция автора не всегда совпадала с редакционными оценками «Современной летописи»⁹. После годичного перерыва следующие полтора года (август 1892 – ноябрь 1893 гг.) «Русское обозрение» размещало «Письма об Англии / Письма из Англии» самой О. А. Новиковой, обрвавшиеся на известии об отклонении лордами гомруля в связи с задержками редактором А. А. Александровым сроков публикации и гонораров¹⁰. Последующий период ознаменован краткими упоминаниями Гладстона и его места в британской политике в «Иностранных обозрениях», а также трехкратным (в 1894 и 1896 гг.) появлением на страницах журнала заметок О. А. Новиковой. Такова хронологическая рамка источников по данной теме.

При детальном обследовании источников выясняется, что в ежемесячных «Письмах из Лондона» У. Т. Стэд далеко не каждый раз упоминал о Гладстоне. Но когда это происходило, то было направлено на создание максимально благоприятного впечатления о нем именно у российской публики. В феврале и марте 1890 г. цитировалась речь Гладстона в защиту ирландского лидера Парнелла от клеветы (всего за полгода до репутационного скандала, уничтожившего Парнелла как политика)¹¹. Здесь же Стэд приводил со слов Новиковой мнение Гладстона о важности одномандатных округов, где кандидаты не связанны партийной дисциплиной, а также упоминал о неприятии Гладстоном разводов¹².

В апреле 1890 г. Стэд на нескольких страницах описывал деятельность Гладстона как христианского богослова и приверженца «несокрушимой скалы Св. Писания», освещал спор вокруг каноника Лиддона (бывшего спутника Л. Кэрролла)¹³. В следующие полгода Стэд сосредоточился на уничтожающей

⁹ См. архивные материалы об отправке «Писем из Лондона» в редакцию: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 345. Д. 748. Л. 55–57; Д. 749. Л. 1, 3 об; Д. 750. Л. 15–16.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 634. Д. 108. Л. 12, 19 об; РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 694. Л. 9–30; Ф. 345. Д. 33. Л. 2–3; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 631. Д. 66. Л. 97 об, 165 об; Д. 67. Л. 18, 72, 161 об.

¹¹ Стэд У. Письма из Лондона // Русское обозрение. 1890. № 3. С. 365–366.

¹² Там же. № 2. С. 746–750.

¹³ Там же. № 4. С. 849–850.

критике консервативного кабинета Солсбери (по ирландскому вопросу, по соглашениям с Германией об обмене территориями, по конфликту с Португалией и империалистическим проектам в Африке, а также об армянском вопросе и проблеме кабаков в Англии). Чтобы создать впечатление объективности, Стэд подчеркивал, что враги Гладстона из «Таймс» признают великолепие его речей. В ноябре 1890 г. по поводу четырехчасовой речи политика об Ирландии и его выступлений против критиков Библии журналист отметил: «Он удивительный старец, один из самых удивительных когда-либо существовавших на свете. Чем больше мы на него смотрим, тем больше дивимся при виде того, что он один по-видимому приобретает новые силы, расходя их»¹⁴. Стэд приводил признание Гладстона: «Для меня нет отдыха более полезного, как замена одного занятия другим»¹⁵. В качестве свидетельства успехов политика приводились новые победы его однопартийцев на довыборах в отдельных округах.

В конце 1890 г. в Англии началась антироссийская кампания в прессе и среди политиков, связанная с темой «преследований» евреев в России¹⁶. В этот момент Гладстон как лидер оппозиции снова вышел на сцену, произнеся речь о еврейском и финляндском вопросах, которая могла рассматриваться как компромиссная между позициями России и английского общества. Стэд убеждал русских читателей, что победа либералов Гладстона на довыборах в парламент в ряде округов — хороший знак¹⁷. Однако на сей раз он не встретил понимания со стороны редактора «Русского обозрения» Д. Н. Цертелева, который впервые позволил себе критически отзываться о «старце», отметив, что ему следовало бы сообщать российскому правительству свое мнение о ситуации напрямую, а не через речь на митинге «перед тысячами избирателей, ровно ничего не знающих о внутреннем положении России»¹⁸. Цертелев отметил, что Гладстон выступает с позиций своих интересов, требуя обособленного положения и фактической независимости Финляндии от России, в то время как интересы России прямо противоположны. Критика в адрес Гладстона здесь была явственной, но очень мягкой по тону, учитывая, что чуть ранее Цертелев призывал к разрыву отношений с Великобританией вообще¹⁹.

Декабрьский выпуск 1890 г. был посвящен двум событиям, сильно удивившим по желанию О. А. Новиковой сблизить русское общество с позициями Гладстона: скандалу вокруг личной жизни Парнелла и нарастанию

¹⁴ Стэд У. Письма из Лондона // Русское обозрение. 1890. № 11. С. 356.

¹⁵ Там же. С. 356.

¹⁶ Медоваров М. В. Ольга Новикова, Дмитрий Цертелев и общественное мнение в период «еврейского кризиса» 1890–1891 гг. // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: сб. науч. тр. Вып. 4: Еврейский вопрос в Российской империи и СССР. М., 2023. С. 48–61.

¹⁷ Стэд У. Письма из Лондона // Русское обозрение. 1890. № 11. С. 355–359.

¹⁸ Современная летопись // Русское обозрение. 1890. № 11. С. 420–421.

¹⁹ Там же. № 8. С. 859–863.

антироссийского радикализма на лондонских митингах в защиту евреев²⁰. Стэд называл Парнелла лжецом, который тщетно клевещет на Гладстона — единственного гаранта гомруля. Английский журналист убеждал русскую публику: «Когда г. Гладстон что-нибудь решит, он никогда ничего не делает наполовину. <...> Г. Гладстон, по обыкновению, поднялся на высоту положения и поразил г. Парнелла громом и молнией»²¹.

В том же номере В. А. Грингмут впервые порицал Гладстона как «злого гения Англии», осуждал ирландцев Парнелла как «разлагающий государство элемент» и положительно оценивал его соперников — прежних тори времен Веллингтона²². По мнению Грингмута, Англия в XIX в. объективно прыгала в пропасть демократизации, но Гладстон сознательно встал во главе данного процесса и лишь в последний момент отшатнулся от крайностей Парнелла.

Однако редактор «Русского обозрения» Д. Н. Цертелев не поддержал антигладстоновской позиции Грингмута и позволил Стэду продолжать цикл своих корреспонденций в 1891 г., освещая все новые и новые успехи либералов на довыборах, хотя в начале года в Англии развернулась еще одна антироссийская кампания, на сей раз по поводу условий содержания ссыльных революционеров в Сибири. Теперь публицист доказывал, что Парнелл подставил Гладстона, но это не мешает либералам продолжать выигрывать места на довыборах и усиливать свои позиции²³. В июле 1891 г., когда на хирургическом столе умер сын Гладстона, а он сам лечился от гриппа на море, Стэд прямо заявлял, что старец незаменим: «Смерть г. Гладстона до такой степени изменила бы положение английской политики, что было бы совершенно бесполезно что-либо обдумывать вперед»²⁴. Журналист верно сумел предугадать, что преемником Гладстона станет Розбери, непригодный, однако, на роль лидера.

Вслед за этим О. А. Новикова опубликовала в «Русском обозрении» апологетическую статью «Детство и отрочество Гладстона» (написана 25 июля 1891 г.)²⁵, которую приветствовал в письме сам Д. Н. Цертелев²⁶. В статье создавался образ Гладстона как с юности благочестивого человека, который только что мужественно и с упнованием на Бога принял смерть своего старшего сына и наследника. «Вся жизнь и весь строй мыслей» политика, по словам Новиковой, «глубоко проникнуты учением Спасителя»²⁷. Приводились случаи из школьных и студенческих лет политика, когда он самоотверженно бросался

²⁰ Стэд У. Письма из Лондона // Русское обозрение. 1890. № 12. С. 769–779.

²¹ Там же. С. 773–774.

²² Spectator [Грингмут В. А.]. Текущие вопросы международной политики. VIII. Гордый Альбион // Русское обозрение. 1890. № 12. С. 822–825.

²³ Стэд У. Письма из Лондона // Русское обозрение. 1891. № 2. С. 814; № 3. С. 355–356; № 6. С. 838–839.

²⁴ Там же.. № 7. С. 390–391.

²⁵ Новикова О. А. Детство и отрочество Гладстона // Русское обозрение. 1891. № 8. С. 908–913.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 345. Д. 892. Л. 1.

²⁷ Новикова О. А. Детство и отрочество Гладстона. С. 909.

на защиту нравственности против мнения большинства. «Насколько он дорожит богатством мысли, настолько он равнодушен к пошлому мишуруному блеску», — подчеркивала Новикова²⁸. В то же время она объясняла читателям, почему в юности он метался между тори и вигами, при этом неизменно защищая свои твердо определенные убеждения. Когда Гладстону не мешали «парламентские оковы», требующие безнравственной политики, он являл образец нравственности. Создавая свой очерк в форме рецензии на только что вышедшую биографию Гладстона за авторством Дж. Расселла, О. А. Новикова рисовала перед читателями «Русского обозрения» идиллический образ предков политика и его собственной семьи. Она предрекала Гладстону победу на ближайших парламентских выборах и называла его человеком сильной воли, который умеет ждать. «Религиозной подкладки никто не мог в нем уничтожить, и в ней нужно искать ключ ко всей жизни восьмидесятилетнего старца»²⁹.

Август 1892 г. ознаменовался триумфальной победой либералов на выборах и возвращением Гладстона к власти. 83-летний старец в четвертый раз стал премьер-министром Соединенного Королевства. Его возвращение к власти было отмечено в рубрике «Современная летопись» под редакцией Н. М. Боборыкина со ссылкой на мнение О. А. Новиковой, которая, естественно, давала оптимистические оценки. Редактор писал о Гладстоне: «Все еще полный энергии и сил, полный жизни, замыслов и планов, бодро и смело принимает он в свои опытные, искусные руки бразды правления»³⁰. Н. М. Боборыкин надеялся на улучшение англо-русских отношений при «новом старом» премьер-министре: «Имея достаточное понятие о нравственном облике этого мужа и руководствуясь опытом прежних лет, мы льстим себя надеждой, что с переходом власти в его руки обычное, неуклонное служение его интересам своей страны не помешает внесению гораздо большей, чем при его предшественнике, порядочности и добросовестности в отношения к другим державам»³¹.

Сама О. А. Новикова в том же номере журнала позволила себе откровенно агитационную статью, в которой писала, что Гладстон «практически спас Россию», описывала для русских читателей его преимущества перед анти-российскей политикой Дизраэли и Солсбери, в подробностях рассказывала о многолетней вражде между Гладстоном и королевой Викторией³². Публицистка критиковала также конституционную монархию и парламентаризм как вредные явления, мешающие развернуться гению Гладстона в качестве вождя в полную силу: «Мы, русские, тоже не должны забывать, что справедливый и честный Гладстон был вынужден тем же общественным мнением чуть не покориться с Россией из-за Пендже»³³ (оазиса на туркменско-афганской границе).

²⁸ Новикова О. А. Детство и отрочество Гладстона. С. 910.

²⁹ Там же. С. 913.

³⁰ Современная летопись // Русское обозрение. 1892. № 8. С. 753.

³¹ Там же. С. 754.

³² Новикова О. А. Письма об Англии // Русское обозрение. 1892. № 8. С. 804–806.

³³ Там же. С. 807.

Крайне важным измерением деятельности своего кумира О. А. Новикова считала его борьбу за христианские «правила игры» в политике: «Верующие энтузиасты, как Гладстон, готовы пожертвовать собою, лишь бы удачнее направить этот поток народных сил на стезю долга, достойных христианской страны»³⁴.

В конце года О. А. Новикова описывала в героических тонах противостояние Гладстона с правящей британской династией, консерваторами и левыми супфражистками, его борьбу за христианские начала государства, против пьянства и против назначения атеистов на ответственные посты³⁵. Отмечая значение Гладстона как литературоведа и богослова, О. А. Новикова подчеркивала, что он «развил в себе драгоценную способность деспотически руководить своими мыслями»³⁶. Говоря о планируемых премьер-министром реформах, наибольшим препятствием для них публицистка справедливо считала палату лордов, право вето которой воспринимала как неприемлемый и вредный архаизм, поддерживавшийся со стороны Солсбери; она знакомила читателей «Русского обозрения» с обсуждавшимися в Британии планами государственного и даже военного переворота с целью ликвидации права вето у лордов³⁷. Детально описывалась церемония присвоения Гладстону звания почетного гражданина Ливерпуля, которую он использовал для защиты русского православия от нападок Владимира Соловьева и для борьбы за трезвость в Англии: «Когда представляется возможность говорить о нравственных вопросах, Гладстон входит в свою любимую сферу, как будто исключающую из его памяти все остальные»³⁸.

В декабре 1892 г. О. А. Новикова подробно освещала борьбу вокруг билля о гомруле Ирландии, противопоставляя секретность его содержания открытости русского правительства накануне отмены крепостного права³⁹. Она убеждала читателей «Русского обозрения» сочувствовать битве Гладстона против лордов, верить в его проверенную временем способность к постепенным реформам и к установлению справедливости для автономной Ирландии, а также быть снисходительными к тому, что возможности русофилы Гладстона ограничены британской элитой. В феврале 1893 г., когда наконец-то был обнародован текст билля о гомруле, Новикова назвала речь Гладстона «великой страницей в истории Великобритании»⁴⁰ и сравнила ее с Бородинской битвой (!), призывала покончить с позором насилиственного управления Ирландией в режиме чрезвычайного положения и с нулевым представительством ирландцев в британском правительстве на протяжении ста лет. Публицистка одобряла апелляцию Гладстона к совести английского народа и его отсылки к 85-процентному большинству сторонников гомруля среди депутатов от Ирландии, выражала

³⁴ Новикова О. А. Письма об Англии. С. 809.

³⁵ Там же. № 11. С. 260, 265.

³⁶ Там же. № 12. С. 890.

³⁷ Там же. С. 891–894.

³⁸ Там же. С. 889.

³⁹ Там же. 1893. № 1. С. 331–336.

⁴⁰ Там же. № 3. С. 367.

твёрдую веру в правоту ирландского дела, в единство католиков и протестантов в борьбе за самоопределение острова, в победу билля о гомруле, подчеркивала объективные условия англо-русского сближения на этой почве⁴¹. Новикова предполагала, что ирландские депутаты останутся в британском парламенте без права голоса по общим вопросам королевства, но одновременно получат и собственный парламент в Дублине.

Приводился ответ Гладстона на угрозы палаты лордов наложить вето на его законопроект: «Палата, без сомнения, убедится, что чем скорее она уступит, чем скопее она дарует Ирландии просимые у нее права, тем скорее она смешет всю прежнюю неправду и вражду, открыв эру мира и взаимного благоволения. Что же касается до меня, то я должен сказать, что я не могу и никогда не захочу завещать отечеству наследие раздора. Этот раздор передавался из рода в род почти беспрерывно вот уже семь столетий со всеми его бедственными последствиями. Я не хочу иметь ни участия, ни удела в таком процессе. Забудем прошлое и похороним мертвых»⁴². «Гладстон как будто проникся стихами нашего дорогого Тютчева», — восклицала О. А. Новикова. Публикация в «Русском обозрении» десяти страниц стенограммы речи Гладстона в палате общин (с короткими комментариями О. А. Новиковой) была явлением беспрецедентным в русской периодической печати конца XIX в. Уникальным было и то, что Новикова цитировала мнения полутора десятков британских газет (как сторонников, так и противников гомруля), знакомя русскую публику с широким спектром мнений о Гладстоне, от отказа ему в государственной мудрости и обвинений в поддержке «разложения анархии» в Ирландии до восхвалений смелости, благородства, «великой, беспримерной государственной мудрости» премьер-министра⁴³. «В конце концов, как на это уже указывают дополнительные выборы, Ирландия, благодаря железной воле Гладстона, получит свой гомруль, а он — блестящее место в истории цивилизованного мира!» — заключала О. А. Новикова⁴⁴.

Именно в это время С. А. Бердяев (братья известного философа) предлагал А. А. Александрову опубликовать в майском выпуске «Русского обозрения» поэму о Гладстоне, прославлявшую его как евангельского пророка «с печатью божества на старческом челе», как провозвестника мира в отношении Ирландии, Египта и России. С. А. Бердяев особенно подчеркивал, что «Ирландии сочувствовали искони консерваторы целого мира», и поддерживал кампанию «Русского обозрения» по поддержке билля о гомруле⁴⁵. Поэма С. А. Бердяева представляет немалый интерес и даже сегодня достойна публикации. Однако вместо нее Александров опубликовал тогда очередной новиковский панегирик выздоровевшему Гладстону⁴⁶. О. А. Новикова вновь приводила стенограмму

⁴¹ Новикова О. А. Письма об Англии. № 3. С. 366–389.

⁴² Там же. С. 378.

⁴³ Там же. С. 379–388.

⁴⁴ Там же. С. 389.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–4.

⁴⁶ Новикова О. А. Письма из Англии. № 5. С. 295–302.

речи Гладстона в палате общин о том, что Британскую империю строил «гений, энергия, терпение и кровь ирландцев», что они стали состоявшейся нацией. Отмечался призыв премьер-министра поднять на борьбу с лордами общественное мнение США, Канады, Австралии. Новикова в очередной раз сравнивала русские порядки с наделением крестьян землей с аномальной отсталостью Британии, где по этому вопросу все еще спорят.

После полугодового молчания О. А. Новикова вернулась на страницы «Русского обозрения» в ноябре 1893 г. с крайне эмоциональной статьей, заголовок которой был набран заглавными буквами: «Объявление войны»⁴⁷. Речь шла о «войне» Гладстона с палатой лордов, наложившей вето на законопроект о гомруле. Статья полностью — на двенадцати страницах — приводила Эдинбургскую речь премьер-министра от 27 сентября с его ультиматумом лордам («Подчинитесь воле английского народа, или он вас уничтожит»), призывала его и дальше расшатывать основы британских порядков. Гладстон вспоминал различные злодеяния пэров и резюмировал: «Палата лордов в течение ста лет не способствовала ни на одну йоту народным льготам и свободам, не сделала ничего для блага государства. Напротив, во весь этот период она поддерживала всякое злоупотребление, она отказывала всячески в справедливости и отклонила реформы. Она безответственна, но пристрастна, упорна без отваги, произвольна без ума и нахальна без знания»⁴⁸. О. А. Новикова выражала необоснованную веру в то, что с помощью королевы Виктории удастся сломить сопротивление лордов и реформировать ее, что Гладстон, которого она сравнивала с князем Святославом, воздвиг «новый храм войны на жизнь и на смерть»⁴⁹. Вероятно, провал этой идеи и отставка Гладстона в 1894 г. с постов премьер-министра и лидера либеральной партии привели к долгому молчанию О. А. Новиковой. В своих последних статьях в «Русском обозрении» за август 1894 г., март и июнь 1896 г. она уже не упоминала Гладстона, останавливаясь только на иных аспектах своей борьбы с русофобскими настроениями в Англии и находя себе союзников даже среди консервативной партии⁵⁰.

Ушедший в оппозицию Гладстон в эти годы активно выступал в защиту армян в Турции, но общее настроение российской печати становилось все более протурецким и антиармянским, поэтому гуманитарные призывы Гладстона больше не находили в России такого сочувствия, как двадцатью годами ранее по болгарскому вопросу. Тем не менее О. А. Новикова убеждала читателей «Русского обозрения», что Англия готова изменить позицию, отказаться от империализма и недавних захватов (Кипр, Египет), обеспечив в сотрудничестве

⁴⁷ Новикова О. А. Письма из Англии. № 11. С. 346–360.

⁴⁸ Там же. С. 350.

⁴⁹ Там же. С. 360.

⁵⁰ Новикова О. А. Воспоминания о Кинглеке // Русское обозрение. 1894. № 8. С. 776–787; Ее же. Политический калейдоскоп // Русское обозрение. 1896. № 3. С. 414–422; Ее же. Лекки о «демократии и свободе» // Русское обозрение. 1896. № 6. С. 541–553.

с Россией безопасность армянского населения⁵¹. В декабре 1896 г. она упомянула слова Гладстона о том, что бывшие министры не имеют права разглашать сведения о правительственной деятельности без разрешения королевы⁵².

Единую позицию относительно англо-русских отношений «Русское обозрение» при главном редакторе А. А. Александрове так и не выработало. Даже в 1898 г. в журнале одновременно появлялись статьи и за, и против политики Великобритании (то же самое проявлялось и в отношении США). Однако в связи со смертью 89-летнего Гладстона в «Русском обозрении» летом 1898 г. появился короткий отзыв С. С. Татищева⁵³. Публицист процитировал некролог из «Русского слова» (газеты, которая на тот момент издавалась А. А. Александровым и имела фактически общую редакцию с «Русским обозрением»), в котором Гладстон характеризовался как «великий старец», «светлая и чистая личность», покорявший своим обаянием многих, как отлично образованный и умный любимец английского народа. Подчеркивалась его абсолютная честность, неучастие в любых финансовых и биржевых схемах. При этом признавалось, что с точки зрения некоторых историков, «деятельность Гладстона на политическом поприще была ошибочна и вредна»⁵⁴. Заключительная фраза С. С. Татищева была выдержана в духе новиковских корреспонденций: «Нам, русским, среди всех народов просвещенного мира остается только сказать: “Вечная память великому старцу-идеалисту, верившему еще в то, что и в политике можно сохранять честность и благородство”»⁵⁵.

Такая оценка не противоречила позиции консервативной прессы в России в целом. «Русский вестник» одновременно позволил себе опубликовать большой (11 страниц) некролог о «Великом Старце», в котором рассказывалась его биография и восхвалялись «гражданский подвиг», «настоящий патриотизм», «благородство побуждений», подчеркивалось, что Гладстон «единогласно признан всеми за величайшего англичанина нашего столетия»⁵⁶.

Заключение. «Русское обозрение» достаточно регулярно освещало деятельность У. Ю. Гладстона как лидера оппозиции в 1890–1891 гг. (с годичным перерывом в августе 1891 – августе 1892 гг.) и первый этап его деятельности на посту премьер-министра (до провала билля о гомруле осенью 1893 г.). В статьях У. Т. Стэда в переводах О. А. Новиковой, а также в статьях самой О. А. Новиковой создавался и культивировался образ Гладстона как наилучшего политика, почти святого христианина, друга России, деятельность которого, впрочем, сковывают различные ограничения британской политической системы.

⁵¹ Новикова О. А. Письма из Англии. 1896. № 12. С. 1043–1049.

⁵² Там же. С. 1043.

⁵³ Не Дипломат [Татищев С. С.]. Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1898. № 4. С. 787–788.

⁵⁴ Там же. С. 787.

⁵⁵ Там же. С. 787–788.

⁵⁶ Вильям Гладстон // Русский вестник. 1898. № 6. С. 357–368.

Диссонансом звучала критика Гладстона справа со стороны В. А. Грингмута и некоторые скептические замечания Д. Н. Цертелева. Под влиянием журналистского tandemia О. А. Новиковой и У. Т. Стэда читатели «Русского обозрения» поддержали миф о Гладстоне как об уникальном, праведном политику и человеке, о чем свидетельствует поэма С. А. Бердяева. В 1894–1896 гг. упоминания ушедшего в оппозицию Гладстона были единичны, но его кончина в 1898 г. вызвала сочувственные некрологи в консервативной прессе России — «Русском обозрении», «Русском слове» и «Русском вестнике». Таким образом, процесс мифологизации «великого старца» в общественном сознании России в целом увенчался успехом.

Литература

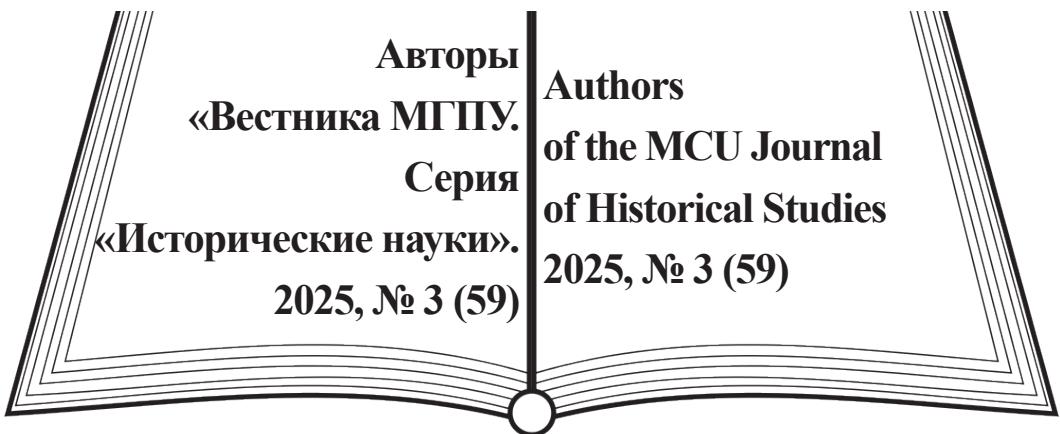
1. Алексеев М. П., Левин Ю. Д. В лондонском салоне О. А. Новиковой / публикация Н. Д. Кочетковой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 513–579.
2. Бородавкина Н. В. Ольга Новикова глазами современников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 58–64. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2012-12-2-58-64>
3. Дмитриев А. П. К специфике славянофильской позиции Н. П. Гилярова-Платонова (письмо к О. А. Новиковой о России и Англии) // Соловьевские исследования. 2019. № 1 (61). С. 104–112.
4. Зашихин А. Н. Британская Россика второй половины XIX – начала XX века. Архангельск: Солти, 2008. 112 с.
5. Зашихин А. Н. «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX в.: очерки. Архангельск: Поморский международный педагогический университет, 1994. 208 с.
6. Кизима М. П. Русская литература и английская политическая элита: о чем говорит век XIX веку XXI (некоторые наблюдения) // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2 (2). С. 150–158.
7. Медоваров М. В. Британская тема на страницах журнала «Русское обозрение» в 90-е годы XIX века // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 228–234. <https://doi.org/10.31857/S013038640004850-3>
8. Медоваров М. В. Ольга Новикова, Дмитрий Цертелев и общественное мнение в период «еврейского кризиса» 1890–1891 гг. // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: сб. науч. тр. Вып. 4: Еврейский вопрос в Российской империи и СССР. М.: Эдитус, 2023. С. 48–61.
9. Медоваров М. В. Ольга Новикова и англо-русские отношения (1904–1917 гг.): личные усилия и общественное мнение // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Международной научной конференции (Иваново, 27–28 марта 2024 г.) / отв. ред. А. А. Корников. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2024. С. 425–431.
10. Медоваров М. В. Протоиерей Евгений Смирнов и церковная жизнь Англии 1890-х годов на страницах журнала «Русское обозрение» // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 178–188. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2019-10037>
11. Токтоныязова Ф. М. Общественно-политическая и публицистическая деятельность О. А. Новиковой во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2016. 200 с.

12. Третьякова С. Н. Лондонский салон О. А. Новиковой: женщина в мире мужской политики // Социальная история. 2013. № 2 (2). С. 27–43.
13. Третьякова С. Н. О. А. Новикова — «неофициальный посол» России в Англии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 4. С. 103–118.
14. Чикалова И. Р. Ольга Алексеевна Новикова: «неофициальный агент русского правительства» в Лондоне // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 268–286.
15. Baylen J. O. Madame Olga Novikov, Propagandist // The American Slavic and East European Review. 1951. Vol. 10. № 4. P. 255–271.
16. Mellon M. Friend or femme fatale? Olga Novikova in the British Press, 1877–1925. PhD Thesis. Chapel Hill, 2010. 67 p.

References

1. Alekseev M. P., Levin Yu. D. V londonskom salone O. A. Novikovo [In the London salon of O. A. Novikova] / publication by N. D. Kochetkova // Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2005–2006 gg. [Yearbook of the Pushkin House Manuscript Department for 2005–2006]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2009. P. 513–579. (In Russ.).
2. Borodavkina N. V. Ol'ga Novikova glazami sovremennikov [Olga Novikova, through the eyes of her contemporaries] // Izvestiya of Saratov University. History, International Relations. 2012. Vol. 12. Issue 2. P. 58–64. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2012-12-2-58-64> (In Russ.).
3. Dmitriev A. P. K spetsifike slavianofil'skoi pozitsii N. P. Giliarova-Platonova (pis'mo k O. A. Novikovo o Rossii i Anglii) [Some specifics of the slavophilic stance of N. P. Gilyarov-Platonov (as evidenced in his letter to O. A. Novikova about Russia and England)] // Solovyov Studies. 2019. № 1 (61). P. 104–112. (In Russ.)
4. Zashikhin A. N. Britanskaia Rossika vtoroi poloviny XIX – nachalo XX veka [British Rossica of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Arkhangel'sk: Solti, 2008. 112 p. (In Russ.).
5. Zashikhin A. N. «Gliadia iz Londona». Rossiiia v obshchestvennoi mysli Britanii. Vtoraia polovina XIX – nachalo XX v. [“Looking from London”. Russia in British public thought. Second half of the 19th – early 20th century]: essays. Arkhangel'sk: Pomorskii mezdunarodnyi pedagogicheskii universitet, 1994. 208 p. (In Russ.).
6. Kizima M. P. Russkaia literatura i angliiskaia politicheskaia elita: o chem govorit vek XIX veku XXI (nekotorye nabliudeniia) [Russian literature and the British political elite: What the 19th century tells the 21st (a few observations)] // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2017. № 2 (2). P. 150–158. (In Russ.).
7. Medovarov M. V. Britanskaia tema na stranitsakh zhurnala «Russkoe obozrenie» v 90-e gody XIX veka [The British theme on the pages of the magazine “Russian Review” in the 90s of the 19th century] // Modern and Contemporary History. 2019. № 3. P. 228–234. <https://doi.org/10.31857/S013038640004850-3> (In Russ.)
8. Medovarov M. V. Ol'ga Novikova, Dmitrii Tsertelev i obshchestvennoe mnenie v period «evreiskogo krizisa» 1890–1891 gg. [Olga Novikova, Dmitry Tsertelev and public opinion during the “Jewish crisis” of 1890–1891] // Konfessional'nye i etnicheskie gruppy rossiiskikh regionov v XIX–XXI vv. Vyp. 4: Evreiskii vopros v Rossiiskoi imperii i SSSR [Confessional and ethnic groups of Russian regions in the 19th – 21st centuries. Vol. 4: The Jewish question in the Russian Empire and the USSR]: collection of scientific papers. Moscow: Editus, 2023. P. 48–61. (In Russ.).

9. Medovarov M. V. Ol'ga Novikova i anglo-russkie otnosheniia (1904–1917 gg.): lichnye usiliia i obshchestvennoe mnenie [Olga Novikova and English-Russian relations (1904–1917): personal efforts and public opinion] // Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ivanovo, 27–28 marta 2024 g. [The state, society, and the church in the history of Russia of the 20th – 21st centuries: proceedings of the XXIII International Scientific Conference (Ivanovo, March 27–28, 2024)] / ed. by A. A. Kornikov. Ivanovo: Ivanovskii gosuniversitet, 2024. P. 425–431. (In Russ.).
10. Medovarov M. V. Protoierei Evgenii Smirnov i tserkovnaia zhizn' Anglii 1890-kh godov na stranitsakh zhurnala «Russkoe obozrenie» [Archpriest Evgeny Smirnov and church life in England in 1890s on the pages of journal “Russkoe Obozrenie”] // Khristianskoye chteniye [Christian Reading]. 2019. № 2. P. 178–188. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2019-10037> (In Russ.).
11. Toktonyazova F. M. Obshchestvenno-politicheskaiia i publitsisticheskaiia deiatel'nost' O. A. Novikovo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Socio-political and journalistic activities of O. A. Novikova in the second half of the 19th – early 20th centuries]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow: MGU, 2016. 200 p. (In Russ.).
12. Tretyakova S. N. Londonskii salon O. A. Novikovo: zhenshchina v mire muzhskoi politiki [London salon of O. A. Novikova: a woman in the world of male politics] // Sotsial'naia istoriia [Social History]. 2013. № 2 (2). P. 27–43. (In Russ.).
13. Tretyakova S. N. O. A. Novikova — «neofitsial'nyi posol» Rossii v Anglii [O. A. Novikova — “unofficial ambassador” of Russia in England] // RUDN Journal of Russian History. 2010. № 4. P. 103–118. (In Russ.).
14. Chikalova I. R. Ol'ga Alekseevna Novikova: «neofitsial'nyi agent russkogo pravitel'stva» v Londone [Olga Alekseevna Novikova: “unofficial agent of the Russian government” in London] // Dialogue with Time. 2015. № 50. P. 268–286. (In Russ.).
15. Baylen J. O. Madame Olga Novikov, Propagandist // The American Slavic and East European Review. 1951. Vol. 10. № 4. P. 255–271.
16. Mellon M. Friend or femme fatale? Olga Novikova in the British Press, 1877–1925. PhD Thesis. Chapel Hill, 2010. 67 p.

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Airapetov Oleg R. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Organizations and Global Governance Problems, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: oleg_airapetov@list.ru

Бессолицын Александр Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории РАН, Москва, Россия.

Bessolitsyn Alexander A. — Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher at the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: a_bessolisyn@mail.ru

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Isakov Vladimir A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: isakov-va@yandex.ru

Коротун Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации, Воронеж, Россия.

Korotun Sergey N. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy» the Ministry of Defence of the Russian Federation, Voronezh, Russia.

E-mail: korotun83n@mail.ru

Мазаев Никита Андреевич — магистр истории, аспирант Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Mazaev Nikita A. — Master of History, Postgraduate Student, Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: mazaev-nikita14@yandex.ru

Малов Александр Витальевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН, Москва, Россия.

Malov Alexander V. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Center for Military History of Russia, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: supilluliuma@yandex.ru

Малхозова Фатима Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук, Москва, Россия.

Malkhozova Fatima V. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for the Study of Modern Russian History and Political Science, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: fa-m@yandex.ru

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Medovarov Maxim V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Technologies in Humanitarian Research, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Мирзоев Евгений Бахлувович — кандидат исторических наук, доцент, методист Института содержания, методов и технологий образования Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Mirzoev Evgeny B. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Methodologist of the Institute of Content, Methods and Technologies of Education of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: evgenymirzoev@rambler.ru

Мироненко Мария Павловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археографии Института славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия.

Mironenko Maria P. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Archeography, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: marmir53@gmail.com

Петров Михаил Дмитриевич — магистр истории, аспирант Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Petrov Mikhail D. — Master of History, Postgraduate Student, Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: petrovvm1995@mail.ru

Синин Евгений Юрьевич — старший научный сотрудник экспозиционно-мемориального отдела «Пресня» Государственного центрального музея современной истории России, Москва, Россия.

Sinin Evgeny Yu. — Senior Researcher, Exposition and Memorial Department “Presnya” of the State Central Museum of Contemporary History of Russia, Moscow, Russia.

E-mail: e.sinin@yandex.ru

Стогов Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия.

Stogov Dmitry I. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Culture, State and Law, Saint Petersburg Electro-technical University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «**Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». MCU Journal of Historical Studies** принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуточные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна
электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и *References*, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы не включаются источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2025, № 3 (59)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

кандидат исторических наук, директор, профессор
Института гуманитарных наук МГПУ *В. В. Кириллов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омельянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 19.11.2025 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 12 печ. л. Тираж: 1 000 экз.